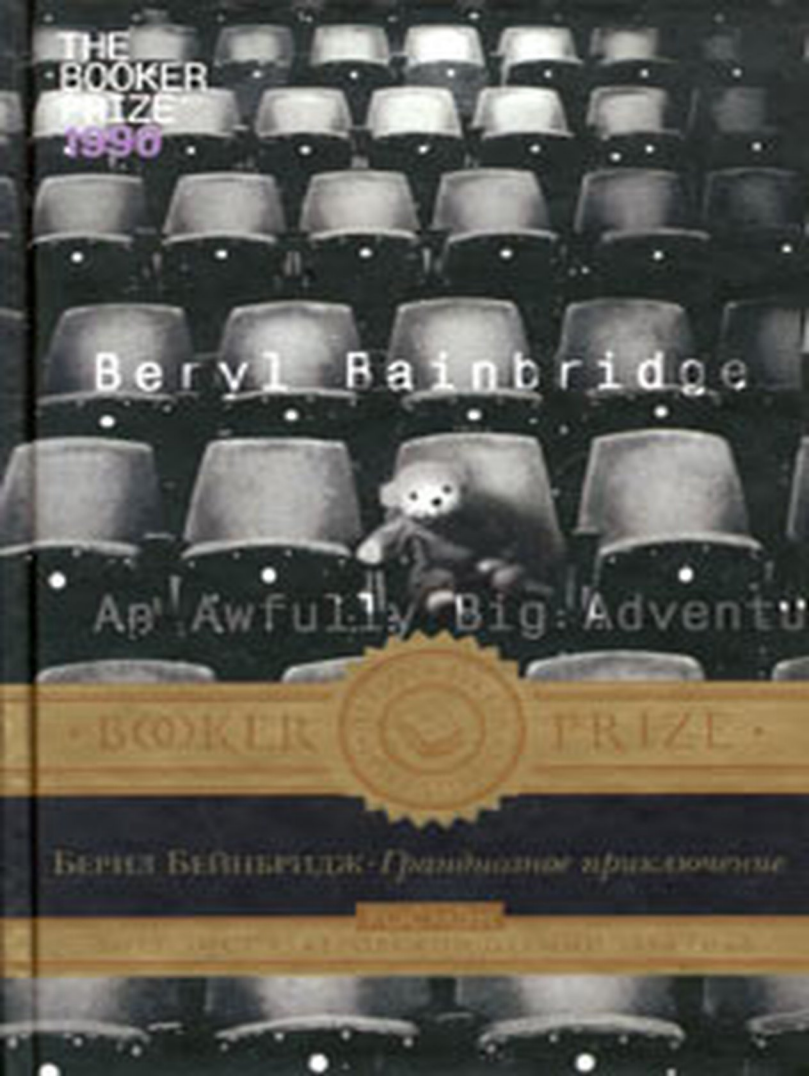

THE BOOKER PRIZE 1996
Beryl Bainbridge
An Awfully Big Adventu
BOOKER PRIZE
Берил Бейнбридж · Грандиозное приключение

Грандиозное приключение

Берил Бейнбридж

Аннотация
Берил
Бейнбридж. ГРАНДИОЗНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
0

Аннотация

Берил Бейнбридж (англ. Beryl Margaret Bainbridge, 21.XI.1932, Ливерпуль — 2.VII.2010, Лондон) — знаменитая английская писательница, Букеровский финалист 1998 года.

По собственному признанию Бейнбридж, тяготение к слову она приобрела благодаря радиопередачам — родители обычно включали приемник на полную громкость, чтобы заглушить шум семейных скандалов. В 14 лет за сочиненный Берил непристойный лимерик ее исключили из школы, и с 16 лет она стала актрисой в местном театре. Впоследствии Бейнбридж работала клерком в издательстве, на бутылочной фабрике.

В 2000 году писательница была отмечена

орденом Британской империи и получила право на титул „дама“.

Роман „Грандиозное приключение“ (шортлист Букеровской премии 1999 года) послужил литературной основой для одноименного фильма режиссера Майка Ньюэлла (1994), где одну из главных ролей сыграл Хью Грант.

Героиня романа, юная Стелла, выросшая без родителей под опекой восторженного дяди Вернона, горячего поклонника театра, поступает на сцену и без памяти влюбляется в режиссера…

Манера Бейнбридж узнаваема: неброскоизощренный слог, тонкий психологизм и хитро построенная интрига. Так хитро, что к самой последней строчке для читателя припасено неожиданное открытие.

Берил Бейнбридж
ГРАНДИОЗНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Деруэнту и Иоланте Мей

Стирка *(он детальнее других рассмотрел жертву)*. Это и не птица вовсе! По-моему, это тетенька!

Шишка *(который предпочел бы, чтобы это была птица)*. Тетя! А Болтун ее убил.

Чубик Ой, я все понял! Питер прислал ее к нам!

(Все заинтересованы — зачем?)

Все Ай-ай, Болтун, как тебе не стыдно! *(Хотя каждый минуту назад был бы рад оказаться на его месте.)*

Болтун *(всхлипывая)*. Я ее убил! Когда я во сне видел тетеньку, я всегда думал, что это моя мама, а когда она на самом деле прилетела, я ее застрелил.

Джеймс Барри. „Питер Пэн“. Акт 2 (Перевод Б.Заходера)

0

Когда опускали пожарный занавес и наконец-то закрыли двери, Мередиту почудился детский плач. Он включил свет в зале, но никого там, естественно, не оказалось. Какой-то несчастный забыл на откидном стуле в третьем ряду плюшевого мишку.

Девчонка дожидалась его в реквизитной. Когда он подошел, попятилась, будто он собирался ее ударить. Он не смотрел на нее. Просто сказал, тем голосом, который раньше всегда пускал в ход, разговаривая с людьми, что в объяснениях не нуждается да и какие тут могут быть объяснения.

— Я расстроилась, — заявила она. — Каждый бы расстроился. Больше такого не будет.

Оба услышали, как над ними открылась дверь и Роза тяжело зашагала по коридору.

— Будь моя воля, — он понизил голос, — тебе бы несдобровать.

— И неправда, — она не сдавалась. — Он был счастлив. Все приговаривал: „Как хорошо“. В моем возрасте я не могу нести ответственность.

То есть всю. Не я одна виновата.

— Иди ты с глаз моих долой. — И, отстранив ее, он пошел по коридору перехватывать Розу.

— Меня подстрекали, — кричала она ему вслед. — Вы этого не забывайте!

Он вспарывал воздух своим крюком.

— И с нее не спросишь со всею строгостью, — сказала Роза. — Не доросла.

Он пошел за ней, через темную сцену, в зрительный зал. Роза увидела плюшевого мишку, взяла за ухо, и он закачался, приникнув к подолу черного платья.

— Жене сообщили? — спросил Мередит.

— Сообщили, — сказала Роза. — Она приедет первым утренним поездом.

Он поднимался за ней следом по каменным ступеням, пригибая голову под сопящими газовыми горелками, и так они дошли до самого верха, до круглого, глядящего на площадь окна. Только пожарные и крысоловы так высоко забирались.

— А записка, — справился он. — проливает какой-то свет?

— Кто его знает, — сказала Роза. — Бонни счел за благо ее сжечь.

Площадь была в этот час пуста. Давно поуходили цветочницы, оставив желтые ящики у

железной решетки общественной уборной. Среди зубчатости домов вспыхивали искрами пароходные огни.

Они стояли молча, глядя в темноту, точно ждали поднятия занавеса. Дверь кафе Брауна вдруг выпустила желтый луч, и баба в резиновых сапогах вынесла помойное ведро.

Девчонка появилась из переулка, побежала на угол, к автомату. Оглянулась, посмотрела вверх, на круглое окно, будто чувствовала, что на нее смотрят. Лицо на таком расстоянии было мутным, бледным пятном. Мужчина, обвязанный белым шарфом, выплыл из черных теней Арсенала, девчонка остановилась, заговорила с ним.

Он порылся в кармане, что-то ей протянул. Он держал обернутый бумагой букетик.

— Правление будет не в восторге, — сказал Мередит. — Рашфорт взбеленится.

— Ничего, не на таковскую напал, — сказала Роза. Она притиснула мишку к блесткам на своей груди и теребила пальцем холодную пуговку глаза.

— Надо думать, — сказал Мередит, — нам не удастся отбиться от прессы.

— Мне удалось бы, — сказала Роза. — Только я не собираюсь. Из сиротской опеки два раза уже

звонили. Прости Господи, это делу не повредит.

Прямо внизу липа, вздрагивая ветками на ветру, отряхивала на мостовую брызги фонарного света. Мужчина в шарфе, тщательно выгибая над головой одну руку, облегчался за железной решеткой. Они видели ботинки, лоснящиеся под фонарем, зябкий букетик зимних нарциссов.

1

Сперва это дяде Вернону загорелось, не Стелле. Он думал, что понимает ее; только она встала на ножки, стал выжидать, когда же она заковыляет к подмосткам. Стелла как раз сомневалась. Говорила ему: „Я не буду гоняться за пустыми фантазиями“.

А потом она свыклась с этой затеей и два года по пятницам после уроков сбегала с горки к Ганновер-стрит, поднималась на лифте Крейн-холла мимо демонстрационных залов, где клавиши лаковых пианино теребили слепцы, до верхнего этажа миссис Аккерли, чей поджатый рот выплевывал „Карл у Клары украл кораллы“ за дымной завесой русских сигарет.

Дома она запиралась у себя в комнате от кухонной мойки и лишних разговоров. За чаем брякала чашку на блюдце, портила хорошую скатерть дубильной кислотой и стонала, что это, наверно, отрава, которую приготовил для нее брат Лоренцо[1]. Дядя Вернон орал на нее, а она говорила,

---

[1] Примечания: 1

См. „Ромео и Джульетта“, акт IV, сц. I, акт V. сц. 3 (Здесь и далее прим. перев.)

что ей еще рано отвечать за свои рефлексы и чувства, не доросла. Она всегда точно знала, что ей можно, а что нет.

Лили-то думала, что девочка просто учится правильно говорить, и в ужас пришла, когда узнала, что это называется Драматическое Искусство. Убивалась, что Стелла настроится, а потом ее надежды лопнут.

Потом Стелла завалила предварительные экзамены, и учителя решили, что не стоит включать ее в списки на аттестат зрелости. Дядя Вернон бросился в школу шуметь, но вернулся ублаготворенным. Там не отрицали, что способности у нее есть, просто никакого нет прилежания.

— По мне, так и правильно, — сказал он Лили. — Уж мы-то с тобой знаем, что ей ничего не втемяшишь.

Он кое-что поразведал, пустил в ход кой-какие связи. После того как пришло то письмо, Стелла четыре субботы по утрам дополнительно готовила с миссис Аккерли в Крейн-холле сценку телефонного разговора из „Условий развода“. Миссис Аккерли сомневалась в ее произношении, склонялась к какой-нибудь Ланкаширской драме, еще бы лучше комедии: было в девочке что-то клоунское.

Стелла не соглашалась. Я настоящая обезьяна, говорила она, и действительно воспроизводила прокуренный тон миссис Аккерли в совершенстве. Конечно, она для роли была чересчур молода, но проницательно замечала, что это только оттенит широту ее амплуа. На третий понедельник сентября назначено было прослушивание.

За десять дней до этого, за завтраком, она объявила дяде Вернону, что засомневалась.

— И думать не моги, — сказал дядя Вернон, — теперь уж ничего не поменяешь.

Он составил список покупок и дал ей десятишиллинговую бумажку. Когда через полчаса он вышел в темный холл, бренча мелочью в кармане, она, скорчившись, втиснув пухлую коленку между перилами, сидела на ступеньках. Он вскипел — торчать в этой части дома, да еще без ее красивой школьной формы, ей было не положено, и она это знала. Она разглядывала мокрое пятно, расплывавшееся по цветочкам обоев над телефоном.

Он включил свет, спросил, что это за представленья за такие. Эдак на тележке у Пэдди только пучок гнилой морковки останется. Как она считает — можно так вести дела?

Она, видно, встала с левой ноги, с ней бывало,

и притворилась, будто не слышит, задумалась. Он чуть ее не ударил. Ничего от матери не было в этом лице, разве что веснушки на скулах.

— Вот веди, веди себя эдак, — сказал он в который уж раз, — и кончишь за прилавком у Вулворта.

Только зря он ее подначивал. Как бы назло ему не побежала туда наниматься, на нее похоже.

— Ты чересчур меня продвигаешь. — сказала она. — Хочешь купаться в лучах моей славы.

Тут уж он не стерпел, поднял руку, но она прошмыгнула мимо с мокрыми глазами, и сразу весь мир для него помутился от этих слез.

Он позвонил Харкорту и обиняками, исподволь старался найти утешение.

— Три бутылки дезинфекции… — он читал по списку, — четыре фунта карболового мыла… дюжина свеч… двадцать рулонов туалетной бумаги… Джордж Липман замолвил словечко своей сестре. Это в отношении Стеллы.

— С превеликим моим удовольствием, но больше десяти не могу. — сказал Харкорт. — И те лежалые.

— Я спрашиваю себя: верно ли я поступаю?

— По-моему, у нее нет других возможностей, — сказал Харкорт, — раз в школе отказались при-

нять ее обратно.

— Не то что отказались, — уточнил Вернон, — они, в общем, считают, что для нее бесполезно там оставаться. И вы же знаете Стеллу. Уж если она что вобьет себе в голову…

— Да-да, — сказал Харкорт.

Хоть в жизни не видывал девочку, он часто говорил жене, что, если пришлось бы, свободно бы сдал по этому предмету экзамен. Его обширные познания по части Стеллы базировались на ежемесячных сводках, предоставляемых Верноном, когда тот заказывал товары для ванны и прачечной.

— На той неделе такую бучу подняла, — откровенничал Вернон, — из-за этого вечера танцев для хозяев гостиниц. Лили достала парашютного шелка, отвела ее к портнихе на Дьюк-стрит платье шить. Вот уже, значит, вечер, дрянь эта на вешалке болтается, чтоб отвиселась, а она отказывается ее надевать. И ни в какую. Кремень. В конце концов мы никто не пошли. Вы удивлялись, наверное, куда мы делись.

— Не без того, — прилгнул Харкорт.

— Она против рукавов возражала. Чересчур, мол, пышные. Не пойду я, мол, на люди с руками как у боксера. Так я и не увидел ее в этом платье,

но Лили говорит — картинка. Созревает, знаете.

— Да? — сказал Харкорт и бегло подумал о собственной дочери, которая часто казалась ему каким-то недоразумением в сравнении со Стеллой. Созревает она или нет? Вечно ходит ссутуленная, прижавши к груди сумочку.

— Ну а кашель как? — спросил он. И услышал, как ус Вернона легонько скребет по мембране.

— Ничего, — сказал Вернон. — Не беспокоит. Спасибо, что поинтересовались. Премного вам благодарен. — И заказал новое ведро и пыж для ванны, прежде чем повесить трубку.

Лили он сказал, что Харкорт целиком и полностью одобряет их решение. Лили разделывала кролика.

— Харкорт считает, что она создана для этого, — сказал он.

У Лили оставались сомнения.

— Такие, как мы с тобой, по театрам не ходят, — сказала она. — А не то чтоб на сцене играть.

— Но она не такая, как мы, ведь верно? — сказал он, и что тут можно было ответить?

* * *

Они сходили по ступенькам как два канатоходца. Стелла вытягивала носок заемной туфли, дядя

Вернон откидывался назад в малиновом жилете, вздутом над поясом брюк, одной рукой придерживал Стеллу под локоть и воздевал другую, защищаясь черным зонтом от дождя. Жилет был кошмарный, из обрезков сукна, которые Лили купила на распродаже, чтоб оживить диванные подушечки в гостиной для жильцов. Хотела выкроить треугольнички, звезды, квадраты, но не дошли руки.

— Пусти, — сказала Стелла, выдергивая локоть. — Мне с тобой неудобно идти.

— О? — сказал дядя Вернон. — Что за новости? Но тон был миролюбивый.

Трехчасовой аэроплан, который взлетал у Спика для пятиминутных рейсов над городом, прогрохотал в вышине. Всполошенные голуби еще плавали над булыжниками. Все, кроме одного, хроменького, который прыгал по сточному желобу и клепал брызговик такси. День был хмурый, неоновая вывеска над дверным козырьком вспыхивала с самого завтрака. Лужи мигали багрово. Потом уже, после того как посетит этот дом, Мередит заметит, что только в бардаках любят красные огни.

Дождь моросил на Стеллу, и она заслоняла голову руками: знала, что за ней наблюдают сверху,

из окна. С утра пораньше Лили усадила ее за кухонный стол и приступилась к ней с щипцами. Щипцы, переливаясь из едкой рыжины в синюю матовость, цапали пряди и тесно привинчивали к черепу. А потом разогретые кудри, по очереди высвобождаясь, колбасками прыгали на приметанный к бархатному платью воротничок.

— В гробу, — сказала Стелла, — мои волосы и ногти еще будут расти.

Лили поморщилась, но взяла эту мысль на заметку, чтоб пересказать при случае коммивояжеру с пересаженной кожей. Он, не в пример разным прочим, мог оценить это чересчур, может быть, смелое наблюдение. На взгляд Лили, оно лишний раз подтверждало, что девочка умна не по годам, и доказывало, хотя доказательств не требовалось, какая у неё буйная, пусть и мрачная фантазия.

Дядя Вернон расплатился с таксистом заранее. Об этом уговорились с вечера, после скандала, потому что Стелла заявляла, что лучше ей умереть, чем дать чаевые шоферу.

— Я тогда на трамвае поеду, — уперлась она.

— Будет дождь, — говорил дядя Вернон. — Ты же вымокнешь вся.

Она отвечала, что ей плевать. У нее, мол, есть

кое-что за душой, что будет безвозвратно испорчено, если она себе позволит совать человеку чаевые.

— Ну накинь ты ему шесть пенсов, — не сдавался дядя Вернон. — Ну девять от силы. В чем дело, не пойму?

А она: нет, сама операция унизительна. Вредна и тому, кто дает, и тому, кто получает.

— Ну так и не набавляй ему ничего, дурья твоя голова, — не уступал дядя Вернон. — Сунь ему, сколько настучит, и дай деру.

Бесполезно было спорить с девчонкой. С вечной ее демагогией. Конечно, судьба у нее с самого начала не ахти как ладно сложилась, так ведь не у нее первой, не у нее последней, и это еще не резон из каждого пустяка выжимать до последней капли трагедию. Чувства не постирушка. Их не вывесишь на веревке всем напоказ.

По большей части ее поведение отдавало показухой и беспринципностью. Он знал таких в армии: люди из рабочей среды, из простых, начитаются книжек и потом дурью мучаются. Будь она мальчишкой, он бы ее разок-другой вытянул ремешком, ну или бы хоть отшлепал.

Что, например, за выдумка — и, между прочим, накладно — палить на лестнице электричество,

только-только стемнеет. Послушать Лили, так это она запомнила якобы те дела, когда свет горел среди ночи — Господи, да всего же девять месяцев было ребенку! Нет, он лично грешил на поэзию, песенки, куплетики про тоску и печаль, на которых она помешалась; и, между прочим, ему не очень-то верилось в эту самую боязнь темноты. При затемнении, например, когда весь город тонул в чернильном мраке, выбежала же она во двор и битый час голосила, как нанятая, под черной ольхой. Или тот случай, когда он приехал на побывку, а она удрала из убежища, и они с ответственным по бомбежкам обыскались, с ног сбились, и она нашлась на кладбище, сидела у ограды и в ладошки хлопала, когда сахарные склады на Док-роуд лопались, как бумажные кульки, и фейерверком взлетали над городом искры. Это как понимать?

Всегда невозможная была, всегда черт те что выкомаривала из-за мелочей, мимо которых нормальный человек пройдет — не заметит. А она ополчается, воюет, доводит прямо-таки до нелепости. Он не забыл, какой она устроила концерт, когда пришлось удалить с площадки этот чан. Орала: он калечит ее прошлое, с корнем выдирает воспоминанья. Он язык прикусил, чуть

не брякнул, что в данном случае оно и лучше. Бывает кое-что и похлеще удаления чанов. Вот вам наглядный пример, какая сомнительная вещь — наука история: любой пересказ событий заведомо однобок.

Трудно дался ему, еле ей простил и тот безобразный номер, который она отколола из-за срубленной черной ольхи на темных задворках: выскочила из дому как полоумная, буквально бросилась на топор. Ма Танг, соседка, решила, что он убивает девочку, стала швырять в него с крыши — на бане стояла — семенным картофелем. А папаша этой Ма Танг, с косичкой из трех волосинок, вытащенный в сад на заре подышать, погнал внука за полицией.

Удаление чана была строго необходимая мера. Припозднившиеся постояльцы, когда припечет, употребляли его вовсе не по назначению. Ну а насчет пресловутой ольхи, несчастного, больного растения с изъеденными листьями, так она канализационным трубам мешала. В обоих случаях, а сколько их было еще, этих случаев, в лице у Стеллы брезжила натяжка, такое сверхчувствительное выражение, что ему было просто смешно. Хотя она, возможно, и не совсем притворялась. Моментами он готов был поклясться, что у нее

действительно что-то такое творится в душе.

Лили, со своей стороны, пыталась уломать Стеллу, чтоб позволила дяде Вернону проводить ее до театра. Намекала, что он заслужил. Не будь он знаком с братом Розы Липман — вместе горемыкали мальчишками в Эвертоне, — не видать ей театра. Он же никому не будет навязываться. Он человек тонкий. Даже мясник с Хардман-стрит, который его нагрел на конине, не стал этого отрицать. Да он никуда и входить-то не собирается, тихо-мирно ее обождет в кафе Брауна.

— Тихо-мирно, — передразнила Стелла и расхохоталась по своему обыкновению.

Грозилась запереться у себя в комнате, если он силком за ней увяжется. Комната у нее, конечно, не запиралась, но видно было, что она от своего не отступится. Заявила даже, что не надо ей никаких успехов, только б не вышагивать им навстречу с дядей Верноном под ручку. „Учти, я не шучу“, — сказала ему.

Сильно задетый, хоть она не позволяла ему брать ее за руку с тех самых пор, когда он таскал ее туда-сюда в этот детский садик на Маунт-Плезант, он резко качнулся в своем плетеном кресле у плиты и сказал, что она эгоистка. Он всегда ужасно мерз, даже летом, и так близко усаживался к

огню, что одна ножка у кресла обуглилась. Лили говорила, что по щиколоткам у него такие узоры, что можно ходить без носков. Он дождется, предупреждала она, что кресло прикажет долго жить от его раскачки и вывалит его прямо на угли.

— Ты успокойся, — уговаривала она. — Это возраст у нее такой.

— Тут поневоле поверишь в наследственность, — кипятился он. — Вылитая копия паршивки Рене.

Только неправда это. В девчонке ни с кем никакого сходства покуда не наблюдалось.

Усадив Стеллу в такси, он помедлил, прежде чем хлопнуть дверцей. Он был при всем параде, и у нее еще оставалось время одуматься. Но она уставилась прямо перед собой с видом непонятой добродетели.

Все же, когда такси, в гирлянде голубей, рвануло от тротуара, она не удержалась, глянула через заднее стекло и ухватила промельк дяди Вернона. Он стоял, как под грибом, под гигантским зонтом, махал изо всех сил рукой, в знак того, что желает ей удачи, и она послала ему запоздалый, беглый, неувиденный поцелуй, когда такси завернуло за угол и через трамвайную линию заскользило к Кэтрин-стрит. Она настояла на своем, но радости

не было. За все приходится платить, думала она.

Дядя Вернон вернулся в дом и принялся ладить большой крюк к кухонной двери. Лили прибежала на грохот и поинтересовалась, зачем это надо. Он еще не снял свой танкистский берет, не сменил брюки.

— Чтоб вещи вешать, женщина, — буркнул он, в сердцах загоняя шуруп и совсем не замечая, как с двери из-за этого сшелушивается краска.

— Что, например? — спросила она.

— Например, кухонные полотенца, — сказал он. — А ты думала? Лучше, считаешь, мне самому повеситься?

Лили сказала, что ему бы не грех проверить свои мозги у доктора.

2

Дорога заняла от силы минут десять: когда Стелла приехала на Хотон-стрит, часы „Устричного бара“ показывали четверть четвертого. Она выскочила из такси и в секунду оказалась у служебного входа. Если б она зазевалась, стала раздумывать, благодарить шофера, причесываться, ее, может быть, унесло бы совсем не туда и все бы пропало.

— Стелла Брэдшо, — сказала она швейцару. — Режиссер меня ожидает. Мой дядя знаком с мисс Липман.

Вышло нескладно. Она всего-навсего хотела сказать, что у нее назначена встреча с Мередитом Поттером. Не успела она еще закрыть рот, как стройный человек в куртке с капюшоном, а за ним плотный в плаще и галошах обогнули загиб лестницы. Так бы они и скользнули за дверь, если б швейцар не окликнул:

— Мистер Поттер, сэр. К вам тут барышня.

— О! — вскрикнул Мередит, и он повернулся на пятках и замер, прижав правый кулак ко лбу. — А мы как раз вознамерились чай пить, — сказал

он и нахмурился, будто его заставили ждать часами.

— Я явилась в указанное время, — сказала Стелла. — Мне назначено на три пятнадцать.

Когда она узнала его поближе, она догадалась, что он хотел от нее улизнуть.

— Ну, тогда проходите, — сказал Мередит и прошел по коридору в какую-то мрачную комнату вроде мебельного склада.

Человек в галошах был представлен Стелле как Бонни. Помреж. Непонятно, важная ли птица. Плащ был замызганный. Он бегло, сладко улыбнулся, пожал ей руку и вытер свою защитного цвета платком.

Несмотря на множество стульев и диван, стоявший под прямым углом к каминной решетке, сесть было негде. Стулья, друг на дружке, лезли к самому потолку, мужской велосипед, с погнутыми спицами, заляпанными серебрянкой, задрав колеса, валялся поперек дивана. Пахло странно: малярной краской, столярным клеем, сырой одеждой. Стелла приткнулась возле посудной горки, у которой была выгравирована на стекле голая женщина. Очень я ее испугалась, думала Стелла. Грудей я голых не видела.

Помреж уселся на решетку и углубился в со-

зерцанье собственных галош, Мередит зажег сигарету, запустил горелой спичкой в темный угол и закрыл глаза. Стелла поняла, что ее наружность на обоих не произвела положительного впечатления.

— Мисс Липман назначила мне прийти, — сказала Стелла. — Опыта у меня пока нет, но я получила золотую медаль лондонской Театральной академии. И еще я выступала по радио в детской передаче. Я часто ездила на поезде в Манчестер, и американские летчики, когда садились в Бертонвуде, выкручивали в вагонах лампочки. В результате я научилась разговаривать мужским голосом, как южные американцы или как чикагцы. Есть потому что разница. Ирландский акцент у меня тоже хорошо выходит. Если бы у меня был кокос, я бы показала, как скачет лошадь.

— К сожалению, я таковым, по-видимому, не располагаю, — сказал Мередит и стряхнул пепел на пол. Прямо над ним косо висела на гвозде чья-то рогатая голова.

— Вообще-то, — уточнила Стелла, — я только аттестат получила с золотыми буквами. Медали перестали выдавать из-за войны.

— Ах, война-война, — вставил Бонни.

— Преподавательница хотела, чтоб я показала отрывок из „Любовь зла — полюбишь и козла“, но я разучила телефонный разговор из „Договора о разводе“[2].

— Не припоминаю такой пьесы, — сказал Мередит.

— Алло, алло, — начала Стелла. Взяла из посудной горки фарфоровую вазу, приложила к уху.

— Когда человек нам нужен, его почему-то всегда не оказывается дома, — заметил Бонни.

— Будьте любезны, сообщите его сиятельству; что мне тотчас с ним надо поговорить, — произнесла Стелла.

Мертвая капустница отлепилась от вазы, брошкой приклеилась к Стеллиному воротничку. Мередит расстегнул крючки, обнаружился галстук бабочкой, розовый шнур, на котором болтался монокль. Стелла ни у кого не видывала такой стекляшки, только у мистера Ливи, хозяина филателии на Хакинс-Хэй.

— Сообщите его сиятельству… — повторила она и осеклась, потому что теперь Мередит вытащил из жилетного кармана часы и показывал Бонни.

---

[2] Примечания: 2

„Договор о разводе“ (1932) — фильм знаменитого американского режиссера Джорджа Кьюкора (др. фильмы: „Моя прекрасная леди“, „Газовый свет“).

— Чай пить пора, — сказал он. — А вы — вот что, пойдемте с нами, — схватил Стеллу за локоть, поволок по коридору обратно, вытолкал под дождь.

По улице втроем, сомкнутым строем, было не пройти. Тротуар узкий, полно народу. Мередит выделывал сложные восьмерки, выдираясь из толпы. Не приученная к тонкому обхождению, Стелла не поняла, что он ее оберегает от края тротуара. Решила, что хочет отделаться. Скоро она отстала и нарочно плелась сзади, одна нога на тротуаре, другая на мостовой. Мередит, с поднятым капюшоном, как монах, вышагивал впереди. Она слушала, как он о чем-то важном секретничал с Бонни, но иногда орал, чтоб перекричать уличный шум. Бонни был из-за чего-то или из-за кого-то расстроен. Он терзался, кажется, или даже отчаивался.

— Лицемерие — вот я чего не переношу.

— Да, это всегда мучительно, — соглашался Мередит.

— Как больно, о Господи, как мне больно.

— У меня ведь тоже было такое в Виндзоре, если помнишь.

— О Господи, как мне больно.

— Бедный ты мой! — выкрикнул Мередит, потому что между ними вклинилась женщина с

нагруженной дровами детской коляской.

На разбомбленном участке рядом с рестораном Раиса извивался на грязной земле человек в мешке. Напарник в одной майке и рваных штанах стягивал мешок цепями. Потом распрямился, и по бицепсу вильнул хвостом синий дракон.

— Я просто этого не переживу, — сказал Бонни.

Чай пили на третьем этаже в кафе Фуллера. Когда поднимались по лестнице, Стелла закашлялась, осторожно вытерла губы платком, который дала ей Лили, и внимательно проверила — нет ли пятен крови. Мередит смотрел, она знала. И определенно забеспокоился, потому что поскорей-поскорей пропустил ее в дверь.

Бонни, когда снимал плащ, хлестнул поясом по молочнику на столике рядом с вешалкой. Красная скатерть была так накрахмалена, что плотный молочный комочек распрыгался рядом с сахарницей. Бонни не заметил. Три пожилые дамы в лисьих сырых мехах, которые сидели за столиком, принялись извиняться.

Стелла сказала, что ей надо остаться в пальто.

— Промокла же вся, — сказал Мередит.

— Не имеет значения, — сказала она.

Утром, когда она одевалась, они с Лили так и не пришли ни к какому соглашению, можно ли

показываться в этом платье. Оно было самое лучшее, выходное платье, но бархат всегда собирает пыль. Самое время новое покупать, сказала Лили, если, конечно, с работой получится.

Пока Мередит проходил между столиками, по залу катилась волна оживления. Постоянные посетительницы узнавали его. Порхали вуалетки, щелкали сумочки, взблескивали зеркальца — они прихорашивались. Делали вид, что не смотрят, а сами его съедали глазами. Распорядительница разлетелась к нему, объяснила, что сегодня так и расхватывают пирожные. Но она приберегла два изумительных наполеона. Мистеру Поттеру достаточно слово сказать, и оба будут к его услугам.

— Вы очень любезны, — промямлил Мередит.

— Я не голодна, — сказала Стелла и уставилась вдаль, словно видела что-то, недоступное постороннему взгляду. Но почти тут же сложила губы в легкой улыбке: часто, когда она считала, что на лице у нее задумчивое выражение, дядя Вернон спрашивал, чего она дуется.

Она чувствовала себя не в своей тарелке и приписывала это моноклю. Дико разросшийся глаз Мередита изучал стену над ее левым плечом. Она хотела что-то сказать, но не могла языком

пошевелить. Было ужасно обидно — вдруг вот так онеметь. Всегда, сколько себя помнила, она болтала с жильцами Лили. Рассказывали они мало увлекательного: какой у них дом, двуспальные кровати, подзоры. Или какие овощи лучше принимаются у них на участке. Совали под нос мутные фотографии жен с выщипанными бровями и деток в полосатых купальниках, барахтающихся в волнах прибоя. Кое-кто в пьяном виде переходил грань и лез целоваться. Одному удалось, в холле, когда она обдирала сухие листья аспидистры. Она, правда, морщилась, терла рот полотенцем, но ей не было противно. Во всяком случае, никто пока еще на нее не смотрел как на пень.

— Разве я могу закрывать на это глаза? — стонал Бонни. — Нельзя прощать предательство.

— Ну, это как поглядеть, — сказал Мередит. — Бывают вещи и похуже. Коварство, например.

Монокль выскочил из глазницы и запрыгал по крахмальной груди.

— Я знаю одного человека, — сказала Стелла, — который вообще не закрывает глаза. Не может, даже когда спит. Его самолет разбился в Голландии, и загорелось лицо. Ему вырезали кожу с плеч и сделали искусственные веки, но они не

действуют. — Она сама широко раскрыла глаза и смотрела не мигая.

— Очень любопытно, — сказал Мередит.

— Невеста приехала к нему на свидание и от него отказалась; только кольцо забыла вернуть. Потом написала ему письмо, что знает, какая она плохая, но она за детей испугалась, как бы эти веки не передались но наследству. Он говорит — самое ужасное, что люди его считают свирепым, а он целыми днями плачет в душе.

— Какой ужас, — сказал Бонни. Чешуйки наполеона ссыпались с его потрясенного рта.

Мередит делал вид, что слушает, но Стелла была уверена, что он думает о другом. Как ни странно, она чувствовала, что кого-то ему напоминает, и он не может вспомнить, кого. Сначала он ей показался неинтересным: лицо какое-то белое, какой-то приторный вид. Он не обращал на нее абсолютно никакого внимания, и она решила, что он занят одним собой. Сейчас по слегка раздувающимся ноздрям, по презрительно склоненной голове она видела, что он ее принимает за дуру. Если б не эта обесцвеченность тонких, тронутых никотином пальцев, барабанящих по столу, она бы его просто боялась.

Секунду она раздумывала, не стоит ли сно-

ва закашляться. Но вместо этого стала ему рассказывать про Лили, и дядю Вернона, и „Аберхаус-отель“. Терять было нечего. Все равно он, конечно, не собирался слушать ее отрывок из „Договора о разводе“.

В общем, это не то чтобы в полном смысле отель, призналась она, скорей пансион, хотя дядя Вернон два года назад поставил новую ванну. Когда Лили покупала дом, над дверью уже мигала вывеска, клиенты привыкли к названию, глупо было менять. Лили закрасила окна и двери бежевой краской, но люди путались, проходили мимо, и тогда дядя Вернон все опять покрасил в красный цвет. Лили считала, что цвет безобразно кричащий. Сначала Лили и ее сестра Рене затеяли общее дело, только Рене скоро плюнула на все и свалила в Лондон. Невелика потеря. Она была стильная, никто не отрицает, но кому это надо на ливерпульских задворках? Люди, как увидят эти картины в прихожей или атласные подушечки, натыканные в головах постелей, сразу смывались. Кое-кого из постоянных жильцов видели на пороге у Ма Танг, у соседки — однорукого мыловара и торговца пробкой со стеклянным глазом в том числе: вволакивали туда свои чемоданы с образчиками.

— А что за картины? — спросил Бонни.

— Гравюры, — сказала Стелла. — Несчастные девы в чем мать родила, неизвестно зачем привязанные к деревьям. Ну и еще голос ее им на нервы действовал. Чересчур благородный. Как-то она сюда опять заезжала, но зря. После той истории со светом среди ночи, когда соседи на нее пожаловались в полицию, дни ее были сочтены.

— А почему соседи пожаловались? — спросил Бонни. Не он один заинтересовался. Дамы за соседним столиком вытянули шеи, ушки на макушке.

— Да так, — сказала Стелла. — Я не могу в это углубляться. — Она глянула на Мередита и поймала его на широком зевке. — Потом дядя Вернон все взвалил на себя. Фактически он управляет отелем. Он говорит, от меня будет меньше вреда, если меня примут на сцену.

Бонни признался, что по ее рассказам ему понравился дядя Вернон. В этом человеке угадывается скрытая глубина. Стелла, вероятно, больше пошла в него, чем в мать.

— Ой, тут вы ошибаетесь, — сказала она. — Нет, это я, наверное, в мать, потому что дядя Вернон мне никто.

Мередит доканчивал зевок. Еще мерцало золото

задних зубов, когда он вынул десятишиллинговую бумажку и помахал официантке.

Стелла, извинившись, пошла в женскую уборную и притворилась, что моет руки. В зеркале она видела, как дежурная — серебряный обруч на рыжих кудрях — клюет носом на стуле у двери. В красной мисочке на подзеркальнике всего-то было шесть пенсов. Недостаточно, чтоб войти в долю за чай на троих плюс еще два пирожных и чаевые, и притом — как неслышно сунуть их в карман?

Что лучше — чтоб Мередит счел ее халявщицей или чтоб ее арестовали за воровство? Может быть, упасть в обморок? Миссис Аккерли ее учила расслаблять мышцы и падать, как куль с мукой.

Вряд ли Мередит будет требовать с нее треть по счету, когда увидит распростертую на полу. Да, но вдруг она упадет нескладно, выставит резинки от пояса всем напоказ, как проститутка? Дура я, дура, думала она. Дядя Вернон предлагал ей деньги, а она воротила нос.

С колотящимся сердцем она засунула в рукав три пенса, но дальше нервы не выдержали, она вышла и увидела, что оба, уже одетые, ждут ее у выхода.

На улице Мередит сказал, что они еще встре-

тятся, когда начнется сезон. Бонни возьмет над ней шефство.

— Но вы же не видели, как я играю, — изумилась она.

Она уже примирилась с карьерой продавщицы у Вулворта. Он вздернул брови и сказал, что полагает иначе. С ней в свое время свяжется секретарша. Она покраснела, когда он пожимал ей руку.

— Жду новых встреч, — галантно сказал Бонни. Поцеловал ее в щечку и предложил остановить такси.

— Мне надо еще кое-что купить, — сказала она. — Я сама потом поймаю. Дядя Вернон никогда не ездит на такси, он считает унизительным давать чаевые. Глупо, правда? Огромное вам спасибо за чай.

Дождь перестал, тучи были в заплатах холодного белого света. Она бросилась через дорогу бегом, будто вдруг увидела знакомого, добежала чуть не до конца Нолд-стрит и только там остановилась и оглянулась. Она ничего не увидела из-за трамвая, которому не давала проехать тележка с углем, но когда он протренькал мимо, она увидела: Мередит, подняв капюшон, вышагивает через Ганновер-плейс в сторону реки. В глубине души

она знала, что это не он. Теперь всю мою жизнь, думала она, я тебя буду видеть в любой толпе.

Она поднялась в гору, к церкви Святого Луки, в которой — почему бы и нет — ее прадед некогда играл на органе. Сизые травы плескались в сквозных пробоинах зависшей в поднебесье на своих винтовых ступеньках разбомбленной колокольни. Дядя Вернон говорил, что это уродство и непонятно, почему муниципалитет не может сровнять все сооруженье с землей и довести до конца то, что начала люфтваффе. Стелла спорила, говорила, что церковь — памятник архитектуры, а разбитая колокольня — лестница из прошлого в будущее.

Теперь она знала, что прошлое вообще не считается, а будущее поинтересней ветхой каменной кладки. Любовь — вот что станет ее лестницей к звездам, и, сама потрясенная величием образа, она выдавила слезу.

Наверху, на углу возле „Коммерческого отеля“, она позвонила маме, использовав те три пенса, которые стибрила с подзеркальника в кафе Фуллера. Солнце уже садилось, и все в синяках было небо над „Золотым драконом“.

— Я не чувствую за собой вины. — призналась она. — Необходимость оправдывает, ты согласна?

Да никто меня и не видел.

Мама говорила обычные вещи.

3

Сцена была так плохо освещена, что по углам ничего не видно. Чтоб хоть как-то защитить зал от пыли, опустили пожарный занавес. Кто-то, один-одинешенек, оседлав заляпанный краской верстак, перепиливал доску. Толкал пилу, ее тень убегала вперед и переламывалась, как былинка. Джеффри и Стелла говорили шепотом, как в церкви.

— Тут глубже, оказывается, — сказал Джеффри.

— И противней, — сказала Стелла, которая, если бы ей не мешали, могла бы, как волшебник, вызвать из этой тьмы вересковое поле под ветром, ангар, операционную, заставленный книгами кабинет, где Фауст продает душу дьяволу. Этот Джеффри ее отвлекал, он все дергал себя за волосы, натягивая их на лоб. Не единственная его дурная привычка. Волосы, жесткие, мелким бесом, тут же, как только он их отпустит, отскакивали обратно. Стелла почти сразу на цыпочках прошла в глубь сцены и, через раздвижную дверь, в реквизитную. Джеффри дико ее раздражал.

Она считала, когда ее позвали работать в театр,

что она одна из немногих избранных. Обнаружив в славном списке героев этого Джеффри, она жестоко разочаровалась. Девятнадцать лет, всего на три года ее старше. Племянник Рашфорта, председателя правления, недавно вышибленный из военного училища, потому что в кого-то не того пальнул из ружья.

Их обоих, Джеффри и Стеллу, называли учениками. Джордж, реквизитор, объяснил, что на самом деле они ассистенты помрежа, но так им можно не платить жалованье. Джеффри форсил в галстуке с абстрактным рисунком и ходил, сжав кулаки, будто до сих пор вышагивает в строю. Вечно запускал разными словечками, которые Стелла более или менее понимала, но в разговор ни за что бы не вставила. Боялась за произношение.

Он загнал, например, в угол Бонни — тот буквально мигал от скуки, — и объявил, что Т. С. Элиот, с его точки зрения, поэт manque[3]. И не успокоился, пока не процитировал несколько муторных строк:

Паденье. Как-то на Риальто.
За балкой крысы. В спайке и впотьмах,

---

[3] Примечания: 3
Неудавшийся, плохой (франц.).

Еврей за сделкой. Смех
Лодочника, денежки в мехах[4].

Цитатка была та еще. Стелла прекрасно понимала, что речь тут не о кинотеатре „Риальто“ на Верхней Парламентской, но все равно ее разбирал смех. У дяди Вернона были спайки.

Джеффри на этом не успокоился, он сказал, что всякий, кто станет разбазаривать свои силы на банкиров и ростовщиков, априори обречен на неубедительность. Стелла подумала, уж не антисемит ли Джеффри. Только расист, после всего, что было, способен валить в одну кучу крыс и евреев.

Конечно, язык у Джеффри был хорошо подвешен. Но странно: во всем остальном он был дремучий, как валенок. Джордж обращается, например, прямо к нему, а он пятится, задрав подбородок, как обиженная девица. Джордж, например, заваривает чай и его раздает, а Джеффри вытирает платком край кружки или даже ручку. Совершенно плюет на то, что Джордж видит. И притом — ни капли любопытства. Стелла битых полчаса кашляла в закусочной „Нового театра“ на Клэйтон-сквер, а он хоть бы поинтересовался,

---

[4] Примечания: 4
Т.С.Элиот. Из сборника „Стихотворения“ 1920 года.

нет ли у нее склонности к туберкулезу.

И все равно Стелла из-за него потеряла покой. Дядя Вернон всегда намекал, что она поумнее других, и один его деловой знакомый, мистер Харкорт, старикан из ливерпульской Коллегии, даром что докатился до туалетной бумаги, подтверждал это мнение. Если б не Джордж, она бы просто погибла под грузом вдруг обнаружившегося собственного невежества.

Это Джордж, а никакой не Бонни, взял над ней шефство. Бонни, тут как тут, шлепал в своих галошах по каменным переходам, но был слишком занят, чтоб особенно обращать внимание на нее или Джеффри. Это Джордж ей объяснил, например, что Мередит в Лондоне, с оформителем, выбирает костюмы для предстоящей премьеры. А до тех пор, в надежде, что Мередит на нее наткнется, она зря проторчала на лестнице три дня чуть не сплошь, скрючившись на ступеньках и листая томик Шекспира. И на всякий случай так часто причесывалась, что опасалась, как бы не повылезли волосы.

Это Джордж ей сообщил, что актеров еще десять дней не будет. Заскочит разная мелюзга поразведать насчет жилья, но и думать нечего, что Ричард Сент-Айвз, герой-любовник, или До-

роти Бланделл, его партнерша, вдруг объявятся раньше срока. Сент-Айвз и мисс Бланделл вместе с Бэбз Осборн, характерной инженю, выступали тут в прошлом сезоне. Второй раз редко с кем заключают контракт, хотя П.Л.О'Хара по желанию публики выступал подряд даже три года. Если бы захотел и не впутались эти дрязги, он бы и на четвертый сезон вернулся.

— А что такое характерная инженю? — спросила Стелла, и Джордж объяснил, что это такая девушка, которая из-за внешности не может быть инженю просто. Он прятал глаза, но она и не думала обижаться: сама все понимала про свои данные.

Сент-Айвз и Дороти Бланделл останавливаются в одной квартире, хотя между ними нет ничего. Как в тридцать восьмом году сыграла в „Ричарде II“ королеву, а О'Хара играл Ричарда, так с тех пор мисс Бланделл и сохнет по нему. Зря время теряет. В жизни, как и в той пьесе, ничего ей не светит. Джордж намекал, что Дороти Бланделл не знает женского счастья.

Сент-Айвзу сподручней путаться с гастролершами, выступающими в „Ройял Корт“ или „Эмпайр“. Поматросит и бросит, и дело в шляпе. В прошлом году завел роман с главной героиней

„Розмари“, сопрано, точеные ножки плюс двойня, которую выкармливала из бутылочки ее мамаша в Нлэкберне.

— Ой, я же это видела, — в восторге крикнула Стелла, вспомнив тот день рождения Лили, и как во втором антракте у дяди Вернона схватило живот после ужина в „Золотом Драконе“.

„Розмари“ не раскусила Сент-Айвза. Ее труппа отправилась дальше, к ипподрому в Лидсе, а она в воскресенье, чуть свет, села в машину, которую вел сохший по ней тромбонист из оркестра, и докатила обратно до самого Ливерпуля. Тромбонист думал, что вернулись за карточками, забытыми у хозяйки, остался на Фолкнер-сквер и покуривал сигару. Когда в англиканском соборе зазвонили к обедне, он прикрутил окно и абсолютно не слышал дикого грохота, который поднялся в пансионате. Когда до нее наконец-то дошло, что к чему — Сент-Айвз и женщина, как он божился, его тетушка из Кардиффа, оказались в пижамах под цвет, он наверху, она поднизом, — „Розмари“ схватила шило — им обычно счищали с газовых конфорок нагар — и нацелилась ему в причинное место. Сент-Айвз имел потом крупный разговор с Розой Липман. Она говорила, что дело попахивало заражением крови и он мог провалить

ей сезон. Бэбз Осборн крутит любовь с поляком, бывшим военным летчиком, который зашибает теперь деньгу на металлоломе.

— Это он присочиняет, — сказал Джеффри. — Я с такими уже сталкивался. Просто-напросто дает нам понять, что с ними со всеми на короткой ноге.

— Почему, насчет конфорки все убедительно, — не согласилась Стелла. — Не станет человек ни к селу ни к городу приплетать нагар.

С Джорджем ей было легко. Он ей дал синюю спецовку, чтоб ее одежда не пылилась. Спецовка почти полностью прикрывала горчичный джемпер и брючки, которые ей купила Лили. Как-то, когда перебегала площадь, неся для Бонни из кафе Брауна бутерброд с яйцом, она налетела на дядю Вернона. Он ходил на рынок за окороком и выглядел неважно.

— Что это за номера за такие? — спросил он, возмущенный ее видом.

— Форма, — сказала она. — Полагается всем обязательно.

На другой день Бонни, завидев ее в этом снаряжении, тут же всучил ей рулетку, кусок мела и велел сделать замеры той двери в правой кулисе, которая будет фигурировать в „Опасном

повороте“. И загадочно упомянул какой-то угол в сорок пять градусов. Вернувшись через полчаса и найдя доски неразмеченными, он отыскал Стеллу в реквизитной. Она демонстративно шкурила колеса развалившегося на диване велосипеда.

— В чем дело? — спросил он. Очень бледный и губы надуты.

— Я не знаю, про какие вы говорите замеры, — сказала она.

— Что именно тебя смущает? — терпеливо спросил он.

— Да все, — призналась Стелла. — Вообще-то я не сильна в разных дюймах и футах.

По выражению лица, по тому, как он поджал губы, она поняла, что он сердится.

— Не то что я неспособная, — сказала она. — Просто у меня несистематическое образование.

— Ну ладно, ничего страшного, — сказал он и послал ее наверх, за Джеффри, чтоб спустился с колосников. Джеффри расстелил на сцене газету, оберегая свои штаны цвета хаки, и ровно за пять минут покончил с заданием.

— Я же ведь не считала эту работу для себя унизительной, — уверяла она Джорджа. — Дядя Вернон говорит, у меня скромности не хватает, раз я все считаю ниже своего достоинства.

Джордж, не сходя с места, заставил ее измерить поперечину пожарного занавеса. Дважды линейка отскакивала и била ее до крови.

— Это, наверно, не лучший способ научиться чему-то, — стонала Стелла, обсасывая костяшки пальцев.

— Перебьешься, — сказал Джордж, которому опыт в этих вещах дался нелегко.

Четырнадцати лет, прямо из приютской школы, он поступил рабочим сцены в „Ройял Корт“. Если он капал белилами на пол, помреж огревал его по уху кистью, если забывал промаслить тряпку, в которую заворачивал инструмент, ему моментально на шесть пенсов урезали жалованье. Раз он испортил доску, так старший плотник заехал ему пилой по руке.

По горло сытый такой наукой, Джордж навострил лыжи в этот гастрольный театр. Самая его первая работа была в знаменитой постановке „Ричарда II“, когда П.Л.О'Хара исполнял роль короля. Художник — его потом разнесло вдребезги у Триполи — хотел, чтоб низложенный Ричард изводился в подземелье замка — „...я тут раздумывал, как мне сравнить мир, где я прежде жил,

с моим застенком…“[5], и Джордж, привыкший спать сам-восьмой, в погребе, где трубы отопления слезами плакали на пол, где до лазарета докашливался ребенок, начертил замкнутое пространство, некий бокс, где человек мог чуть ли не только стоять навытяжку.

Местная газета опубликовала рецензию: „Лицо короля, измученное, нервное, выхваченное лучом света от первого прожектора, плавающим во тьме… когда Экстон вошел и сбил с ног ослабелого Ричарда… тени тюремной решетки пронзали копьями задник… постановка была столь убедительна, что ни одна уважающая себя женщина в зрительном зале не могла удержаться от слез“.

Потом пришла война, Джордж поступил в торговый флот. Через два года его судно подорвала торпеда в двадцати четырех часах ходу от Тринидада. Девять дней он мотался в шлюпке, орал рождественские гимны и харкал нефтью.

К таким рассказам Стелла привыкла. Каждый встречный мужчина ей плел про геройства, спасения, потопления. Все тонули в лодках; пробирались через границу, переодетые почтальонами; летели домой через Ла-Манш на крыльях, молит-

---

[5] Примечания: 5
„Король Ричард II“, акт V, сц.5.

вах и честном слове. Коммивояжеры засучивали рукава, задирали брюки, демонстрируя шрамы, стучали себя по черепушке, показывая, где засела шрапнель.

Командира разорвало прямо в лодке, на глазах у Джорджа. Хотели его уложить, но он так обгорел, что застрял стоймя и пальцы прилипли к планширу. Джордж отдирал кожу губами. Рука так и сквозила сетчатой женской перчаткой, пока ее не смыло соленой струей.

— Какой ужас, — честь-честью вставила Стелла. Джордж раскачивался над пожарным занавесом и улыбался. Стелла удивлялась, с какой нежностью вспоминают мужчины самые свои жуткие переживания.

О'Хара дослужился на военном флоте до капитана. В сорок четвертом прислал Джорджу открытку в Котсвулде где-то слепой старик палкой нащупывает деревенскую тропку. Эта открытка до сих пор на стене под американским лосем рядом с пожелтелой вырезкой из газеты — рецензией на „Ричарда II“

— Мне очень жаль, что я не видела пьесу, — любезно заметила Стелла.

Джеффри сказал, что абсурд совершеннейший — художник будет прислушиваться к указаниям

какого-го Джорджа! И во-вторых. Если этот сногсшибательный капитан О'Хара — действительно такой великий актер, как нам талдычат, почему, спрашивается, он не заделался голливудской звездой, вместо того чтоб из года в год ошиваться в провинции?

— За что ты не любишь Джорджа? — спросила Стелла, когда они наверху, на четвертом этаже, убирали гримерку статистов.

— Почему, он мне нравится, — вскинулся Джеффри. — Очень даже неглупый абориген.

— Он не какой-нибудь ниггер, — сказала она и заметила, как он перекосился. Он был в шерстяных, добытых из шкафа митенках: боялся запачкаться. Мыл высокое зеркало скрученным листом „Вечернего эха“, и с митенок капало.

— Снял бы ты их, — посоветовала Стелла. А у самой руки были все черные от полиграфической краски.

Она не доставала до верха, тянулась через туалетный столик на цыпочках, и тут-то Джеффри положил руку ей на плечо. Не случайно, конечно, — слишком уж он тяжело дышал. Она хотела его отпихнуть, но вспомнила про Мередита. Репетиция с Джеффри не повредит, когда пробьет час и Мередит позовет ее. Первое соитие,

как она поняла из книг, неизбежно болезненно, если только вы не тренированная теннисистка или наездница. Несмотря на свой гестаповский монокль, Мередит, как человек светский, безусловно, будет шокирован, если она закричит. Поскорей заглотнув лакрицу, которой Джордж ее угостил с утра, она повернулась к Джеффри и закрыла глаза в ожидании.

Ноль внимания на ее губы, Джеффри припал к уху. Будь это и сам Мередит, едва ли бы она особенно наслаждалась. В голову лезла детская передача, где ей полагалось показывать бурю, сбоку пыхтя в микрофон.

Она стала гладить жесткие волосы Джеффри. Женственный жест, виденный-перевиденный на экране кино. Скорей материнский, считала Стелла, чем чувственный. Так женщина гладит ребеночка, чтоб успокоился, больше не тряс головкой.

Она радовалась, что у нее чистые уши. Каждые две недели, в банный день, Лили их прочищала спицей. Дядя Вернон говорил, это очень опасно. Недолго и продырявить Стеллу. Увернувшись, она перестала баюкать голову Джеффри и сунула руку вниз, отделить от него свой живот. На самом деле оказалось — все ужасно противно, и мужчи-

на отнюдь не ребеночек.

Что-то липкое, как ободранный апельсин, шлепало ее по запястью. Она не удержалась, вскрикнула от омерзения, хоть и позавидовала в то же время раскованности Джеффри. Она сама, когда из-за разных пустяков ходила к врачу, показывать даже язык и то стеснялась. Было страшно глянуть вниз, где билась об ее халат эта штука.

Нет, это оказался пустой номер. Придется, решила она, практиковаться на ком-то еще. Наверно, ужасно, когда эта гадость принадлежит даже любимому человеку, а уж про того, кого презираешь, и говорить нечего. Саданув Джеффри кулаком в грудь, она вырвалась и подпрыгнула, целясь в паутину на потолке. Ее всю трясло, но, как ни странно, он стал ей куда милей после своей этой наглости. Даже волосы показались другими, менее противными.

— Я знаю, я произвожу ложное впечатление, — сказал Джеффри, когда они покончили с гримеркой. — Я знаю, ты меня считаешь пижоном.

— А кто ж ты еще? — сказала она. — Но это теперь не важно.

Она сказала правду. Если ему надо выпендриваться, пускай себе, на здоровье. И пускай щеголяет своими иностранными словечками,

пока язык не отсохнет. Он для нее уже не был чужой.

— Мне нравится старый Джордж, — повторил Джеффри. — Нет, честно. Одна беда — от него воняет.

И пошел вниз, развешивать свои митенки перед камином. Стелла задергалась, она как курица клювом уткнулась носом в свой джемпер, обнюхивала себя. Она и не знала, что от Джорджа воняет, верней, что кислый, застоялый дух табачного перегара и немытой одежды складываются в неприемлемый запах. „Вонь“ — ведь это ужасное слово, не лучше, чем „гниль“.

Она подняла голову, поднесла к носу собранную горсткой ладонь, ловила запах своей кожи и вдруг поймала знакомое, забытое веянье. Нет, не плохой запах: то ли костра, то ли пустого дома. Губы уже изготовились дать этому название, но слово вдруг скользнуло за край памяти, осталась только сладость брильянтина на пальцах и собственное дыхание, отдающее поднесенной Джорджем лакрицей.

* * *

Это было из ряда вон — явиться домой и требовать ванну. Дядя Вернон напомнил Стелле, что

сегодня всего лишь среда.

— А мне безразлично, какой день, — сказала она. Твердая, как скала, аж скрежетала зубами.

А ведь тут как — тащить керосин из москательной каирца Джо рядом с грекоправославной церковью, на два пролета печку вволакивать, к окну одеяло прибивать гвоздями. Через проулок на задах стояли брошенные конюшни, разбомбленный дом, где клочьями свисали со стен обои, и женщины, такие, что не приведи господи, умыкали мужчин в темноту.

— Ты же в сосульку превратишься, — грозилась Лили, в пальто и шапке сбегав наверх вывесить семейное полотенце и по возвращении не попадая зуб на зуб, как капитан Скотт на пути к полюсу.

— Ну что ты с ней, дурой, будешь делать? — сказал дядя Вернон. Он прикинул что к чему и сообразил, что у Стеллы месячные. Иного объяснения не представлялось, а ежу понятно, что соваться в воду в этот период ни под каким видом не следует.

Теперь — взять растопку этой колонки: дело всегда-то муторное, а тут еще не по расписанию. Чуть-чуть дернешься, не рассчитаешь время между тем, как газ откроешь и чиркнешь спич-

кой — и всех отправишь в тартарары. „Неужели до той недели обождать нельзя?“ — молил он, переводя дух на первой площадке, с печкой в объятиях и с люфой, твердой, как копченая вобла и ради удобства заткнутой за подтяжки. „Нет, — отрезала Стелла. — Нельзя“.

Когда он укрепил „занято“ на двери ванной и, осуждающе топая, спустился по лестнице вниз, Стелла сдвинула на сторону одеяло и выглянула во двор. Едва народившийся месяц бежал под ветром сквозь глыбящиеся над трубами тучи. Никаких таких женщин она на задах не обнаружила, да и не видывала никогда. Они родились в неуемном воображении дяди Вернона.

Глядясь в зеркало над раковиной, она разговаривала с Мередитом:

— Добрый вечер. Я — Стелла Брэдшо. Вряд ли вам когда-нибудь захочется меня полюбить.

Хоть все было выдумка и нарочно, у нее тряслись губы. Вид был затравленный, будто бес стоит за спиной. А может, это из-за теней, растревоженных голой, мотающейся на сквозняке лампочкой?!

С волосами у нее явно было что-то не то. Лоб чересчур большой, и коротковата шея. Когда забывается, брови у нее взлетают, отвисает губа. А

если она следит за лицом, у нее голова не работает. Увидев Мередита, она сразу отметила, как он держит под контролем мышцы щек, хоть в глазах — любопытство. Это воспитание и образованность, она думала, помогают ему, вот на лице и не отражаются чувства. Бонни, который явно из той же среды, что она сама, так не умеет. Нервничая, когда, например, даст указания рабочим сцены, он строит кошмарные рожи.

Она намочила люфу под краном и начесала на лоб волосы. В коридоре третьего яруса она видела фотографию: актриса в костюме пажа. Спросила у Бонни, кто это, и он ответил, что это кто-то такое в роли Жанны д'Арк, а ей, мол, не стоит сюда подниматься, потому что Роза Липман не обрадуется, если увидит, как она слоняется по коридору. Здесь территория мисс Липман. В детстве мисс Липман работала в пивнушке, руки по локоть в опивках. С пивнушкой давным-давно покончено, но что-то гонит Розу наверх, утром и вечером, стоять на страже у выходящего на площадь окна. Бонни сказал, что иногда она берет с собой Мередита. Она к нему питает особенный интерес, потому что когда-то дружила с его матерью. Мередит ее однажды спросил напрямик, зачем она сюда ходит, и она что-то уклончивое

плела о состоянии колосников и не заметил ли он крысиного помета на лестнице? Он увидел у нее на глазах слезы, хоть это, возможно, просто был эффект газовых теней, сочувственно сжал ей плечо, и тогда она сказала, глядя не на него, а в окно, что ходит сюда потому, что прошлое не прошло, вот оно, тут как тут, поджидает. И Бонни прибавил: „Конечно, все это версия Мередита. А мы-то знаем, как он творчески передает чужую речь, правда ведь?“ Это уж Бонни сказал зря, и явно сразу спохватился, потому что, когда Джеффри через минуту влез с дурацкой репликой о том, как поразительно, что женщина со скромными исходными данными мисс Липман знает о четырехмерном времени, он накинулся на него и отчитал за непочтительность. Джеффри весь покраснел и зашагал из реквизитной как на гауптвахту. Самое удивительное было, конечно, то, что мисс Липман могла дружить с матерью Мередита.

Дядя Вернон дремал в кресле, когда спустилась Стелла. Рот открыт, вынуты нижние зубы. Привалясь к помпончикам его туфель, сидели возле камина и отвечали улыбкой на игры огня.

— Прости, что испортила настроение, — сказала она. — Сама не знаю, что на меня находит. Я

же так высоко себя ставлю, нет, правда. Ванну я помыла, люфу положила обратно под лестницу.

Она знала прекрасно, что, если бы и услыхал, он не подал бы виду. Он не переваривал пустых слов, как жирной еды. Она чмокнула воздух над его головой и на заледенелых ногах побежала к себе. Свет включать не стала. Бросила халат на постель, свернулась калачиком под одеялом и зажмурилась от пролитого по линолеуму лунного сверкания.

Вернон обождал, пока за Стеллой закрылась дверь, и только тогда встал с кресла. Раздумывал: подниматься ли наверх, снимать одеяло или до утра так оставить. Стелла едва ли этим озаботилась, счета небось не на ней. Утром жильцы начнут шастать туда-сюда, как хорьки, и почем зря палить электричество, если будет темно в ванной. Бедолага с накладными веками — тот еще разберется, что к чему, только сон у него нерегулярный, и кто ж его знает, когда он очухается от своих кошмаров, а счетчик, глядишь, уже настучит кругленькую сумму.

Потирая спину, Вернон заковылял к окну. Увидел смутную тень ограды, желтофиоль, черным пятном выбивающуюся между кирпичей подвала. Кто-то, позванивая по мостовой ме-

таллическими наклепками, прошел под самым окном. Бодрый пес, трусивший следом, остановился, балетно выгнул лапу и пустил искрящуюся под фонарем струю.

— А ну валите отсюда! — крикнул Вернон, колотя по окну кулаком.

На душе у него было тошно. Стелла всего три недели как на работе, а уже изменилась. Пять дней назад не подпустила Лили с щипцами и сколько раз оставляла еду на тарелке нетронутую. Не дерзила. Просто — есть не хочу, и все, и это, мол, ее личное дело, ходить в кудряшках или оставлять волосы, как их сотворил Господь, — уже не маленькая.

Лили говорила, что и в том и другом случае она, возможно, права.

В общем, девочка стала покладистей, вот разве только сегодня, и то он сам виноват, чего взъерепенился? Сам же хотел, чтоб она изменилась, сам, с кой-каким ущербом для кошелька, толкнул ее на этот путь успеха, и вот теперь она уходит, уходит. Нет, не думал он, не гадал, как ему сиротливо будет, как неспокойно.

Тут тебе не один вопрос чистоты, думал он с тоской, ванны эти.

4

Мередит звонил дважды, до и после завтрака, из вестибюля „Коммерческого отеля“, где он жил. На втором звонке, когда он колотил кулаком по аппарату его застигла жена хозяина.

— Кнопку заедает, мистер Поттер?

Он кинул через плечо что-то невразумительное, отдался вращающейся двери, и та вытряхнула его на улицу.

Рядом с гостиницей был сад, разбитый в честь каких-то высокочтимых мужей минувшего, где зверски, под корень подрубили розы на клумбах. Муниципальный забор разобрали для военных нужд, и сквозь прорехи времянки из оцинкованного железа Мередит видел скамейку, бродягу в обшарпанной военной шинели. Бродяга поднял глаза, упер колкий взгляд в Мередита. Он обсасывал куриную ножку, и щетина его лоснилась.

— Я так, — сказал Мередит. — Просто садом любуюсь. Мирный оазис среди кирпичных коробок.

И пошел дальше, по зимнему блеску, унося кошачью бродягину вонь в ноздрях, и ветер вздувал ему полы и катил, катил его с горки, к станции.

Он было начал покаянный монолог, отдаваясь на волю Божью. О Господи, Господи, я сейчас же, немедленно приму любую смерть от Твоей руки, какую Ты ниспошлешь… но вовремя осекся, поняв, что не то затеял. Нет, он не хочет умирать, просто не имеет права, пока не придушил Хилари.

Освежив замшевые туфли перед Главным почтамтом — чистильщик орудовал проволочной щеткой, — он успел на Биржевую в без чего-то десять. Зашел в станционный буфет, заказал кофе, сел в главном зале спиной к входу. В голове толпились фразы, которые он напишет Хилари, как только выкроит время. Смею напомнить, что не заикнулся ни об едином пенни на погашение летнего счета за газ… Я ведь и обидеться могу… я не каменный… Кто часами выслушивал о перипетиях той склоки в Бромли, когда Фортескью затирал тебя якобы в „Ночи ошибок“[6]… и ты, конечно, не помнишь, но не я ли, после второго удара твоей матери, тащился с ней в „скорой помощи“, а потом еще трясся на автобусе за ее этим гипсовым Пресвятым Сердцем?

Он запнулся на этом „не я ли“ и решал — мо-

---

[6] Примечания: 6

„Ночь ошибок, или Унижение паче гордости“ — комедия Оливера Голдсмита (1773)

жет, помпезно чуточку, когда Харбер, молодой герой-любовник, тронул его за плечо. Харбер ужасно нервничал, как-никак первый ангажемент, боялся прохлопать свой шанс. Мередит его высмотрел в „Поживем — увидим“[7] на экзамене в драматической школе.

— Доброе утро, — сказал Харбер, — простите, что помешал.

— У меня просто голова распухла, столько дел, — сказал Мередит. Отводя от мальчишки глаза, он разглядывал пальму, увядавшую в кадке подле рояля на подиуме.

Харбер, опешив, выпалил, что считает „Опасный поворот“[8] изумительной вещью, абсолютно изумительной. И Дотти Бланделл изумительна тоже. Кстати, сколько ей лет?

Глаза у Харбера были синие, кукольные, в черной густой оторочке.

— За сорок, — сказал Мередит.

Дотти было тридцать девять, но, состарь он ее хоть на двадцать лет, это бы ничуть не отпугнуло юнца. В который уж раз он подумал, как однообразен и скучен, в сущности, неусыпный отбор

---

[7] Примечания: 7
„Поживем — увидим“ — пьеса Бернарда Шоу (1895)

[8] Примечания: 8
„Опасный поворот“ — пьеса Джона Бойтона Пристли (1932)

неподходящих объектов для страсти. Этому Джону Харберу лететь бы к Бэбз Осборн, как пчелке на цветок. Дон Алленби, мазохистке из мазохисток, в ногах бы валяться у Десмонда Фэрчайлда, садиста в вечно заломленном, как у водевильного комика, котелке.

— На чашечку кофе времени не найдется? — спросил Харбер. Он был сегодня в полосатом шарфе, по-детски обмотанном вокруг шеи.

— Едва ли, — сказал Мередит и был вознагражден удрученной ссутуленностью удалявшейся к лифту спины.

Пока плотники не построили выгородку на сцене театра, труппе разрешили пользоваться комнатой в верхнем этаже отеля. Она выходила на кассы, или на станцию, просторностью вполне соответствовала их задачам и была к тому же роскошно отделана красным деревом. При отходе или прибытии поезда голуби вспархивали с купольной крыши, клубы пара катили в окна, и Мередит себя чувствовал как на корме рассекающего бесплотные волны древнего брига.

В „Опасном повороте“ заняты трое мужчин и четыре женщины, причем все, кроме одной, подписали контракт на сезон. Исключение составляла Дон Алленби, дама за тридцать, взятая

только на эту первую пьесу и со второй же репетиции смертельно втюрившаяся в Ричарда Сент-Айвза. Если за утренним чаем ей раньше давали чашку, она моментально ее всучала ему, объявляя, что он больше хочет пить. Стоило ему полезть в карман за трубкой, она уже, тут как тут, щелкала своей зажигалкой, вызвякивая „Вернись в Сорренто“.

Сент-Айвз был явно терроризирован. Загнанный в угол, похлопывал ее по плечу, а по лицу блуждала тем временем затравленная улыбка, как у хозяина, оглаживающего нервного пса, который может и тяпнуть. Он хихикал всякий раз, когда она к нему обращалась, и жался к Дотти Бланделл, ускакивая с ней под ручку, едва закончится репетиция.

В общем, он был сам виноват. Не надо было тогда в день читки с нею любезничать. Самонадеянно воображать, что ничего не случится, если он выкажет ей мелкие знаки внимания — этой дурнушке, от которой уже в десять утра повеивало спиртным, — и разливаться про интереснейшие фотографии, развешанные над лестницей, ведущей в партер.

— Все очень старые, — усердствовал он. — Некоторые одиннадцатого года.

— Какая прелесть! — зажглась она. — Ой, покажите!

Он опознавал некоторых актеров, схваченных камерой в самых животрепещущих позах, и по тому, как она морщила лоб, что-то ляпала невпопад, заключил, что она была бы куда просвещенней, если б носила очки.

— Я один сезон играла в Престоне, в старинных комедиях, — заметила она, разглядывая паточные завитки П.Л.О'Хары, изображающего капитана Крюка в „Питере Пэне“.

Бонни согласился с Мередитом, что Дон Алленби была бы вполне ничего себе женщина, если бы не ее несчастная любовь к красоте, с которой бедняжка никак не могла сладить. Он сформулировал наглядно, что она из тех дев, которые, дай ты им цветущий луг, тут же кинутся собирать сурепку.

Когда Мередит шел в репетиционную, у него уже отлегло от души. Он отыгрался на Джоне Харбере; власть, что ни говори, хоть и губительна для души, для нервов всегда очень полезная штука. Он нашел в себе силы одобрить шелковую косынку Дон Алленби, сплошь в мордах скотч-терьеров, которую она тюрбаном накрутила на голову.

— Да, это я хорошо придумала, — согласилась

она. — Я вообще люблю все красивое, а вы?

И усталый взгляд тут же рассверкался под прелестным головным убором.

До начала репетиции Десмонд Фэрчайлд стал посылать Стеллу, новенькую девочку, в регистратуру за пачкой сигарет.

— Минуточку, — крикнул Мередит и нарочно справился у Бонни, все ли у него в порядке.

Бонни буркнул, что да.

— Проверка не помешает, — сказал Мередит. Они репетировали первый акт с самого начала.

Бонни щелкнул пальцами, что означало поднятие занавеса, и Джеффри, студенту, тут полагалось изобразить звук выстрела. Для него, с его военной выучкой, это было раз плюнуть, но он старательно изучал свое отражение в зеркале. Бонни пришлось стукнуть по столу, и очень натурально взвизгнула новенькая.

Грейс Берд, у которой была пустячная роль — Мод Мокридж, романистка, — еще не выучила текст и читала по книжке. Мередита совершенно это не трогало. Грейс за последние двадцать лет переиграла кучу таких ролей на Вест-Энде и знала их назубок, когда надо. Вообще Мередит еле затащил ее в труппу и то потому, что от нее недавно ушел муж, к другой женщине, старше, и

ей хотелось удрать из Лондона. Все любили Грейс. Она страдала, но свои страдания вымещала на пестром джемпере, который вязала для канадского племянника.

Сцена к концу первого акта, в которой Дотти Бланделл в роли изломанной Фреды сообщает своему мужу Роберту в исполнении Сент-Айвза, что Олуэн в него влюблена, получилась просто роскошно.

„Ты хотел знать правду, Роберт, так вот тебе, кой-какая правда. Олуэн давным-давно в тебя влюблена. Точно не знаю, когда это началось, но я вот уже полтора года как об этом догадалась. Жены всегда ведь догадываются. Но мало этого, я тебе еще кое-что скажу, мне давно хотелось тебе сказать: ты дурак, по-моему, что ей не ответил взаимностью, что до сих пор не воспользовался случаем. Если кто-то тебя так любит. Господи, да как же этим не воспользоваться, пока не поздно!“

Текст произносила одна Дотти, но лицо Дон Алленби выражало бездну чувств. А ведь если бы ее не сразила любовь, вообще неизвестно, как бы она вытянула эту Олуэн.

Но во время перерыва на чай Мередит опять разнервничался. Бэбз Осборн жаловалась на свои

жилищные условия. Ее поселили на площади Фолкнера у Флоренс О'Коннор, чья мать — Бесси Мерфи — в свое время слыла в театральном мире образцовой квартирной хозяйкой: ужин на столе в одиннадцать, горящий камин в спальне, с горячей водой под дверью тютелька в тютельку в полдевятого, за исключением воскресений по случаю мессы.

— Сам сэр Вальтер Скотт ее приглашал на свадьбу, — вставила Грейс. — И, между прочим, по слухам, Джон Голсуорси как-то оставил ей после завтрака пять гиней под селедочным хвостом.

Флоренс была совсем не тот коленкор. У нее тяжелая семейная жизнь. Когда муженек вваливается пьяный после морского клуба, шум такой, что просто представить себе невозможно, если не слышать своими ушами. С этим Бэбз еще кое-как бы смирилась, если бы все остальное было на уровне. Она помахала расслабленной пятерней, будто повредила запястье.

— На той неделе ноготь сломала. С мышеловкой возилась.

— О Господи, — сказала Грейс, — крысы же и мыши на ответственности хозяев.

— Я не получаю писем, — причитала Бэбз. — Станислав звонит, а меня не зовут к телефону.

А когда я сама позвоню, нас прерывают на полслове.

— Время поджимает. — Мередит хлопнул в ладоши. Он сам заметил раздражение в своем голосе. Это убийственно для любви, думал он. А когда любовь кончилась — просто смерть. Все, кроме Бэбз Осборн, уже поняли, что ее поляк хочет от нее отделаться.

Через пять минут после начала первого акта Дотти Бланделл забыла слова и щелкнула пальцами, чтоб ей подсказали. Новенькая до того увлеклась, что крикнула:

— Ой, не важно, дальше, дальше! — И все захохотали, Мередит в том числе. Но на самом деле, сидя в своем шикарном кресле у окна, склонив голову — само внимание? — он испытывал странное чувство, что вот отведи он глаза от жестикулирующей перед нам группки, и голова у него отвалится. Он нашарил на груди монокль и стал вертеть, вертеть в пальцах, будто читал розарий[9].

Сент-Айвз признавался Олуэн, что они с Фредой никогда не были счастливы. По-настоящему. „Брак наш не удался. Никто не знает“. В этом ме-

---

[9] Примечания: 9
Католическое молитвословие с перебиранием четок.

сте Дотти в знак сожаления пожимает плечами. Леопардовая накидка в энный раз соскользнула с плеч на ковер. Бонни суетливо бросился ее поднимать.

— Оставь ты, пожалуйста, — рявкнул Мередит. — Ей-богу. Что за жеманные ухватки отставного красавчика.

Почти тут же он подозвал Стеллу и повернулся ко всем спиной. За окном, тоненько взвизгнув, сползал с остановки трамвай. Мередиту самому хотелось визжать.

Девочка подошла сразу, лицо — отражение его собственного, глаза расширены, закушена губа. Он ей велел принести бумагу и ручку, она принесла, он вывел крупными буквами несколько фраз.

— Знаешь, где Главный почтамт?

— Конечно.

— Почерк мой разберешь?

— Наверно.

— Беги бегом всю дорогу и ни слова не меняй.

И сразу же объявил обеденный перерыв. Притворялся, что поглощен своими заметками, пока все выходили из комнаты. Он-то думал, что Бонни задержится, но тот первым выскочил за дверь. Десмонд Фэрчайлд уходил последним.

— А не тяпнуть ли нам по рюмочке коньячку,

старик? — спросил он, застегивая замшевую перчатку с дыркой на большом пальце.

Мередит ему не ответил.

Под окном дети в полосатых шапочках гуськом прошли мимо касс. Цветочница у гранитной арки перед подземным переходом затыкала тюльпаны в полумертвый букет. Пройдя под аркой, нащупав ногами спуск, дети припустили рысью, и от грохота отвесно канули вниз голуби. Защищаясь от птиц, брызнувших из темноты, цветочница, как матадор, распахнула огромную шаль; голуби отпрянули, разлетелись, кружили вокруг массивных часов, остановившихся на без десяти десять, взмывали в вихревое небо над схваченной стеклянными клетками и железными ребрами дребезжащей крышей. Тут, вынырнув из детской толпы, в зал вошел Бонни, запнулся, на ходу поправляя пояс плаща, глянул на окно репетиционной. Мередит помахал; Бонни его скорее всего не видел.

Они познакомились в поезде, на третий год войны. Бонни на сутки ехал домой, Мередит возвращался из Хойлейка после недельной побывки. Сидели друг против друга, зажатые матросней, он провожал глазами летящие в темень поля, Бонни неотрывно смотрел в подскакивавший у

него на коленках голубой лист почтовой бумаги, из-под которой торчал одинокий цветущий побег кислицы. Время от времени расправляя затекшие ноги, неловко задранные на вещмешке, он пинал Мередита ботинком по голени, бормотал извинения, и Мередит отвечал учтивым вздергиванием плеч. Но потом, когда настала ночь и включенный свет озарил цветных осликов, трусящих по песку Блэкпула, и залив Моркам в лучах восхода, он ощутил посягательства на свое уединение и прекратил эти умиротворяющие жесты. Вдобавок одутловатая бледность щек, обгрызенные ногти, сальное пятно на брюках и оторванная пуговица на мундире красноречиво разоблачали, к какому кругу принадлежит этот тип. Форма рядовых на обоих не могла скрыть, кто по рангу выше.

Он попытался уснуть, но слишком галдели резавшиеся в покер матросы. Пришлось изучать отражения в стекле; собственный когтистый, мутящийся нос, шрам, будто ножом полоснули по лбу, оставленный дурацкой фуражкой, которую он снял еще в Кру, и теперь она лежала под ногами среди окурков; задранные плечи картежников, веерами распущенные у подбородков карты. Ого, Мадам Баттерфляй, подумал он, когда скользнул взглядом по солдату напротив и

заметил, что тот плачет, зажав в кулаке письмо и шурша своей веткой.

В Вулвергемптоне чуть не все вытряхнулись из вагона, осталась только женщина, сонно баюкавшая теннисную ракетку. Перед самым Нанитоном, когда поезд слепо громыхал мимо насыпи, солдат всхлипнул громко.

— Простите, — сказал он. Нос он утирал рукавом, но голос был интеллигентный.

— Плохие новости? — спросил Мередит и сунул ему платок.

Письмо было от отца Бонни о том, что бомба попала в сад. Вообразив материнские задворки в Хойлейке, веревку, провисшую под бельем между тополей, Мередит готовился к известию о смерти. Очень живо представил себе, как простыни в саже, сдернутые с кольев и распарываемые на бинты, парусят над наперстянкой. Приняв траурный вид, он сказал:

— Очень, очень вам сочувствую. Нет-нет, оставьте платок себе.

— Дубу было триста лет, — сказал Бонни. — Тисовой изгороди и того больше. И добро бы налет. А то бомбардировщик просто решил облегчиться, потому что с трудом добирался до берега. Еще бы миля, каких-нибудь тридцать секунд, и бомбы

благополучно попадали бы в Ла-Манш.

— Ужасно, — сказал Мередит.

— Робин лежал в саду с оторванной ногой.

— Что тут скажешь, — бормотнул Мередит. — Просто нет слов.

— Отцу пришлось его пристрелить.

Мередит так и не простил ему — большого дома, велосипедных прогулок по Франции на каникулах, дорогого образования, изувеченного пони и нежных родителей. Сам он не знал отца, явясь порождением некоего господина с сигарой, подцепившего девицу из машбюро компании „Кьюнард“ в 1913 году.

Десмонд Фэрчайлд торчал в коридоре, когда Мередит вышел из репетиционной. Он допытывался, когда их запустят на сцену. Пристал, как банный лист, буквально вцепился Мередиту в рукав.

— Уж простите, господин хороший. Здесь я просто не могу вжиться в образ.

— Это я заметил, — буркнул Мередит, оттиснул его и бросился вниз но главной лестнице — искать Бонни.

И нашел в станционном буфете. Горбатясь над стойкой, он жевал сладкий тост. Рядом стоял некто в зияющих башмаках.

— Немудрено, что ты так паршиво выглядишь, — сказал Мередит. — Надо есть по-человечески.

— Я не обладаю твоим аппетитом, — сказал Бонни. — Ни твоим изысканным вкусом.

— Господи, ну и вонь, — охнул Мередит, выхватил у Бонни тарелку и переставил на столик у двери.

Бонни поплелся за ним.

— Ну зачем ты так, — ворчал он. — У людей, между прочим, тоже есть самолюбие.

— Постоял бы с ним еще, к вечеру весь бы чесался.

— И кожей твоей чувствительной я тоже не обладаю.

— Вот это верно, — сказал Мередит и, не в силах впрямую извиниться за свой срыв на репетиции, пригласил его ужинать в „Коммерческий отель“.

— Лучше я книжку почитаю, — сказал Бонни.

— Придешь пораньше, раньше уйдешь, — обольщал Мередит и так, будто его только что осенило, вслух поинтересовался, не стоит ли прихватить и Харбера.

— Лучше не надо, — сказал Бонни, отводя глаза. — Успеется.

— Я сегодня был с ним не ахти как любезен.

— Ну, в этом он не одинок, — ласково пожурил Бонни.

Это добродушие не понравилось Мередиту. Его взорвало. Он уничтожающим взглядом окинул бывший военный мундир.

— Спишь в нем? Признайся.

— Только в зимнее время года, — подхватил Бонни. — По-моему, все дело в Хилари.

— Я сегодня дважды звонил. Не добудиться. Соня.

— Ну, может и отлучиться человек.

— В восемь утра?

— Возможно, у Хилари мать заболела. Сам же ты говорил, у нее слабое здоровье.

— Все возможно, — хмыкнул Мередит. — Только спорим на что угодно — не заболела она.

— Мог телефон, между прочим, испортиться. Могли за неуплату отключить.

— Да уплатил я, — рявкнул Мередит. — Я за все плачу! — Закурил следующую сигарету и свирепо пыхнул на Бонни, глядя, как он дожевывает последний тост.

Рваные ботинки прошаркали к двери с допотопным баулом. Увидев, что Бонни роется в кармане плаща, Мередит перегнулся через столик, схватил его за руку.

— И не думай, — шикнул он. — Самому побираться впору.

— Я спички искал, — буркнул Бонни.

И так ребячески надул свои большие губы, что Мередита разобрал смех. Он прыснул.

— Никакого в тебе постоянства, — сказал Бонни. — Как ветер.

Этого Мередит не мог отрицать. Он и сам нередко подозревал, что не способен ни любить долго, ни ненавидеть.

Бонни, ободрясь, намекнул, что Мередит бы очень умно поступил, пригласив на обед Десмонда Фэрчайлда. Малый, конечно, свинья порядочная, ежевечерне таскает Джеффри к этому букмекеру в „Нельсоне“, не говоря уже о манере стучать сигаретой по ногтю большого пальца, зато Роза Липман от него без ума. Как-никак он дальний родственник советника Гарриса, сыграл этого Кузена Сида в комическом сериале с невероятным успехом, а уж Тетку Чарлея в „Субботнем театре“! До сих пор приходят пачками восторженные письма от слушателей. Положим, он не нравится Мередиту, но он кассовый актер, и, учитывая неприятный инцидент в Виндзоре…

— Не нравится! — сказал Мередит. — Я его просто не выношу. Ну можно ли так одеваться!

Верблюжье пальто с бархатным воротником… и этот вульгарный котелок.

— Не следует, вероятно, считать человека врагом из-за его шляпы, — наставлял Бонни.

— Нет, я под угрозой пистолета не соглашусь с ним обедать.

— Я в отчаянии, — сказал Бонни. И у него был именно такой вид.

Со стороны касс вошла молодая женщина, таща за собой ребенка — оборвыш, ножки расчесанные, в болячках. Из-под мужского пиджака у нее висела дикая атласная юбка, по подолу заляпанная кровью. Мередит заслонил ладонью нос.

— Если бы я только мог, — Бонни бледно улыбнулся, — я бы тебя избавил от всего этого.

* * *

Всю дорогу до почты Стелла бежала бегом. Она свалиться замертво была готова, только бы не подвести Мередита. С полным самообладанием она вывела на бланке адрес, но, дойдя до слов „Адские мученья. Неужели десять лет ничто? Позвони. Оплачу. Люблю, Мередит“, почувствовала такой укол ревности — когда на парашюте прыгаешь с самолета, бывает, наверно, такое, невозможно дышать, все ухает, падает, — что

скомкала обе бумажки и бросила в металлическую корзинку.

Только добежав до середины Стенли-стрит, она кое-как успокоилась, уже не выпрыгивало сердце. На той же скорости кинулась обратно, но корзину успели выпотрошить. Она взяла новый бланк, написала „Можешь не звонить. Оплаты не будет. Твой Мередит“. Деньги за сэкономленные слова она отдала мальчишке в парше, забрасывавшему камнями кошку на заборе.

5

Труппу запустили на сцену за пять дней до премьеры. Мередит извинялся за проволочку. В крыше над кулисами открылась течь. Капли еще отбивали такт, расплющиваясь за сценической гостиной. Роза подала на строителей в суд.

Актеры, получив наконец право пользоваться театром, заметно приободрились. Дон Алленби презентовала Ричарду Сент-Айвзу картину маслом: бык в черепаховой раме, — которую высмотрела на Сент-Джонском рынке, в мясной. Бык этот достался ей по дешевке. Мясник уже собрался его выбросить в пользу фотографии фельдмаршала Монтгомери с автографом. Сент-Айвз, хоть и склонялся к мнению Дотти, что выбор сюжета стал бы поживой для доктора Фрейда, был растроган подарком. Дотти в ответ от его имени купила Дон Алленби герань в горшочке с карточкой: „Милой Дон от Ричарда и Дороти с любовью“.

„Репетиция с остановками“ началась в понедельник, в десять утра. Только к двенадцати, когда разыграны были всего пять минут действия

„Опасного поворота“, Стелла сообразила, почему это так называется. Она, между прочим, не подозревала, какую роль может играть свет. Бонни, в круглой вязаной шапочке, голосом, севшим от муки, отдавал команды главному осветителю. Он, Джеффри сказал, с утра жаловался на зубную боль. Были какие-то неполадки с прожектором, закрепленным на верхнем ярусе. И почему-то барахлили все реостаты.

Иногда актеры на целый час поднимались к себе в гримерки, и тогда они с Джеффри замещали их, томно склоняясь к камину, откидываясь на канапе, вертя пустые бокалы. У них за спиной молодой человек с бородой, перепачканной в краске, исполняя указания декоратора, одергивал бархатные шторы, переставлял безделушки на каминной полке. Когда Мередит дважды велел „два шага налево“ и Джеффри двинулся вправо, Мередит выскочил в центральный проход с криком: „Налево, налево, балда“, вспрыгнул на авансцену, взял его за шкирку и двинул влево. Стелла разрывалась между „так ему и надо“ и „при чем же тут рукоприкладство“, вдобавок Джеффри было поручено следить за фонограммой шумовых эффектов, а в этом он получше разбирался, чем в том, куда шагать по сцене.

Бутафорскую заполоняло разное старичье. Рабочие сцены, рабочие на колосниках. Именно для этого спектакля они были не нужны, но все равно толклись, разогревали свои фасолевые консервы. Джордж сказал, что Роза Липман, взлетевшая из судомоек Театра мелодрамы на Парадиз-стрит до театрального директора, терпеть не может поденщиков. А Д'Ойли Карт[10], так тот ежедневно выходил на Лайм-стрит и там нанимал всех желающих. Джеффри сказал: „Альтруистические излишества“. „Небось не твои кровные тратил“, — напомнил ему Джордж.

Некто по имени Пру, до сегодняшнего дня крутившая педали своей машинки на первом этаже, в укромности гардеробной, теперь располагалась в углу реквизитной, и ей выделили просторы для катушек и булавок на особом столе за кулисами. Каждый раз, когда актеры шли на выход в вечерних платьях, она — тут как тут — трепетала над ними в воздухе влажной щеткой.

— Чур это лично моя одевальщица, — крикнул Сент-Айвз, призывно мигнул и тискал ей плечо, пока она не увернулась.

— Прям, ваша я, ненормальный, — нашлась

[10] Примечания: 10

Ричард Д'Ойли Карт основал н Лондоне, в конце XIX пока, группу „Опера Д'Ойли Карта“, ставившую главным образом комические оперы.

она наконец и стукнула его по голове с напускной свирепостью, а у самой щеки полыхали от восторга.

Сент-Айвз нарисовал возле каждого глаза по красной точке, и глаза стали больше. В гриме он казался моложе, но и каким-то зловещим. И все они так, даже Грейс Берд. Натянутые, взвинченно-веселые, все они будто отправлялись на вечер, который кончат в слезах.

В полвторого Джеффри признался, что его беспокоит Дон Алленби.

— Почему? — спросила Стелла.

— У нее в гримерной бутылка, почти уже пустая. Ну что она сидит и смотрится в зеркало?

— Что особенного? — сказала Стелла. — Ты тоже все время смотришься.

Дергая себя за волосы, он выскочил вон.

Стелла просто сидела в углу реквизитной с книжкой, вот и вся работа. Еще раньше, под руководством Джорджа, она подбавила столовую ложку растворимого кофе в пол-литра воды и налила в граненый графин из-под виски. Перетерла рюмки и положила в сигаретницу на столике возле дивана „Кэпстенов“ ровно семь штук. Джордж сказал — сколько ни сунь, бесполезно, ко второму акту ни единой сигаретки не останется. Сига-

ретница была музыкальная, серебряная притом. Когда ее открывали, звучал хор из „Травиаты“, хотя по книге полагался свадебный марш.

На Дотти было черное бархатное безрукавное платье, сбоку усыпанная блестками пряжка. Когда потянулась за сигаретой, рука у нее обвисла, но неважно. Это ничуточки ее не портило.

Рот был как красная рана на белом от пудры лице, и когда во втором акте она говорила мужу, что этот ублюдок Мартин никогда ее не любил, никогда-никогда, хоть они были любовники, из трагических глаз текли настоящие слезы.

В семь Стеллу послали за бутербродами с ветчиной. Стемнело, дождь хлестал по булыжникам. Она добежала до кафе бегом и дергалась, пока ветчина скворчала на сковородке. Спешила в сверкающую вымышленную гостиную. Возвращаясь через площадь, чувствовала, что идет домой. Это не „Аберхаус-отель“, вообще, — какое сравнение!

Мередит сидел в партере, закинув ноги на стулья впереди.

— Просто изумительная пьеса, да? — сказала Стелла, подавая ему бутерброд.

— А как по-твоему, — спросил он, — про что она?

— Про любовь, — мгновенно выпалила Стелла. Она об этом уже думала. — Каждый любит кого-то, кто любит кого-то еще.

Он объяснил, что она заблуждается. В основном это пьеса о Времени.

— Взгляни на нее с такой точки зрения, — убеждал он. — Все мы участники похоронной процессии, и кое-кто, кому особенно дорог усопший, отстает, чтоб завязать на ботинках шнурки. Связь с любимым лишь временно оборвалась. Мертвые еще здесь, как и те, кого мы думаем, что любим, сразу за углом… ждут, когда их догонят.

— Ну да, — сказала Стелла. — Я просто не подумала.

Хоть убей, она не могла понять, при чем тут похороны. И не все носят ботинки со шнурками. Но было все же приятно, что ему важно ее мнение.

Бонни велел ей звать актеров на последний акт. Он еле говорил. Нашел в аптечке йод и приложил пропитанную ватку к мучительному зубу.

Грейс Берд уже вышла в коридор из гримерки. которая у них была на двоих с Дон Алленби.

— Послушай-ка, — сказала она. — Скажи Бонни, пусть заскочит, ладно?

— Что там за шум? — спросила Стелла, хоть все и так было ясно. Кто-то визжал и рыдал, будто

попал в капкан.

— Ни слова, — сказала Грейс. — Иди за Бонни.

Актеры расхаживали в кулисах, попыхивали сигаретами, не сводили глаз с задвижной двери, чтоб пожарные не накрыли. Десмонду Фэрчайлду в глаз попала соринка, и Дотти, сочувственно охая, протянула ему бумажную салфетку, чтоб он высморкался.

— Ну как, полегчало? — спросила она, и он ответил вызывающе, как-то странно на нее глянув:

— Господи, ты, по-моему, думаешь, что так можно решить все проблемы!

— В чем там дело? — крикнул Мередит. — Почему не начинаем?

Он явно сердился.

Стелла на цыпочках вышла на просцениум, заслоняясь от слепящей рампы. Она не видела Мередита.

— Вот не было печали, — шепнула она.

— Говори! — крикнул он и повторил: — В чем дело?

— Мне запретили разглашать, — сказала она. Будь ее воля, она бы ему сказала, несправедливо оставлять такого важного человека в неведении.

Ожидание не затянулось. Минут через десять Бонни уже объявил, что можно начинать. Все

сошло гладко. Во время заминки, пока ассистент декоратора смазывал мазью зеркало над камином — Мередит сказал, оно чересчур сверкает, — Дон Алленби извинилась за густой и едкий запах одеколона.

— Уж потерпите, миленькие, — молила она. — Я потею, как матрос, когда нервничаю.

Нервничала или нет, она играла свою Олуэн изумительно, изумительно, лучше даже, чем на прежних репетициях. Когда она призналась, что застрелила Мартина, никто бы не мог усомниться, что она способна спустить курок. Мартин считал ее ограниченной, старой девой какой-то. Показывал ей гадкие рисунки, проверял на ханжество. „Они были ужасны!“ — кричала она и брезгливо морщила нос. Но все равно она говорила тоном светской дамы, и ясно было, что это Мартин ей омерзителен, а никакие не рисунки.

Вот почему в самом конце — когда Гордон ловит по радио танцевальную музыку и Роберту полагается провести Олуэн в вальсе по сцене, — Стелла дико разозлилась на Сент-Айвза. Джеффри буквально на десять секунд попозже поставил граммофонную пластинку. Каждый, кто хоть чуточку проникся трагичностью происходящего, просто бы внимания не обратил. Ричард ничего

не сказал. Но стоял, всем своим видом показывая, какая он несчастная жертва. Дон Алленби, кажется, тоже расстроилась, но это. видимо, из-за того, что у нее отняли несколько лишних минут в объятьях Сент-Айвза.

Когда сделали перерыв, чтоб выпить пива перед новым прогоном второго акта, — рабочий с колосником носил в „Устричный бар“ кувшин для горячей воды с клеймом „Собственность Сефтонской терапевтической больницы“, — Мередит забрался в оркестровую яму и стал играть на рояле. Джеффри сказал, что вещь называется „Мирно паситесь, стада“, это Баха. Пусть Бах, но это было что-то скучное, бренчанье какое-то, и часто, когда у Мередита вот-вот уже наклевывалось, он вдруг прерывался и все начинал сначала. Стелла и не думала, что он музыкальный.

Дядя Вернон оплатил ее уроки музыки. Через три недели, а именно когда стало ясно, что она раньше растеряет мозги от старости, чем разучит „Варшавский концерт“, она это бросила. У мистера Бористона, учителя, была контуженная нога. Коленка так и дрыгалась вверх-вниз под щелканье метронома на рояльной крышке. Дядя Вернон еще тогда психовал из-за семи недоданных уроков.

Она стояла в кулисе, опять наполняла графин и видела себя за концертным роялем в филармонии — Мередит, в первом ряду, не отрывал от нее обожающих глаз, — и тут трое мужчин друг за дружкой вошли в зал. Она побежала в реквизитную — известить Джорджа.

— Все в черном, — сказала она. — Как похоронные распорядители!

— Видать, священники, — сказал Джордж. — Отец Джулиан, доктор Парвин и небось отец Дулли… рыжий такой, вот вроде тебя. Они из Филип Нери.

— Это в конце улицы, напротив нас, — сказала Стелла. — Но там же католики.

— А то кто же? — сказал Джордж.

В общем-то священникам ходить в театр не положено, но на посещения репетиций у них там смотрят сквозь пальцы. Мередит с прошлого года начал их приглашать. Он обратился в католичество. Такие, по мнению Джорджа, еще почище прочих. Им искупленье грехов подавай. Перед тем как труппе идти по домам, доктор Парвин будет им раздавать свое благословение.

— Так мистер Поттер католик! — ахнула потрясенная Стелла.

— Да они все, — сказал Джордж. — Кроме Сент-

Айвза, ну и этого — Фэрчайлда. Тот вообще не разбери-поймешь!

Стеллу воспитали в таком духе, что католицизм не религия, а чума. Зараженные им едва отличаются от диких зверей. Амуры у них на кроватях, а бес за плечом, пьют они как сапожники и плодятся как кролики. После рождественской всенощной на улицы высыпают пьянчужки — из носу кровь, кулаки в синяках, — слезливо гнусят: „Слава в вышних Богу“, а сами прудят у забора, дядя Вернон сколько раз звонил в полицию: „Я владелец „Аберхаус-отеля“, — заявлял. — Прошу прекратить безобразие возле моей территории“. Лили говорила: напрасный труд, зря только деньги переводить. И правда. В этом Брайдуэлле каждый второй — папист.

Летом, когда протестанты из нищих слободок по Док-роуд устраивали шествие в честь короля Билли[11], полиция строила баррикады против разъяренных католиков. Женщины становились в дверях, задницами к толпе, задирали юбки, сверкая рваным зеленым исподним. Когда еще дядя Вернон был маленький, один католик пальнул фейерверком по ломовику с пивоварни, бедный

[11] Примечания: 11

Имеется в виду король Вильгельм III (1650–1702), главный защитник протестантизма в Европе.

коняга завалился на бок, бумажные вымпелы рвались с удил, цеплялись за край тротуара. Седока, ряженного королем Вильгельмом, буквально размазало по стене. Эхо долго гоняло грохот его меча по булыжникам.

Стелла была потрясена, что Дотти Бланделл и Мередит — культурные люди — могут придерживаться такой веры. Она спросила у Джеффри, знает ли он точное значение слова „обратился“.

— Ну, относительно точности не поручусь, — сказал он. — Но это, в общем, поменять ориентиры, перейти от чего-то одного к другому.

— Например?

— В религиозном смысле, — сказал он, — от греха к святости.

Довольно неясно. Но все равно, когда члены труппы выстроились на сцене и склонялись почтительно, а доктор Парвин, благостно бормоча, складывал пальцы в предательское крестное знамение, Стеллу всю трясло. Она чувствовала: надо либо подойти под их убийственное, показушное благословение, либо уж бежать без оглядки. Просто так стоять и смотреть нельзя. Или — или.

Дядя Вернон ждал ее с ужином. Он набивался провожать ее домой, но она пригрозила, что устроит поджог, если он на километр подойдет

к театру. Он держал горшочек в духовке, чтоб не остыл.

— Нет, — сказала она. — Не могу. С твоей стороны очень внимательно, но мне просто в горло ничего не полезет.

Он выключил газ подчеркнуто раздраженным жестом, хоть злости не было в сердце. Будь у него у самого такая насыщенная жизнь, он бы тоже без еды перебился.

— Ах, какое чудо! — сказала она. — Если б только я могла рассказать. Нет, не умею…

Он-то умел, да помалкивал. Она изменилась лицом, с тех пор как Лили не завивала ей волосы. Висели, небрежно так, совсем прямые после дождя. И, между прочим, ей даже шло.

— Когда я возвращалась домой через сквер, — сказала она, — и качались деревья, я была, как Кротик, когда он трусил за Крыси через дикие Леса и ветер нес ему запах родного далекого домика[12].

— Какие такие деревья? — спросил он. — Что еще за леса?

Он уже видел ее такой, когда она утыкалась носом в свои эти поэтические книжки, и еще

---

[12] Примечания: 12

Эпизод из популярной детской книжки „Ветер в ивах“ Кеннета Грема (1859–1932)

как-то раз, когда прокрался по лестнице и застукал ее у телефона. Было одно из тех утр, когда раннее солнце, пробив цветное лестничное стекло, янтарным светом затопляло темноту холла. Девчушкины рыжие полосы горели на фоне отсыревших обоев. Она мигом брякнула трубку, наотрез отказалась отвечать на вопрос, с кем говорила, и тогда, как сейчас, был в этих глазах какой-то вызов.

На секунду он увидел ее человеком, не связанным с ним самим, отдельным, иным существом, как вот случайный встречный на улице с лицом, горящим от тайных мыслей. У нее так сияли глаза.

* * *

Прогон в костюмах на другой день прошел как по маслу, и, огласив свои замечания — чуть-чуть затянули паузу в конце третьего акта, перед тем как Олуэн во второй раз открывает сигаретницу, а со своей репликой после слов Роберта насчет того, что он сам выдумал человека, которого любит, она самую малость поторопилась, — Мередит объявил: хватит, хорошенького понемножку. Он боялся, что они заездятся.

Потом, отведя в сторонку Сент-Айвза, он намек-

нул, что неплохо бы поопекать Дон Алленби.

— Вывел бы ее на часок погулять, что ли, — сказал он. — Тет-а-тет.

— Дотти, конечно, тоже пойдет с нами, — сказал Сент-Айвз.

— Не стоит, — посоветовал Мередит. — Сам знаешь, каковы они, женщины.

И легонько ткнул Сент-Айвза под ребра — мужской разговор.

Пру попросила Стеллу принести из гардеробной черное платье Дотти: подрубочный шов справа смотрелся не совсем так, как надо.

— До чего же дотошная, — вскрикнула Дотти. — Просто клад! — И она пригласила Стеллу на чай у Джорджа Генри Ли через дорогу.

— В таком виде? — Стелла оглядывала свой халат, а Дотти сказала, что одежда не имеет значения, важно внутреннее содержание человека. Несмотря на это, прошло не меньше получаса, пока она спустилась вниз, одетая как картинка: брючный костюм в мелкую полоску и на волосах шелковый белый тюрбан.

Бэбз Осборн, скрючившись над телефоном в закутке консьержа, снова пыталась дозвониться до Станислава.

— Мистер Винек, конечно же, на месте, — крик-

нула она, стукнула об стену кулаком, отцепились кнопки, списки звонков и адресов закружили по коридору. — Мы специально условились!

— Ты иди-иди, не жди меня, детка, — сказала Дотти. — На мадам снова нашло. Придется откачивать.

Стелла перешла через дорогу и застряла перед витриной, где чванились парадными пиджаками надменные манекены.

В ресторане Джорджа Генри Ли пожилая дама, вся в фиолетовом, пела под струнный квартет „Чай для двоих“ и водила руками по воздуху, будто отгоняла паутину. Когда дошло до слов: „…Разглашать нам не резон, что у нас есть телефон“, из глаз Бэбз Осборн брызнули слезы.

— Всепоглощающая страсть — это такой ужас, — сказала Дотти. — Просто сжирает человека. Никогда не забуду, как я убивалась из-за О'Хары. Дура несчастная. Все меня предупреждали, что он бабник.

— Станислав не такой, — вскинулась Бэбз.

— Ну конечно, конечно, — успокоила ее Дотти. Локоть в стол, подбородок и ладонь, она вся устремилась к Стелле. — Я убеждала себя, что он трагическая фигура, — говорила она. — Не так перед другими грешен, как другие перед

ним[13], если ты схватываешь. Так мне легче было пережить, что он меня бросил. Ты понимаешь, да? У него перед войной была серьезная связь с одной девушкой, и она от него забеременела. Сам — мальчишка только-только из театрального училища, ну и перепугался до смерти, а когда набрался храбрости, вернулся, чтоб поступить с нею по-человечески, она исчезла. Скрылась под чужим именем, ищи ветра в поле. Думала — вот, помогу забыть. Господи, как можно ошибаться! — И подбородок совсем утонул в ладони.

— А мне эту девушку нисколько не жаль, — сказала Стелла. — Она сама себя не соблюла.

— У Станислава со мной как раз серьезная связь, — громко возмутилась Бэбз Осборн.

Дотти на нее шикнула:

— Ты считаешь, тебе хуже всех? Вспомни бедную Грейс!

— А что произошло с мужем мисс Берд? — спросила Стелла. Спросила, чтоб поддержать разговор.

Бэбз Осборн уже рыдала в голос, из носу у нее текло. Липкая ниточка повисла из левой ноздри, застряла в уголке накрашенного рта. На них через

---

[13] Примечания: 13

„Король Лир“, акт III, сц.2. Слова Лира: „Я не так //перед другими грешен, как другие //передо мной“ (Перевод Б.Пастернака).

зал пялились официантки.

— У них была договоренность, — сказала Дотти. — Глупо с ее стороны, наверно, но под влиянием страсти чего не натворишь? Он согласился на ней жениться, но с условием, что откланяется, в случае если подвернется что-то получше. И конечно подвернулось, правда, через двенадцать лет — женщина старше Грейс с постоянной рентой.

— Как-никак, — сказала Стелла, — ей остаются воспоминанья.

— Станислав любит меня ради меня самой, — рыдала Бэбз. — Он против наследственного богатства.

Стелла думала про Мередита.

— А предмет мистера Поттера при деньгах? — спросила она.

— Хилари? — переспросила Дотти и прыснула в свой пончик с вареньем. — Голь перекатная.

— Зато она, наверно, хорошенькая, — пытала Стелла. — Наверно, элегантная.

Бэбз Осборн перестала рыдать, Дотти задумчиво разглядывала скатерть. Их шокировала, поняла Стелла, ее осведомленность в личных делах Мередита.

— Мистер Поттер меня попросил отправить

телеграмму. Личного характера.

— Воображаю, — сказала Бэбз.

— Я не сую свой нос в чужие дела, — выкручивалась Стелла. — Просто мистер Поттер такой интересный… Ну, в общем, он такой незаурядный, ведь правда?.. И я подумала, что дама у него тоже обязательно необыкновенная.

— Как это верно, — пробормотала Дотти. И вдруг заметила Сент-Айвза с Дон Алленби в дальнем углу ресторана. И стала махать ему и расточать воздушные поцелуи, будто стояла на борту океанского лайнера, разлучавшего их навсегда. — Бедный Дикки, — вздохнула она. — Какой это тяжкий крест.

— Некоторые любят, когда на них возлагают тяжелую ношу, — сказала Стелла. — Так им интересней.

— Ну а что, по-твоему, собой представляет мистер Фэрчайлд? — спросила Дотти. — Что ты о нем скажешь?

— Он мудак, — сказала Стелла.

* * *

За час до открытия театральной кассы она шла через площадь — Джордж послал ее в кафе Брауна за бутылкой молока, — и увидела, как Дон

Алленби покупает цветы в киоске возле телефона-автомата. Она помахала, но Дон не заметила: сосредоточенно запихивала в свою большую сумку букет.

Роза Липман за полчаса до начала прошлась по гримеркам — поздравить с премьерой и пожелать ни пуха ни пера. „Надеюсь, вы будете на высоте, — говорила она всем, — я в вас уверена“. Ее сопровождал Мередит, с моноклем на серебряной цепочке. Когда он проходил мимо Стеллы, на нее повеяло душистым мылом.

Телеграмма от Станислава подоспела к самому поднятию занавеса, Бэбз была на седьмом небе. Пру сказала Джорджу, что Дон Алленби в приподнятом настроении, потому что поклонник прислал ей цветы. Карточки нет, но Дон догадывается, от кого это.

Лорд-мэр сидел в зале, и ректор университета. Первые три ряда партера блистали вечерними туалетами. Шесть раз давали занавес, Роза Липман выходила на сцену кланяться, ей поднесли букет, Джордж сказал, что она выходит только на открытии и закрытии сезона, кроме случаев исключительного успеха, как, например, когда О'Хара произвел фурор своим Ричардом.

Мередит произнес речь о том, как город гордит-

ся своим театром, и о значении драмы. Золоченые херувимы, поддерживающие верхние ложи, здесь не только для красоты. Этот барочный символ подкрепляет буйное сценическое воображение. Но что была бы сама по себе драма, и замечательные спектакли, и символы? Зрители — вот кто всего важней, ибо не следует забывать, что это их заботами, их аплодисментами только и живо наше искусство.

Потом Стелла дожидалась внизу, пока не услышала, как спускается Мередит. Она и в грохоте марширующих полчищ различила бы эти глухие шаги.

Он сказал: „Молодцы“, и выскочил на улицу. Догонять труппу, направившуюся в „Устричный бар“. Стелла не пошла, потому что несовершеннолетняя, а во-вторых, ее никто не приглашал.

Зато она позвонила маме из автомата на площади.

— Тебе бы понравилось, — сказала она. — Там про то, что никто никогда не уходит, а только стоит за углом и ждет, чтоб его догнали. В самом конце, когда опускается занавес, все танцуют под эту музыку: „Ах, мое глупое сердце“.

Она пропела в трубку несколько тактов, покачиваясь, глядя, как гаснут в театре огни.

Мама сказала то же, что и всегда.

6

Через две недели после начала сезона Роза Липман, сидя у себя в кабинете на втором этаже, уловила из гримерки № 1 нечто, напоминающее тональностью вопль угодившего в капкан зайца. До начала оставалось три минуты. Роза писала отчет для ежемесячного заседания правления, но тотчас отложила перо. Прошла по коридору, постучала в дверь Мередита. Он под клетчатым пледом лежал на диване.

— Я в связи с мисс Алленби, — сказала она. — Поскольку ты ее оставил в труппе, надеюсь, ты упомянул о сокращении жалованья.

— Естественно. Она и на том благодарна.

— Ну а насчет новенькой? Как она?

— О, дивно, — сказал Мередит. — Никаких претензий. Бонни считает ее ценным приобретением, несмотря на несистематическое образование.

— Интересно, что бы это значило? — спросила Роза и перекосилась: была в новых туфлях, и они страшно жали.

— У нее слабая грудь. Часто приходилось пропускать занятия.

— Здрасьте, — оказала Роза. — Это моя знакомая семья. Стелла в жизни ни дня не болела.

— Положим, — сказал он. — Одним словом, труппа ее полюбила.

Это была правда. Дотти Бланделл особенно восхищалась Стеллой. Признавалась, что даже ничего подобного и не ожидала от девчушки. Бойкая, но нисколько не нахальная, и притом эта манера выражаться такая забавная, хоть порой и ставит человека в тупик. Своими мыслями Дотти поделилась с Бонни, и, оснащенный кой-какими животворящими примерами, тот решил, что пора вмешаться.

Он перехватил Стеллу в мастерских, куда ее послали варить столярный клей на бунзеновской горелке. Издали услышал ее кашель. Сказал:

— Видишь ли, в мои обязанности помрежа входит не только руководить тобою на избранном поприще, но и наставлять кое в чем другом.

— Я его не избирала, — сказала она. — Оно мне навязано дядей Верноном.

— Как бы то ни было. — упорствовал он, — мне стало известно, что ты с излишней энергией выражала свою неприязнь к одному из членов труппы.

— Разве? — спросила Стелла. В глазах стояло

недоумение.

— Кажется, ты отозвалась о мистере Фэрчайлде следующим образом. — И Бонни, обмакнув кисть в банку с коричневой краской, вывел слово „мудак“ на листе ватмана, прикнопленном к верстаку.

— Это так, по-вашему, пишется? — спросила она.

— Подобные слова не следует произносить, особенно на публике. Это весьма вульгарно. У нас театр, а не казарма.

— Просто Джордж так его называет, вот я и повторила, — сказала Стелла. — Так значит, это слово не связано с модой?

Бонни передал всю беседу Мередиту, и тот хохотал.

— Не взять ли мне ее под свое крылышко? — задумался он. — Заняться ее духовным совершенствованием.

Он вообще заметно повеселел. Что ни день и домой, и в театр поступали звонки от Хилари. Пришло и драгоценное, нечаемое, небывалое письмо, которое он носил в бумажнике и чуть что разворачивал, смиренно испрашивающее у него прощения.

— Смотри не перестарайся, — занервничал Бон-

ни. — Я уже рекомендовал ей поменьше бывать в реквизитной.

Мередит, однако, стал уделять внимание девчонке. Уже дал ей Птолемея, мальчика-царя в „Цезаре и Клеопатре“[14]1. Вся роль — прелестный маленький перл, и вдобавок состоит в основном из затверженной, но спотыкающейся речи, обращенной к Александрийскому двору, так что не беда, если исполнительница от волнения собьется. Да и в самом тексте евнух Потин делает подсказки.

Соответственно облаченная — художник успел ему показать эскиз островерхого шлема и золотой цепи, — Стелла будет куда сфинксовидней многих, и уж бесспорно экзотичнее Бэбз Осборн с этим ее чересчур ломким голосочком и англопейзанскими чертами, не вполне уместными для Клеопатры.

На Стеллу, кажется, не произвело ни малейшего впечатления, что ей вот так, с бухты-барахты отвалили роль. Он своими ушами слышал, как Джеффри сказал, что ей повезло, а она парировала, что везение тут ни при чем: „Он бы меня не пригласил, если б не был уверен, что я справ-

---

[14] Примечания: 14
Пьеса Бернарда Шоу (1898).

люсь“.

Он стал усаживать Стеллу на репетициях рядом с собой, как бы для записи его замечаний. Орфография у нее была убийственная, и вдобавок она присовокупляла собственные соображения „Джон Харбор хороший Аполлодор, — писала она, — но его ресницы отвликают“, или: „Сколько же этому Цезору лет? Неужели мистер Сент-Айвз должен выглядить таким древнем?“ Мередит забавлялся ее обществом и тем впечатлением, которое на нее производил.

Вечерами в гостиной „Коммерческого отеля“ они с Бонни вслух разбирали ее каракули.

Стелла и раньше считала, что в него влюблена. Сейчас, когда он тратил на нее столько своего времени, она поняла, что тогда это был только бледный прообраз влюбленности. При одном упоминании его имени ее бросало в дрожь, при нем у нее будто странно разрастались ноги и нос. Когда он к ней обращался, она почти не разбирала слов, так бухало у нее исходившее любовью сердце, так стучали зубы. Он часто ей советовал потеплей одеваться.

Как-то в обед он ей предложил сопровождать их с Бонни в церковь. Она испугалась, что дядя Вернон и Лили накроют ее при входе к Филипу

Нери, и обрадовалась, когда оказалось, что идут они в церковь Святого Петра на Стил-стрит. Когда Мередит преклонял колена у алтаря, она делала в точности так же, а когда он сказал, что ноябрь посвящен душам в чистилище, она поставила свечку за коммивояжера с пересаженной кожей.

Уходя, Мередит окунул руку в чашу с водой и начертал у нее на лбу крест. Касание этих пальцев было так восхитительно, что она надрывалась от кашля и хмурилась всю дорогу обратно в театр.

Стремясь соответствовать тому, что ей казалось его идеалом, она перестраивалась по нескольку раз на дню. Стоило ему обронить, что он восхищается мужеством Грейс Берд, тут же мужественно твердел подбородок Стеллы. Только он обмолвился, как мила ребяческая непосредственность Бэбз Осборн, тут же Стелла свернулась кошечкой рядом с ним на диване, посасывая большой палец. Через двадцать четыре часа он выговаривал Бэбз за то, что пережимает инфантильность своей Клеопатры, объясняя, что детскость натуры не связана с возрастом, что она заблуждается, если полагает, будто мудрость или дурачество зависят от юности или преклонных лет. Собственно, он не сторонник умничанья, рассудочных выкладок, но в данном случае надеется, что толика

философствования в подходе к роли не повредит. Стелла, уловив тон, хоть и не вполне проникшись силой доводов, тотчас отставила сосание пальца.

Он провел с ней беседу о пьесе, о действующих лицах. Цезарь на первый взгляд кажется предельно эгоистической личностью, но она должна помнить, что, будучи высокодостойным, он не обязан быть добродетельным. Он чужд всепрощенья и великодушия, ибо героической натуре, поистине великому мужу, не на что обижаться и нечего прощать. Наш век не знает разницы между высоким достоинством и добродетелью. Ну а что касается Клеопатры, зря маленькая дикарка вообразила, будто Цезарю она очень нужна. Это Антония она поработила, не Цезаря. Для Цезаря все женщины одинаковы. Не одна, так другая. Ждут за ближайшей пирамидой.

Стелла расстроилась, хоть понимала, как это глупо. В конце концов не в нее же метил Мередит, да и себе, между прочим, он не взял роль Цезаря. Отныне, решила Стелла, я буду высокодостойной.

Джеффри дулся, что она все время с Мередитом. Это попахивало фаворитизмом. Сам он в готовящемся спектакле играл нубийского раба, центуриона и часового, каждому из которых

полагалось произносить: „Украли священного Белого Кота!“ и „Горе нам! Увы! Горе нам! Спасайтесь!“. Тоже дебют, конечно, но с ролью Птолемея — какое сравнение! Он совсем разобиделся, когда Бонни сказал, что репортер из „Манчестер дейли ньюс“ хочет взять интервью у Стеллы.

— Почему у меня? — спросила она, высказав тайную мысль самого Джеффри.

— Успехи местной девушки, в таком разрезе, — объяснил Бонни.

Репортер должен был сразу после трех ожидать у служебного входа. Стелле не следовало забывать, что на ней лежит серьезная ответственность за добрую славу театра. Отвечать надо правдиво, но если вдруг он задаст нескромный вопрос личного характера, лучше воздержаться от комментариев. В таких случаях удобней твердо, но вежливо заявить, что она затрудняется с ответом.

— Я не возражаю против личного характера, — сказала она. — Мне кажется, нет ничего интереснее.

— Я имею в виду сплетни, — предостерег Бонни. — Не позволяй ему вовлечь тебя в обсуждение других членов труппы.

— Иной раз, — заметил Джеффри загадочно, —

излишняя популярность скверно влияет и на карьеру, и на характер.

— Приведи пример, — сказала Стелла.

— Лоуренс Аравийский[15], — ответил Джеффри не без некоторого сомнения.

— В жизни про такого не слыхала. — И Стелла решительно пожала плечами.

Газетчик был в котелке и длинном черном пальто. Он комплексовал из-за своей полноты.

— Внимание, аэростат. — шутил он, подчеркнуто распластываясь по стене, когда проходили в дверь и поднимались к себе актеры.

— Нет, это ж не Роберт Сент-Айвз? — воскликнул он вслед карабкающемуся по ступеням пожилому господину в фуражке. — Тот покрепче будет, а?

— Это мистер Картрайт, — сказала Стелла, — из Уирролского драматического общества. Играет Британа. В спектакле занята бездна народа, двадцать студентов университета выступают статистами.

Они пошли в буфет кинохроники на Клэй-

---

[15] Примечания: 15

Томас Эдвард Лоуренс (1888–1935) — британский разведчик, исследователь, ученый, писатель. Отвращение к публичности сделало его легендарной фигурой. Скрываясь от славы, он сменил фамилию сначала на Росс, потом на Шоу.

тон-сквер. Идею подала Стелла. Ей хотелось поглядеть, как ахнет буфетчица, когда репортер возьмется за самописку.

— Когда началась война, я был как тростинка, — жалобился он. — Два года в авиации, и меня разнесло. — Он взбирался на высокий табурет, протискивая под стойку могучие бедра.

— Вас, наверно, интересует, с чего началась моя работа в театре, — сказала Стелла. Стремясь воздать должное по справедливости, она прибавила: — Меня тренировала миссис Аккерли в Крейн-холле. Двенадцати лет от роду я получила медаль.

— Все этот харч армейский, — сетовал репортер. — Эта их картошка вареная.

— Она совершенствовала мои гласные. Они были у меня плохо поставлены. Это связано с носоглоткой, так же, как с регионом.

— Жратва их паршивая, — он развивал свою тему. — Вот, привык и втянулся.

Для человека, отчаивающегося из-за своего аппетита, он удивительно мало внимания уделял гренкам, которые заказал: ковырял их вилкой и возил, возил по тарелке. То и дело вынимал из внутреннего кармана пиджака квадратную флягу и совал, как трубу, к губам.

— Незаменимая вещь. Бодрости ради для, — приговаривал, булькая.

— Ни с того ни с сего такого не бывает, верно? — сказала Стелла. — Я думаю, вы несчастливы.

— Исключительно да, дорогуша, — признался он. — Какая же вы умничка. И все из-за моей семейной жизни. — Он снял котелок и несколько минут освещал недостатки своей жены Риты, которая служила в сухопутных войсках, когда он впервые увидел ее. Проносилась по пашне за обносившей их базу колючей проволокой. Скольких бы мук сердечных, думал он теперь задним умом, он избежал бы, если б тогда смотрел в другую сторону. Ах, как она классно сидела на тракторе, а за ней вереницей чайки, чайки…

— Феноменально выглядела, — сказал он, — королева, озирает свои владенья. Тэсс из рода д'Эрбервиллей… в таком роде. Правда, я должен признаться, что после нескольких медовых месяцев мы все больше буксовали на взлетной полосе… если, конечно, ты просекаешь мою мысль.

Стелла не просекала. Но кивала тем не менее.

— Видно, потому вы так и растолстели, — сказала она. — Нарастили массу, чтобы выдержать давление.

Он ответил печальной улыбкой, извинился,

пнул табурет, тяжко прошлепал в мужскую уборную.

— У меня берут интервью, — сказала Стелла буфетчице. — Я выступаю в театре. Исполняю роль мальчика-царя, у которого отец Авлет флейтист.

— Везет же некоторым, — сказала буфетчица. И смахнула отверженные гренки в бак под стойкой.

День уже выцветал за окном. Из кухонных труб ресторана Раиса рвался дым, клубился над площадью, заглатывал искры подрагивающих трамваев.

Репортер вернулся с двумя билетами на документальный фильм. Сказал, что погибнет, если еще пять минут просидит на этом табурете. Сели в заднем ряду, смотрели хронику — Джек Гардинер теснил Брюса Вудкока, — потом мультики. Репортер поерзал на стуле, цапнул руку Стеллы, положил к себе на колени, крепко схватил за запястье. Она удивилась и сидела как каменная, а пальцы ее тем временем очутились в его расстегнутой ширинке. Злобный волк на зыбком экране изо всех сил старался сдуть с лица земли домик трех поросят. Репортер прикрыл руку Стеллы своим котелком.

Она тщательно исследовала свою совесть, ста-

раясь определить, виновата ли она в странном поведении спутника. Каждый вечер, когда она объявляла: „Приготовиться к выходу“, Ричард Сент-Айвз затаскивал ее в свою гримерку, клал к себе на колени и шлепал по попке рулоном „Театральной жизни“. Только еще вчера Десмонд Фэрчайлд, услышав, как она объявляет начало спектакля, выскочил из сортира, не вполне застегнутый. В обоих случаях не проявлялось той грубости, как в теперешнем поведении репортера, но она не сомневалась, что суть тут одна. Дело в степени. Интересно, случалось такое с мисс Бланделл или с Бэбз Осборн?

Она хотела выдернуть руку, но он держал крепко. Взгорок под ее пальцами был нежный и все-таки твердый: железный кулак в замшевой перчатке. Применяя к своей незадаче то, что Мередит называл толикой философствования, она размышляла о различиях в мужской и женской одежде. Брюки у них, наконец поняла она, скроены так не потому, что прикрывают дурацкие ноги, а потому, что мужчины вечно начеку, как бы куда не делась их драгоценность. Им надо всегда иметь возможность мигом убедиться, что она у них на месте. Самое удивительное, что им для этого требуется еще и свидетель.

Репортер сдвинул шляпу и протянул Стелле носовой платок.

Странно, разве она чихала? У нее действительно начинался насморк. Вдруг он испустил могучий вздох, будто из него выкачали воздух. Весь стал как будто меньше. Это его самое уж явно скукожилось. И сразу почти он заснул. Она осталась одна — со студенистой сморщенной штукой в липких, перепончатых, как у гуся, пальцах.

Наконец она отдернула руку, украдкой вытерла о соседний стул. Вот балда, подумала, отмечая неуместную улыбку на зачерненном лице вылезавшего на поверхность шахтера.

Репортер проснулся, сразу вскочил, нахлобучил котелок. Цветочницы подсвечивали лигроином расставленные вдоль тротуара ведра. Озарялись окна Оуэнов. Было уже полшестого.

— У меня контрамарка на „Опасный поворот“, — сказал репортер бытовым голосом. — Может, встретимся после спектакля? Мы так и не коснулись ряда вопросов.

— С удовольствием, — сказала она.

Едва ли он мог воспользоваться своей контрамаркой, а тем более дожидаться ее после спектакля. Уже, наверное, дрожал, как бы она не проболталась. Ей ничего не стоило при желании

упечь его в тюрьму. С него слезло все нахальство. Стоял под фонарем — старый, напуганный.

Она попрощалась, он приподнял свой поганый котелок, она повернулась, пошла к театру и все терла, терла руку о бедро, как оттирала грязную швабру.

Бонни поинтересовался, как прошло интервью, и она сказала, что все в порядке, никаких нескромных вопросов личного характера, кажется, не допускалось. Во время первого антракта она отнесла Фредди Рейналду кофе с печеньем в оркестровую яму. Мистер Рейналд в перерывах играл на рояле и помнил довоенные времена, когда в театре был настоящий оркестр. Тогда все было другое, он говорил Стелле, да он и сам был другой. Из-за своих принципов он не пошел служить в армию, и его использовали на трудовом фронте, так что руки у него теперь совершенно не те.

Он держал у себя на столике фотографию, штемпелеванную кофейными кругами: человек в профиль, на мотоцикле. В углу чернилами: „Милому Фредди с любовью. О'Хара“. Как ни глянет на эту фотографию, Стелла вспоминала кого-то, но кого — сообразить не могла. Профиль гордый, может, даже презрительный. Вот, кажется, по-

вернулся бы, посмотрел на Стеллу — и сразу бы она вспомнила.

Уже выходя, она вдруг спросила:

— Если кто-то позволяет себе с тобой вольности, значит ли это, что отчасти ты сама виновата?

— Вольности? — переспросил Фредди. — А с чем это едят, не пойму?

Нет, невозможно было ему рассказать.

— Да так. Один человек кладет меня к себе на колени и шлепает.

— А-а, Сент-Айвз, — сказал Рейналд. — Этот безобиден. Не нравится тебе, так ему и скажи или лучше держись подальше.

— При чем тут „нравится — не нравится“, — сказала Стелла. — Просто я не понимаю, зачем это нужно.

Когда дали занавес, она убрала реквизит, а потом на всякий случай спряталась в гримерке статистов от репортера — еще посмеет ее дожидаться. У нее болела рука. Она подняла ее на свет и увидела воспаленный кружок под ладошкой. Не хватало подцепить неприличную болезнь после этого похода в кино. Через полчаса, спускаясь по лестнице, она вдруг услышала на втором этаже голоса. Она-то думала, все пошли в „Устричный бар“ и только дежурный остался.

Она замерла, прислушалась, сперва был хохот, потом выкрик: „Ради бога!“ И сразу толчком распахнулась дверь.

Она отпрянула в тень и увидела — Джеффри, бежит сломя голову вниз. Он так выскочил, так помчался, что она бы не узнала его, не сверкни под лампой желтый галстук. Потом несколько секунд было тихо, потом голос Мередита: „Ничего-ничего. К утру образумится“. Наверно, Джеффри жаловался, что ему не дали роль поинтересней, решила Стелла.

Дверь кабинета захлопнулась, Мередит с Джоном Харбором появились из-за поворота лестницы. Стелла хотела их окликнуть, но что-то такое в лице Мередита остановило ее, а через секунду он уже сбегал по ступенькам, обнимая Джона Харбора за плечо, и был таков.

* * *

Прогон в костюмах „Цезаря и Клеопатры“ тянулся восемь часов. Никак не скользила толком по сцене лодка Клеопатры, никак не получалось

освещение Сфинкса. Голосочком Ширли Темпл[16] Клеопатра сюсюкала: „Старичок… старичок, не убегай“, а в нее никак не попадал прожекторный зайчик. Сент-Айвз крикнул: „Здесь кто-то что-то сказал или мне показалось?“ — и все расхохотались, и Мередит натянул на глаза свой капюшон, растянулся в проходе и взвыл. Опять все грохнули, но смешного было, оказывается, маловато, потому что Бонни выскочил на сцену как бешеный, взметая пыль, и пыль кружила, светляками вспархивала к прожекторам, и он орал: „Да тише вы!“— Он измаялся, утихомиривая студентов университета: побросали копья на лестнице, во весь голос перекрикивались в кулисах.

Не один Бонни сорвался. Десмонд Фэрчайлд и Дотти Бланделл ругались в коридоре, все слышали, но никто толком не знал, из-за чего сыр-бор. Он чуть ли не обозвал ее коровой, если не похлеще, а она влепила ему затрещину, и он, говорил Джордж, в ответ тоже поднял на нее руку.

Вернон звонил дважды — узнать, что со Стеллой. В первый раз Бонни был корректен, обещал в любой момент отправить Стеллу домой на такси.

---

[16] Примечания: 16

Ширли Темпл (р. 1928) — американская киноактриса. Начала сниматься в трехлетнем возрасте и прославилась ролями девочек. С возрастом утратила популярность.

На второй запрос он ответил скупо: „Послушайте, она ведь не в банке служит“, и брякнул трубку.

Стелла про эти звонки знать не знала. Когда не была занята в сцене дворцового приема, она носилась, что-то таскала туда-сюда или втирала мазь в плечи Джона Харбора, который с утра ходил как вареный рак, сдуру перегревшись синим светом.

Маленькая бледная женщина с красной лентой в волосах почти весь вечер сидела в гримерке Грейс Берд. Ее пригласили, Джордж говорил Джеффри, на роль Питера Пэна в следующей постановке. Бэбз Осборн для роли была слишком высокого роста и, во-вторых, эта женщина уже играла Питера Пэна раньше, когда П.Л.О'Хара был капитаном Крюком. В первом ряду зевали в креслах священники.

В вечер премьеры Роза Липман, как всегда, прошлась по гримеркам, всем пожелать ни пуха ни пера. Бонни пожаловался на дикий сквозняк.

— Ничего особенного, — сказала Роза. — Это просто из мужского сортира дует.

Дядя Вернон и Лили были в зале. Они решили, что Стелла изумительна, хоть Лили громко ахнула, когда она посреди речи запнулась и продолжала уже по подсказке мужчины в белой тоге.

— Ну что ты, в самом деле, — шепнул Вернон. — Ей же положено запинаться.

Гуляя в антракте по фойе, они встретили миссис Аккерли. Она была с мужчиной в галифе, представленным в качестве супруга. Стелла, она объявила, просто бесподобна, вообще бесподобный спектакль.

— Я сперва даже ее не узнала, — сказала Лили. — Такая надменная, да?

Миссис Аккерли познакомила Вернона и Лили не с кем-нибудь, а с Фредди Рейналдом. Он в этом антракте не играл на рояле, потому что оркестровая яма требовалась для следующего действия актерам. Узнав, кто стоит перед ним, мистер Рейналд сказал, что Стелла — интересный ребенок.

— Что же это такое значит? — спрашивала Лили у Вернона, пока они продвигались в очереди к буфету, чтобы пропустить по стаканчику. Она предпочла бы, чтоб Стеллу назвали, например, „милой“, „благовоспитанной“. „Интересная“ — пожалуй, чуть-чуть не то.

— Тише, умей вести себя в обществе, — шикнул на нее Вернон.

Потом они дожидались Стеллу у служебного входа. Другие полезли внутрь, включая миссис Аккерли с мужем, но Вернон знал, что Стелла

спрячется в шкаф или поднимет скандал, если они посмеют туда сунуться. Показался швейцар, поинтересовался, не желают ли они получить автограф.

Лили сказала:

— Спасибо, мы в любой момент можем получить подпись мисс Брэдшо.

Вернон буркнул, что они имеют полное право прогуливаться по тротуару, он не купленный.

Главный артист вышел под ручку с девицей — кудри колбасками, — а за ними молодой человек в спортивной куртке, с моноклем и ехидным оскалом, вроде эсэсовца.

Стелла долго их протомила у входа, а когда наконец вышла, припустила по улице мимо. Только у Кэйсис-стрит они ее догнали: присела на корточках возле табачной лавки.

— Господи! — крикнула Лили. — Это что ж ты нас перед людьми позоришь!

Стелла уступила только отчасти: поплелась сзади. Каждый раз, когда оборачивался, Вернон натыкался взглядом на ее театрально задранный подбородок и устремленный к дымному небу взор.

— Ничего не пойму, это же ни в какие ворота, — признался он Лили, но та его осадила:

— А когда она, спрашивается, другая была? Домой добрались поздно, но он не удержался, позвонил Харкорту.

— Вы рады, наверное, — сказал Харкорт. — Брат Клеопатры — такая роль!

— Муж, — поправил Вернон. — Несмотря, что всего десять лет.

— Но он к тому же и брат, изволите ли видеть.

— Сам я не настолько знаком с произведением, — уступил Вернон. — Действие, конечно, происходит в далеких странах. Вы ведь пойдете посмотреть, я на вас рассчитываю.

— Никоим образом не упущу возможности, — жарко заверил Харкорт.

— Исхудала она, — сказал Вернон. — Ест как птичка. Дома по крайней мере. Вследствие чего у нее началось на ладошке нехорошее нагноение.

— О Господи, — сказал Харкорт. — Это надо пресечь в зародыше.

— Уже приняты меры, будьте благонадежны, — сказал Вернон. Он откашлялся. — У нее картинка завелась в комнате, так, с открытку, не больше того. Молодой человек в терновом венке. Одним словом, сами понимаете.

— Иисус, вы хотите сказать? — спросил Харкорт.

— Фонарь держит.

— Он, вероятно.

— Там слова у нее… ну, у короля этого… что, мол, боги не потерпели, чтобы беззаконие сестры осталось безнаказанным. Это же про языческих богов, понимаете.

— Ну, это по ходу пьесы, — успокоил его Харкорт. — Я бы не придавал подобным вещам значения. У нее впечатлительный возраст, она сталкивается с довольно странной публикой…

— Странной? — переспросил Вернон.

— Ну не то что именно странной, — вывернулся Харкорт. — Просто я имею в виду, это не та публика, с которой бы она работала бок о бок, определись она, скажем, в банк. А сейчас возрождение интереса к религии, знаете. Реакция на войну. Люди ищут опору.

— Нашли где искать, — сказал Вернон.

— Войдите в ее положение. — сказал Харкорт. — Поставьте себя на ее место.

Пустой номер. Ее теперешняя жизнь и его прошлое — какое сравнение! Вернон заказал карболового мыла и резко повесил трубку.

Лили спросила, в чем дело: у него такое лицо!

— Я не сумел себя поставить с Харкортом. Вроде хотел с ним поговорить по душам, и ничего у

меня не вышло. Весь вопрос в его этом тоне. Иной раз можно подумать, он за дурака меня считает.

— Он же для тебя царь и бог, — сказала Лили. Ее втайне порадовала критическая стрела, выпущенная наконец-то во всесильного Харкорта.

— Тяжело мне, — тосковал Вернон. — Просто не доходит: как все изменилось с молодости нашей. Отстал, устарел. Вот ты — можешь ты понять, каково нашей Стелле?

Лили помнила, как она голодала, как холодала, как мама на ночь, было дело, подпалила плинтус керосиновой лампой, вымаривая клопов.

— Я — нет, — сказала она. — Не могу. Я и в поезд села-то в первый раз аж после тридцати, да и то, если помнишь, не кататься поехала, а кинулась выручать Рене, когда она опять номер отколола.

— Неужели же это все нам не зачтется? — сказал Вернон. — Неужели все зря? Все наши беды?

Лили стало не по себе. Если бы точно не знала, решила бы, что он назюзюкался.

— Я вот думаю завтра им кролика потушить, — сказала она.

— Совсем другой мир, верно? — размышлял он. — Карманные деньги — это ей тьфу. И ванны тоже.

— Уж не говоря про телефоны, — сказала Лили.

— Знать бы хоть, с кем она там якшается. Люди они, конечно, образованные, а вот насчет моральных устоев — это вопрос. Как бы они жизнь ей не поломали. Как бы не задурманили, куда не надо не завлекли. Конечно, сама потом одумается, но как бы не оступилась.

— Мне морковь потребуется, — сказала Лили.

— Познакомиться бы с этим Поттером, от которого она не отходит.

— Как же, сейчас, — сказала Лили. — Да она лучше умрет.

Вернон поднялся наверх с намерением снова позвонить Харкорту, но дверь в холл была приоткрыта, и его углядел торговец мылом, игравший в джин-рамми с распространителем канцтоваров. Стали спрашивать, может, они чересчур шумят, и он сказал — нет-нет, что вы, просто хотел убедиться, все ли в порядке.

Он открыл входную дверь, мгновение постоял на ступеньках, разглядывал обтянутый бледным светом купол собора, закинутое в небо городское зарево. По другую сторону улица, горбатясь, убегала во тьму. Кто-то разбил кирпичом фонарь на углу возле церковной ограды, его так и не заменили. Через реку накатывала мгла. Там, где-то в бухте, урчал, угрожая опасностью, дальний буй.

7

Читку „Питера Пэна“ проводили в фойе за последним рядом партера. Все салатное, розовое, ритуально обвитое по колоннам гирляндами, изукрашенное пластиковыми пальмами, оно пахло сигарами и кофе. Во время оно, когда здание называлось еще Мюзик-холлом Келли, здесь размещался пивной бар.

— Существует множество книг, толкующих смысл этой единственной пьесы, — сказал Мередит. — Большую часть я прочел и пришел к выводу, что они не на пользу автору. Я не вправе судить о том, оказало ли горе матери, потерявшей его старшего брата, неблагоприятное воздействие на эмоциональное развитие мистера Барри, но меня это не волнует. Каждый несет свой крест. Не буду вдаваться в подробности, но я считаю пьесу чистейшей фантазией. Вся эта муть символических расшифровок мне ни к чему.

Бонни хмурился. Женщина, у которой накануне была лента в волосах, искоса, пристально разглядывала Мередита. Глаза у нее были даже не карие, почти совсем черные, и она была к шерстя-

ных гольфах. Издали — как ребенок, неизвестно, девочка или мальчик.

Ее звали Мэри Дир, она играла заглавную роль уже дважды: в двадцать втором году в лондонской „Скале“ и потом, еще через пятнадцать лет, в этом театре.

Она излучала странную власть — все это чувствовали, — но говорила она слабым, надтреснутым голосом, почти шепотом. Перед тем как ей появиться, Сент-Айвз поскорей нацепил пенсне, которое ненавидел, обычно предпочитал слепо тыкаться в книгу, лишь бы в нем не показываться. Десмонд Фэрчайлд единственный решался прямо к ней обращаться и даже снял для такого случая шляпу и почтительно — странная вещь — склонял голову, пока она, косолапо сдвинув свои балетные тапочки, потягивала у столика кофе. Фэрчайлд, Дотти говорила, еще в коротких штанишках играл Стирку в постановке лондонской „Скалы“ двадцать второго года.

Джордж, который ведал тросами и успел обойти Мэри Дир со всех сторон, как палач, примеряющий к веревке висельника, сказал, что ей сам Бог велел летать. Сложена как ласточка. Стелла в глубине души решила: нет, не на птицу она похожа, а на мартышку: эти ее матовые, немига-

ющие глаза.

Читку свернули к обеду, чтоб Сент-Айвз успел отдохнуть перед вечерним спектаклем „Цезаря и Клеопатры“. Стелла и Джордж заменяли „пропащих мальчиков“. По договору, репетиции с детьми разрешались только во второй половине дня. Девочек для Тигровой Лилии, набранных в школе чечеточников мисс Телмы Бродбент в Крейн-холле, ждали только дней через десять.

Джеффри взбрело в голову, что его должны взять на Муллинса, этого пирата. Кто-то, очень даже знаменитый, играл его в последней лондонской постановке. Мередит попросил Джеффри сбегать за сигаретами, а он на это по-хамски: „Отчего, интересно, умер ваш последний лакей?“ Тихо сказал, но так, чтоб расслышали. Мередит поморщился, потом ухмыльнулся, а Джон Харбор шутливо стиснул Джеффри плечо и крикнул: „Ну и ну! Мы, кажется, встали сегодня с левой ноги!“

Бонни сказал Стелле, что хочет, чтоб она не только дублировала Майкла, но взялась еще и за Чинь-Чинь.

— Что с этим сопряжено? — спросила она.

Ей придется, он объяснил, стоя в кулисах, направлять луч фонарика на особым образом наклоненное зеркало, и оно будет посылать пля-

шущий отсвет на задник, изображающий страну Никогданию. И одновременно надо звонить в колокольчик. Стеллу, она сказала, смущали технические сложности.

— Это просто, как апельсин, — уговаривал Бонни. — Была же ты скаутом!

— Делать мне нечего, — отрубила она.

— Ну, это как посылать световой сигнал с горки.

— Я питаю отвращение к мигающим огням, — сказала она. — По-моему, я вам уже говорила.

Она искала сочувствия у Фредди Рейналда, но тот слушал вполуха.

— Было кое-что в моем прошлом, — сказала она, — из-за чего мне трудно смотреть на ночники так — одна вещь, не могу вдаваться в подробности. В общем, это самый настоящий кошмар.

— Ты же девочка сообразительная, — сказал он. — Мгновенно сориентируешься, — и завел канитель про то, как он сам и П.Л.О'Хара ездили на мотоцикле в Хоуорт, осматривать дом сестер Бронте. Насколько она могла судить, к ее личным трудностям это отношения не имело. На вересковой пустоши О'Харе удалось вызвать дух

Хитклифа[17], и загробным вихрем мотоцикл сбило с пути, а их обоих свалило в кювет.

Джеффри, выследив, как Стелла мается в реквизитной, вообразил, что она убита своей участью дублерши.

— В этой сомнительной профессии, — он ей сообщил, — важно для начала зацепиться. И не спешить. Тише едешь — дальше будешь.

— Чья бы корова мычала! — припечатала его Стелла. — Я, что ли, вечно дуюсь на тех, кто лучше меня, и как полоумная кидаюсь с лестницы?

В общем, ей было совершенно плевать, какую играть роль. Раз ей нельзя быть Питером, она готова, если только разберется в технических сложностях, быть всего лишь отражением, тенью.

Вечером, в гримерке, которую делила с Бэбз Осборн и Дон Алленби, она, тем не менее, извинилась, что мешается у них под ногами.

— Господи! — крикнула Бэбз. — Да у тебя точно такое же право тут находиться, как у нас.

— Больше даже, — сказала Дон, которая, будучи всего лишь служанкой у Клеопатры, понимала

[17] Примечания: 17

Хитклиф — герой романа Эмили Бронте „Грозовой перевал“ (1847), найденыш, воспитанный в дворянской семье. Разбогатев, он мстит детям своих воспитателей за былые унижения.

прекрасно, что, если б не возраст и былые заслуги, ее бы преспокойно вытурили на верхотуру к статистам.

Стелла надеялась, что Бэбз упомянет о ее скромности в „Устричном баре“ в присутствии Мередита.

„Никакого понимания собственных данных, — скажет она, например. — Редкое достоинство в столь юном создании“. И Мередит, может быть, ответит: „О, как вы это верно заметили. Просто удивительное смирение, ни малейшего чванства“. А потом, когда закроется бар, он побредет на Браунлоу-хилл к „Коммерческому отелю“ под ручку с Бонни и будет думать о ней, какая она необыкновенная, будет размышлять о ее удивительной скромности.

Вообще-то в собственной гримерке она проводила за вечер от силы полчаса. Носилась по разным делам за кулисами или, когда не на сцене, сидела с книжкой в углу реквизитной. Гримировалась она в номере третьем, у Дотти Бланделл и Грейс Берд.

Дотти говорила, что главное — научиться как следует накладывать краску. Бэбз чересчур напрягается, зазубривая текст, так что толку от нее — ноль, ну а насчет Дон, если та не в очках,

результат получается неважнецкий. Это целое дело — какой выбрать тон, где погуще наложить. Прожектор — жутко коварная штука. Чуть-чуть не так повернешься, чуть недокрасишься или перекрасишься — и из цветущей прелести превращаешься в труп и вместо светлого ангела выглядишь потаскухой.

Переодеваться Стелла приноровилась в сортире дальше по коридору. Приходилось, правда, приседать на корточки из-за старой свисавшей с потолка липучки-мухоловки, но все лучше, чем свои школьные панталончики и фуфайку демонстрировать Бэбз, а то и еще кому: Бэбз требовала, чтобы дверь гримерки держали открытой. „Мне воздух жизненно необходим, иначе, — грозилась, — я в обморок упаду“. Хотя окно на лестничную клетку стояло приотворенное на задвижке, тут никогда не выветривался странный запах — кокса от парового отопления, мяты и настырный дух расточаемого Дон Алленби одеколона.

Стелла опасалась, что Бэбз наябедничает Дотти, что она ходит без комбинации, и та побежит покупать, как уже купила лифчик, застукав Стеллу в гардеробной, когда ей мерили костюм Птолемея. „Ты уже совсем большая девушка, — сказала

тогда Дотти, — очень вредно ходить без бюстгальтера, пока развивается грудь“.

Этот бюстгальтер Стелла не снимала ни днем ни ночью, чтоб не увидела Лили: она с ума бы сошла, если б узнала, что Стелла принимает исподнее от чужих.

В гримерке любили поговорить про Мэри Дир. Вчера вечером она не заплатила за себя в „Устричном баре“. В обед Десмонд не успел сделать ставку, потому что она его, как зайца, гоняла к себе на квартиру, узнавать насчет какого-то там срочного письма. Письма никакого не оказалось, а лошадь, на которую собирался поставить Десмонд, пришла первой, и он погорел на двенадцать шиллингов. Грейс Берд сказала, что это типично, что одеваться рядом с Дон — просто рай по сравнению с тем, как делить гримерку с Мэри. Сама она, правда, с ней не пересекалась. Бог миловал. Хотя… было однажды, благотворительный спектакль „Частные жизни“[18] в Театральном клубе. Она сыта по горло. „Вы просто себе не представляете, деточка, сколько раз она посылала характерную инженю за сигарами. Просто обожает эксплуатировать окружающих. Ей и просить

[18] Примечания: 18
Пьеса Ноэла Коуарда (1936)

не приходится… люди бегают у нее на посылках, как нанятые… будто ей чем-то обязаны. Спешу добавить — ко мне это не относится. Старовата. Но с вами, Дотти, она этот номер испробует, помяните мое слово“.

Дотти уверяла, что ничего такого не может быть никогда, а сама улыбалась. Ей льстило, что Грейс ее считает достаточно юной для того, чтобы бегать на посылках.

Стелла сидела перед зеркалом Дотти в накинутом на плечи полотенце, как вдруг без стука вламывается Сент-Айвз:

— Нет, я с ума сойду!

В сеточке на волосах, и вертит на кулаке свой цезаревский парик с лавровым венком.

— Мне уйти? — спросила Стелла, приподымаясь со стула. Она терпеть не могла, чтоб кто-то ее видел с откинутыми со лба волосами, пусть даже Сент-Айвз.

Он ее удержал, отечески сжав рукою плечо:

— Боже, зачем, дорогуша? Ты же своя.

Вечно он клал недокуреную трубку в карман халата и сплошь его прожег.

— И где тебя целый день носит? — это уже относилось к Дотти.

— Не твоя забота, — ответила та миролюбиво.

— Наша красотка торчала у двери, когда я пришел домой. С гигантской охапкой полудохлых нарциссов.

— У нас? — поперхнулась Дотти.

— Не хотела, мол, меня затруднять, но ей необходим мой совет. Пришлось ее впустить. И, представь, схватила мои носки, имела наглость, стала оглаживать одеяло.

— Так ведет себя женщина, когда сказать уже нечего, — великодушно вставила Грейс. Слепо глядя в зеркало сомкнутыми выпуклыми веками, в которые втирала задумчиво лиловые тени.

— Пришлось угостить ее сырным тостом с чашечкой чая. Не тот напиток, которому она привержена, согласись. И все время она хрустела этими омерзительными мятными леденцами, чтоб смазать тот факт, что завернула по пути в „Устричный бар“. — Сент-Айвз расхаживал по гримерке, заглядывая в зеркало, втягивая живот. И, как увядший букет, держа перед собою парик. — Далее она сообщила, что Уоррингтонский театр предлагает ей роль в „Джейн Эйр“, и как я думаю — соглашаться? Не мог же я подпрыгнуть и заорать: „Соглашайтесь, соглашайтесь, я оплачиваю проезд“, верно? Как я считаю — разумней уехать или лучше упросить Мередита, чтоб он ее

оставил на Рождество? Она готова играть красно-кожую за грошовую плату, и лучше шесть недель здесь, чем одна неделя в Уоррингтоне. В смысле денег она, конечно, права. — Он тяжко рухнул на стул Дотти.

— Ох уж эти деньги. — пробормотала Грейс. Наверно, подумала про своего предателя-мужа, решила Стелла.

— Зависит — какая роль, верно? — сказала Дотти. Провела черту по носу Стеллы пятым тоном, изготовилась втирать.

— Естественно, именно это я ей и сказал! — крикнул Сент-Айвз. — Она отвечает — главную. Я: „Как?! Джейн?“ Удивился, признаться, хотя, кто спорит, она даже подходит для роли… достаточная уродина… а она отвечает: „Нет, гувернантки“.

— Бедняжка, — жарко вздохнула Грейс[19].

— Что я буду делать, если Поттер ей скажет, чтоб оставалась? Вы же его знаете… Он способен сказать „да“ просто в пику мне. И я не могу рассчитывать на Дотти. У нее теперь какие-то свои дела.

— Именно, — сказала Дотти и в зеркало под-

---

[19] Примечания: 19

Джейн Эйр в романе Шарлоты Бронте служит гувернанткой, как, верно, помнит читатель

мигнула Грейс.

— Нет, у меня будет просто невозможная жизнь, — мрачно пророчествовал Сент-Айвз.

Заметил, что Стелла на него смотрят, и осиял ее неимоверной улыбкой. Усохший красавец под сеточкой.

— И как же ты от нее отвертелся? — спросила Дотти. — Мягко, надеюсь?

Он напомнил, что именно из-за своей мягкости, как ей прекрасно известно, он и влип во всю эту историю.

— Я сказал, что устал, и она глянула искоса на постель и намекнула, что тоже дико устала. В том смысле, что, стоит ей отдохнуть в приятной обстановке, она тут же будет свежа как роза. Вы себе не представляете, как я намучился!

— Воображаю, — сказала Дотти, в войну служившая в авиации, — сложная тактическая задача.

— Я просто вынужден сказать Мередиту, чтоб он ее спровадил, — решил Сент-Айвз. — Или она, или я.

— Может, спасет молитва, — сказала Грейс. — Я поставлю за вас в воскресенье громаднейшую свечу.

— И главное, все вертит свою богомерзкую

зажигалку, — стонал Сент-Айвз. — Только-только мы дойдем до заката в ее „Сорренто“, все начинает по новой. Ей-богу, я чуть не вырвал у нее из рук эту пакость и не вышвырнул с ней вместе в окно.

Дотти и Грейс обе прыснули. И Стелла смеялась — она же своя, — пока перед нею не встала картина: Дон Алленби и Сент-Айвз у него в спальне, щеки Дон, втянутые из-за леденцов, синее полыхание газа, неразвернутые, отверженные нарциссы.

Стелла сказала:

— Ну почему, не такая она глупая. Просто никто не скажет ей правду, вот она и запуталась. Не знает, как себя вести.

— Нет, киса, — сказала Дотти, отщипывая клок ваты и стирая со щек Стеллы кармин. — Если надо еще подбавить, разотри пониже, к мочкам ушей.

Потом уж Стелла сообразила, что это ее поставили на место. И Сент-Айвз, конечно, выскочил за дверь не потому вовсе, что Джеффри объявил второй звонок, а из-за ее непрошеного замечания. Может, и перекошенное „тьфу ты“ Грейс Берд тоже относилось к Стелле, а вовсе не к мотку бежевой шерсти, некстати спрыгнувшему со столика.

Дотти, безусловно, уже не так рассыпалась в благодарностях, когда Стелла принесла ей в антракте чай на подносе. А когда Птолемей в середине второго акта сетует, что Цезарь гонит его из дворца, и Цезарь отвечает: „Иди, мой мальчик. Я тебе не желаю зла. Среди своих друзей ты будешь безопасней, чем здесь, в пасти у льва“, Стелле показалось, что Сент-Айвз говорит суровей обычного. Небесно-синие глаза в черной обводке затвердели бусинами. „Не льва я боюсь, — крикнула она. — а шакала!“ — и хотя относилось это не к Цезарю, к Руфию, она бросала вызов Сент-Айвзу. Уперев взгляд в его мускулистые розовые колени под складчатой туникой, она в душе клялась, что, если он только посмеет еще хоть раз ее шлепнуть, она закричит благим матом.

Он буквально прочитал ее мысли. Следующую реплику: „Храбрый мальчуган!“ — Цезарю полагалось заключить победным хохотом, а он еле-еле выдавил улыбку.

Через десять минут после занавеса она уже неслась в горку, вовсю работая локтями и глядя на тучи, загустевавшие над останками часовни. Ей было тошно.

Вернон понял — что-то стряслось: эти опущенные уголки рта и глаза! И не окрысилась на него,

когда попросил помочь столы накрыть к завтраку. Лили совсем дошла, уж час назад завалилась спать.

— Ну, как представление? — спросил он.

— Ничего, — сказала она.

— Ты довольна? — Он прощупывал почву, вытирая мокрую солонку обшлагом рукава.

— Все нормально, — ответила она.

— Ну а новая постановка? Где мальчик — главный. Ты там выходишь?

— Сто раз тебе объясняла, — сказала Стелла. — Это не пантомима. — И губу закусила, мрачная, хмурится из-под рыжей челки.

— Ладно-ладно. Поправка принимается. — И погрохотал пакетом корнфлекса, прежде чем его поставить на стол у двери.

Наконец она нехотя выдавила:

— Мне не дают приличную роль. Мистер Поттер считает, что не следует торопить события, не стоит спешить — в самом начале моей карьеры. Лучше медленное стойкое пламя, чем яркая вспышка, которая тут же загаснет.

Села за стол, отведенный коммивояжеру с латаной кожей, стала водить вилкой по скатерти.

— Не надо, — взмолился Вернон. — Поцарапаешь. — Ему хотелось еще поразведать насчет

Мередита, про семью, про мысли — так, похоже, человек не вредный, с понятиями, — но он не знал, с какого бока подступиться. Чуть что не так скажешь — она же вскочит и убежит.

— Ты знаешь мисс Алленби, — сказала она, — которая в четвертом акте такая вся в кисее?

— Толстая? И кончила тем, что ей горло перерезали?

— Нет, то Грейс Берд. И на самом деле она не толстая вовсе, это она в толщинках. С ней подло поступил муж. Нет, я про ту, которая с носом.

— А-а, — сказал он, хоть понятия не имел, о ком речь.

— Ну вот, она в нашей гримерке, и никто ее не любит. Ее только терпят. У нее на столике целая куча аспирина — головные боли такие.

— Да не трогай ты их, — сказал он, потому что она схватила зеленые вязаные салфетки и давай перекидывать, как блины.

Тут она швырнула вилку, глянула, прямо молнией ожгла, и пошла дальше:

— Дом, где она жила до войны, разбомбило, и два дня она была погребена под обломками, обнимая вазу, принадлежавшую ее матери. Когда ее откопали, на вазе не было ни царапинки, и тут уполномоченный по гражданской обороне

споткнулся и…

— Волдырь-то твой не беспокоит? — перебил Вернон, видя, что она, как на лангетке, держит руку у груди.

— Я тебе рассказываю! — крикнула Стелла. — Интересные вещи! — И кинулась из комнаты вон.

Он готов был себя убить.

Через два дня вечером Стелла потеряла сознание в реквизитной. Бонни отнес ее наверх, к Розе Липман в кабинет. Стелла успела переодеться в спецовку и брюки, чтоб не запачкать костюм перед выходом на поклоны, но на руке остался тяжелый золоченый браслет. Роза думала, что девочка недоедает, пока, расстегнув браслет, не обнаружила квадратик пропитанного гноем бинта.

Она отправила Стеллу домой на такси, предварительно поинтересовавшись, для чего ей понадобилось чуть ли не шестидюймовое засунутое в носок деревянное распятие. Она засекла его, когда Стеллу клали на диван.

— Так. Символ, — сказала Стелла.

— Не делай из меня дуру, — сказала Роза.

— Он меня утешает.

— Не католичка же ты.

— Нет, — согласилась Стелла. — Но об этом помышляю.

— Валяй, помышляй, — сказала Роза, — а пока суд да дело, завела бы уж крестик поменьше да на шее носила, как люди носят.

* * *

Стелле было сказано, чтоб завтра утром отдыхала. Об этом не могло быть и речи. Лили начнет приставать, отчего да почему, а с дяди Вернона станется позвонить в театр и первого же, кто согласится слушать, обозвать эксплуататором и угнетателем. Очень надо, чтоб Роза Липман в ответ ему сообщала, что нашли у Стеллы в носке.

Пока дядя Вернон и Лили суетились с завтраком, она прошмыгнула во двор и сунула распятие за пустые картонки мистера Харкорта. Она не забыла, как ходила в кино с дядей Верноном на „Песнь Бернадетты“[20]. Он согласился пойти только потому, что Лили сказала, что это мюзикл, и ушел, едва Бернадетта стала опускаться на колени в чистом поле. Потом ругался, что лично

---

[20] Примечания: 20

О святой Бернадетте, католической святой, известной как Бернадетта Лурдская (1844–1879) — написано много пьес, о какой пьесе идет здесь речь, сказать трудно.

ему бы лучше увидать свое дитя в гробу, чем в монашки отдать.

Она не прямо из дому пошла к станционному отелю. Сперва доехала на трамвайчике до пирса и там гуляла, пока часы пароходства не показали пол-одиннадцатого. Она предвкушала свое запоздалое явление — вокруг столпятся, будут восхищаться ее выдержкой. Особенно Мередит.

Утро было ветреное, теплое. Она четко видела через водный простор все аж до разрушенного купола в Нью-Брайтопском парке. Вот от Гребня тяжко отчалил паром, и пассажиры вцепились в поручни, когда их тряхнуло взбрыкнувшей волной. Много веков назад, дядя Вернон рассказывал, вода накатывала на город, и в бурную погоду людей перевозили на лодках. Ей представился Мередит в морском снаряжении и как она обнимает его, жмется к нему, а ветер силится их оторвать друг от друга. Но тут человек с разложенными по укрепленному на шее подносу шнурками сунулся к ней со своим товаром. Повязка на глазу, на лацканах задрипанного пиджачишки тяп-ляп понавешены медали. Она сказала, что сама такая же неимущая, как и он, и покрепче сжала в кармане кулак со своим пенсом и еще девятью, которые ей дал с утра дядя

Вернон.

Прежде чем уйти, этот оборванец ее обругал, и над мятой шляпой с криком метались чайки. Стелле стало неудобно, она его догнала, готовая расстаться с двумя пенсами, но он опять ее обругал. Он продавец, а не нищий.

Она поднялась на лифте до верхнего этажа отеля и удивилась: никого, один Мередит, спит в кресле у двери. Она обошла вокруг, посвистела, он не шелохнулся. Через четверть часа явились четыре пирата, потом Десмонд Фэрчайлд — без котелка, под глазом синяк.

— По обстановке судя, — сказал он пиратам, — мы свободно можем спуститься и попить кофейку.

— Может, нам следует разбудить мистера Поттера? — поинтересовалась Стелла. Она видеть не могла, как он валяется в кресле, и притом эта бабочка сикось-накось. На замшевой туфле пятно, другое на брючине. И ко всему еще гнусный запах над курткой.

— Пусть немного проспится, — сказал Десмонд. — Мы вчера прилично гульнули. Поттер решил, что он Питер Пэн, и вылетел в „Коммерческом отеле“ из окна. Хорошо, дело в баре было. Теперь хозяин не желает его пускать.

И повел пиратов вниз.

Почти тут же явился Бонни и остро ткнул Мередита в плечо своим зонтиком. Мередит очумело смотрел на него, водил по запекшимся губам языком, как ящерица.

— Беги на кухню, — приказал Бонни Стелле. — Попроси официанта, у которого вмятина на лбу, пусть даст ведерко со льдом и немножко салфеток. И скажи, чтоб послал наверх черного кофе и аспирина.

А потом иди домой и оставайся там до вечернего спектакля.

Она заявила, что домой идти не может, ей не велено в дневное время болтаться по дому, а Бонни сказал — ему абсолютно плевать, куда она отправится, пусть хоть к черту в зубы, только чтоб с глаз долой.

До самого театра она злилась и там стрелой метнулась по коридору в реквизитную, чтоб не засекла Роза Липман. Джеффри не было видно. Джорджа она нашла в мастерской, он сооружал из папье-маше крокодила. На нее ноль внимания, даже когда она пересказывала сплетню насчет того, что мистера Поттера выгнали из отеля.

— Десмонд Фэрчайлд потерял шляпу, — сказала она. — И у него под глазом синяк.

— Тебе здесь не место, — сказал Джордж. — Тебе же сказано не приходить.

Она до вечера проторчала на скамейке в городском парке против картинной галереи. Под вечер похолодало, и дядька в котелке уселся рядом и стал водить ребром ботинка у нее по ноге — вверх-вниз.

В пять она вернулась в театр и прокралась наверх, в гримерную. Дон Алленби, в плаще, в косынке, стояла и смотрелась в зеркало. На полочке перед строем аспиринных флаконов была почти пустая литровка вина.

— Что бы вот ты стала делать? — спросила она.

— Не поняла, — сказала Стелла.

— На моем месте? Но ты даже не представляешь, да? Никто не может представить себя на моем месте.

— Почему, — сказала Стелла. — Мы все не так уж отличаемся друг от друга. У всех, в общем, одинаковые чувства.

— Чувства! — крикнула Дон, тряхнула головой и довольно смешно не то захохотала, не то взвыла.

Стелла не могла понять, выпендривается Дон или это серьезно, вид был жуткий, будто она погибает от мигрени, но она все смотрелась в зер-

кало, так и сяк поворачивала лицо, наклонялась, вглядывалась в бегущую по щеке слезу.

— Чувства! — крикнула она снова. — У этой сволочи их нет вообще!

Рухнула на стул, уронила голову на клочья ваты и палочки грима. Говорила и плакала, плакала и говорила — обрывки фраз, угроз, ругательств, и все повторяла, повторяла: „Ричард, Ричард“, как жалующаяся матери девочка.

Стелла пыталась ее утешить, похлопывала по плечу и старалась не улыбаться, что, между прочим, давалось ей нелегко, потому что все это было хоть и грустно безумно, все равно смехотворно. Дон не виновата. Наверно, труднее всего на свете выглядеть искренне, когда у тебя разрывается сердце.

Наконец Дон перестала рыдать, подняла голову. Нос в пятнах пудры. Глубокий вздох, вот сейчас умрет. Очнулась, выпалила:

— Меня попросили уйти. Небось уж слыхала. Господи, как я теперь скажу Ричарду! Он меня умолял не соглашаться на роль в Уоррингтоне. Мы ведь собрались танцевать, знаешь? Он меня пригласил на ужин после спектакля в сочельник.

Снова она разрыдалась и между всхлипами

жаловалась, что ее коварно предают… вонзают нож в спину. Этому извращенцу ничего не стоит ее оставить… главное, знает, гад жестокий, как боль причинить… ах, он сожалеет, но у него для нее ничего нет, а сам все время новеньких нанимает… и разглядывает ее в свой этот монокль, можно подумать, он Господь Бог…

— Мистер Поттер! — взвилась Стелла. — Вот уж кто не виноват. Это Сент-Айвз захотел, чтобы вы уехали. Он сказал мистеру Поттеру: или она, или я.

Джордж снизу примчался на вопль и наотмашь ударил Дон Алленби по щеке. Потом промыл ей глаза, напоил чаем. Через полчаса, когда явились Дотти и Бэбз, она как ни в чем не бывало наводила марафет перед зеркалом.

Только в первой сцене четвертого акта она исчезла. Была тут как тут, ответила, когда Клеопатра спросила, над чем она смеется, а когда полагалось сказать: „Эх, хорошо бы этот Цезарь вернулся в Рим!“ — ее уже не было. Один студент сказал, что она промчалась мимо него по коридору и выскочила на улицу. Обознаться он не мог: унюхал мяту. Швейцар говорил, что не видел, чтоб кто выходил в костюме.

Как только Стелла отыграла, Бонни велел ей

идти домой. В настоящее время ее услуги в реквизитной не требуются, ждать аплодисментов не обязательно. И ближайшие несколько дней пусть она не беспокоится.

— Я же в порядке, — заикнулась Стелла. — Это просто старый волдырь поганый.

Но он сказал, что таков приказ мисс Липман. Она огорчилась, было жаль пропускать главное удовольствие.

Стелла переоделась и пошла на площадь звонить маме. Сперва подумала — кто-то забыл в автомате узел с бельем. Толкала-толкала дверь — без толку. Потом присела на корточки, заглянула в стекло и увидела косынку в скотчах и руку, сжимающую ободранную герань в горшке.

8

Бонни сопровождал Дон на вокзал. Она отправлялась в Бирмингем, пожить у сестры, которая только что родила девочку. Самое милое дело — отдохнуть, понянчить ребеночка. Женщины-профессионалы, актрисы, лишены этого счастья, правда? Что ж, искусство требует жертв, хоть иной раз диву даешься — кому это надо?

После больничной ночи выглядела она вполне пристойно и не без удовлетворения ссылалась на причиненное ею беспокойство. Это ж вспомнить смех. У нее раскалывалась голова, она тяпнула три таблетки аспирина, выскочила позвонить сестре. И — вырубилась буквально до того момента, когда очнулась в „скорой помощи“. Прямо дикость.

Бонни чувствовал, что не к месту и не ко времени поминать полдюжины пустых флаконов из-под аспирина, разбросанных в телефоне-автомате — содержимое, вперемешку с необернутыми леденцами, впоследствии вынырнуло со дна сумочки, — и о том, что „выскочила“ она непосредственно из чертога Клеопатры посреди действия.

Пожалуй, разумнее не касаться и притороченной к гиблой герани карточки, изначально надписанной рукою Дотти и перемазанной помадой, которая сгоряча, в обманном мерцании газа, была сочтена за кровь.

Он купил ей в дорогу газету, пронес по платформе вещи. Она бежала впереди, высоко задрав голову, будто ее дожидается какая-то важная шишка. Дошли до вагона, он забросил на полку багаж. „Вот, мы тут скинулись“, — и сунул ей в руку семь фунтовых бумажек. Он прилгнул: деньги были его.

Она сухо поблагодарила, не глядя, заткнула деньги в сумочку. Роза ей уже выдала двухнедельное жалованье.

— Кстати, девчонка эта, — сказала она. — Мать бросила ее в пустом доме. Вы уж за ней присмотрите. А то не оберетесь хлопот.

— Да-да, — сказал он. — Так я побежал. — И удрал на перрон, моля Господа, чтоб поскорей раздался свисток.

В последний момент, локомотив пыхнул уже паром, она опустила окно и сунула ему конверт, адресованный Сент-Айвзу. Глянула ошарашенным, неочнувшимся взглядом.

— Счастливого пути! — крикнул он и побежал

за тронувшимся поездом, чтоб она не могла заподозрить, что он спешит от нее отделаться. Она проплывала прочь, уставясь прямо перед собой.

По дороге в театр он вскрыл конверт. В листок, выдернутый из блокнота, была обернута музыкальная зажигалка.

Он прочитал письмо — не из любопытства, но чтобы уберечь от лишних переживаний Сент-Айвза. В теперешнем его самоедском состоянии ему только любовного письма от Дон Алленби не хватало.

Сент-Айвз винил себя в том, что произошло. Она в антракте явно звала его вместе ужинать, а он бормотал что-то в том духе, что хочет пораньше лечь спать. Точных слов он не помнит — ах, они были, конечно, безжалостны — зато помнит, как зажал пальцами нос, отгоняя запах ее одеколона. Воспоминание об этом жесте будет преследовать его до смертного часа. И как он мог так жестоко себя вести?

Дотти всю ночь не ложилась, увещевая Сент-Айвза. Тут нет никакой его ответственности. Если б он, например, принял приглашение Дон, она бы это сочла поощрением. Он просто-напросто бы отсрочил развязку. Да и вообще — она же только притворилась, что перебрала дозу. В чем

дело? Напилась, захотела привлечь внимание. Стелла говорит, она веселилась весь вечер до самой своей истерики, говорила исключительно о новорожденной племяннице. Сент-Айвза даже не упомянула.

Сент-Айвз говорил: какое счастье, что он все-таки не попросил Мередита ее уволить. Слава тебе Господи, не взял на душу греха. Но ведь он собирался, просто руки не дошли, значит, виновен в намерении. Дотти отвечала, что он напрасно терзается, тем более учитывая, что он методист, а у них хоть все грехи разложены по полочкам, но как — разобраться мудрено.

Сама она ужасно изнервничалась, прямо извелась за те десять минут в кабинете Розы Липман, когда помогала раздевать Дон и засупонивать в уличную одежду. Так Дон могла сойти за зрительницу. Лично Дотти казалось, что бедняжку надо бы оставить до „скорой помощи“ в будке, вместо того, чтоб Джордж волок ее через площадь под старым одеялом к пожарному лифту, но Роза ее убедила, что следовало избежать скандала любой ценой.

Письмо было краткое, без знаков препинания.

„Милый Свин у меня ни денег ни работы ни друзей вы с девчонкой можете радоваться Аве

Цезарь а это тебе пользуйся на память обо мне“

Бонни бросил зажигалку в фарфоровую вазу в горке реквизитной, письмо сжег. Потом помыл руки.

* * *

Рождество надвигалось, и соответственно изукрашивались витрины. Ангел у Джорджа Генри Ли осенял серебром своих крыл простертых на ватном снегу трех волхвов. Двадцатиметровая елка, дар жителей Стокгольма в благодарность за гостеприимство, оказанное во время войны шведским морякам, прибыла в Док и была торжественно встречена лордом-мэром. В четверг посреди утренника оркестр Армии спасения грянул на площади рождественский гимн, и Роза выслала пожертвование с просьбой отойти подальше.

Дома дядя Вернон шарил в ящиках с бельем под лестницей, обтряхивал пыльный серпантин, цветные бумажные цепи. Красные настольные лампы увешал мишурой. Лили ее содрала. Она вся обтрепалась, висела криво, была подпаленная, Лили сказала, что мишура — пожароопасная вещь.

— Праздник же, — не унимался он. — Как-ни-

как, Рождество.

Но она намекала, что не каждому нравится, чтоб ему про этот праздник напоминали.

— Некоторым, — сказала, — лучше бы вообще это все проспать.

По ее лицу он заключил, что среди таковых она числит себя. Решив обидеться, он тут же выскочил из дому и хотел, чтоб ей насолить, купить елку, но потом вспомнил, что ближе к делу можно будет достать подешевле.

Не одной Лили действовала на нервы праздничная колбасня. Елки, свечки, шныряющие из магазина в магазин покупатели, пакеты в блестящих обертках, дети, выстраивавшиеся в очередь к Санта-Клаусу. Вифлеемская звезда на крыше у Блэкера, под которой толпились зеваки и ахали, глядя, как обегают шесть лучей и взрываются в потухающем небе огни, окончательно портили настроение Стелле. Стоит ли жить, не говоря уж — праздновать Рождество, когда Мередит на нее не обращает внимания?

Он к ней переменился, она заметила, как только они начали репетировать в театре. Четыре утра подряд она проторчала на сцене, выставляя вперед блокнот, ожидая его указаний, и, не дождавшись, смотрела, как дымок его сигареты

вьется над опрокинугыми стульями, и сама будто улетала, таяла во тьме. „Меня отвергают, — думала она. — Я теперь — душа в чистилище“.

Он и не думал с ней заговаривать, когда она ему приносила кофе. Благодарил, конечно, вежливо, но улыбка была такая, что не подступиться. Когда она его обгоняла на лестнице, он смотрел на нее так, как будто не совсем ее узнает. Она понимала, конечно, что он перегружен. Рабочие сцены шумели, что их загоняют, как лошадей. Джордж сплошь да рядом являлся в плотницкую рубить пиратский корабль ни свет ни заря. Он-то, например, работу свою любил. Готов был до седьмого пота работать, раз сдельно платили. Только вот закавыка — Роза Липман жалась, говорила, что они превышают смету. Он бы лично принанял еще рабочих, по одному на каждый трос. А она уперлась: на какие шиши? Тогда он сказал, что снимает с себя ответственность. Чуть что, трос может лопнуть, как струна у скрипки, и вместо полета человек без подстраховки сверзнется вниз.

Грейс Берд передавала, что Роза недовольна Мередитом, зачем, мол, замахнулся на две такие постановки подряд. На ее взгляд, это была промашка. Не очень-то ее удовлетворяли и сборы за

„Цезаря и Клеопатру“. Оно, конечно, похвально — нести культуру в массы, но когда массы кажут мероприятию спину, отдуваться приходится акционерам. Эдак Мередит сглотнет весь годовой бюджет меньше чем за четверть сезона.

Когда Дотти и Бэбз неуважительно отзывались о Мередите, Стелла прикусывала язык. Зато Джеффри доставалось.

— Он такой ранимый! — орала она, когда Джеффри ей рассказал про то, как Мередит смылся якобы в оркестровую от безработного актера, которому назначил свидание. — Он не любит огорчать людей.

— Хорошо, — нашелся Джеффри. — Но тогда зачем же, во-первых, он с ним уславливался?

Они сидели в кафе-кондитерской, дожидаясь, пока можно будет забрать краску и скипидар, заказанные художником со склада Хаггерти на Сил-стрит. Договаривались еще на утро, но Хаггерти звонил в театр и сказал, что у него сломался фургон. Заказ до сих пор не разгружен.

Они разделили пончик и препирались, чья часть больше.

— Да ешь ты все, — вдруг сказала Стелла. — Мне так тяжело, что не до еды.

— А из-за чего? — спросил Джеффри, поспешно

уминая обе части, пока она не передумала.

— Из-за мистера Поттера. Я его чем-то расстроила. Ты, наверно, заметил. Он ко мне переменился. Так обидно.

— Не хочу оскорблять тебя в твоих лучших чувствах, — сказал Джеффри, — но, по-моему, ты ничем и никогда не можешь расстроить Мередита. — Видя, как у нее затряслись губы, он прибавил: — Ты не ставь его на пьедестал. Тип он сомнительный. Из виндзорского театра его, например, вытурили. Он тогда был актером… в одной труппе с этим сногсшибательным О'Харой.

— При таком твоем низком мнении, — отбрила его Стелла, — интересно, зачем же ты вечно ошиваешься около него?

— Ну, мы скорей собутыльники, — сказал Джеффри и покраснел.

— Быть бы мне постарше, — томилась она. — Знать бы к нему подход. Вот ведь точно знаю, какие сказать слова, а увижу — и ничего не могу из себя выдавить. Раньше я ни при ком не лишалась дара речи.

Ей хотелось плакать, и она печально наслаждалась своим настроением.

Вдруг Джеффри сказал:

— Я, наверно, не останусь в театре. Наверно, по совету отца в бизнес ударюсь.

— Балда, — сказала она. — Чего ты там не видел?

— Я запутался. Совершенно не понимаю этих людей. Говорят тебе важные вещи, ты уши развешиваешь, а через пять минут они уже не помнят, что говорили. Я ведь здесь только потому, что мой дядя председатель правления.

— А я здесь только из-за дяди Вернона, — сказала Стелла. — Они с братом Розы Липман ухаживали оба за одной девушкой, и мистер Липман победил. Ему, наверно, неудобно стало.

Стелла разглядывала Джеффри: вид неважнецкий. Несвежая рубашка, в углу рта назревает прыщик, другой вот-вот лопнет над галстучным узлом. Ему бы мать.

— Нет, уж я-то это дело не брошу, — сказала она. — Мне податься некуда, кроме Вулворта.

— Неужели тебя никогда не одолевали сомнения? — спросил он. — И ты никогда не задумывалась, не легче ли делать то, что от тебя требуется?

Она, кажется, не совсем его поняла. Не улавливала ход рассуждений. Дядя Вернон, конечно, кой-чего от нее требовал, но хотел от нее того же,

чего хотела она сама.

— В себе-то я никогда не сомневаюсь. — сказала она. — Только в других.

Они вернулись на склад и попятились, потому что мальчик с листом стекла под мышкой спускался но лестнице. Ботинки были ему велики и без шнурков. В самом низу он оступился, потерял ботинок, нагнулся и перекувырнулся на мостовую, на смертельные осколки. По другую сторону улицы прохожий приподнимал шляпу, приветствуя даму, отчетливо выговаривал: „Чудный день для такого времени года“, а мальчик упал. Лежал, совершенно неподвижный, изумленно вздернув брови, и только голые пальцы подрагивали и хлестала кровь.

Стелла и Джеффри вернулись в театр без всякой краски. За десять минут до их прихода все уже всё знали. Бэбз Осборн сказала — странно, вечно Стелла тут как тут, когда происходит трагедия. Притом она вовсе не хотела обидеть Стеллу.

Фредди Рейналд уговаривал ее выбросить то, что она видела, из головы. Пойми, картины у нас в мозгу мы в состоянии контролировать. Как в этой роли Чинь-Чинь, например, — подаются световые сигналы. Пусть Стелла вот что — заместит один образ другим. Уж он-то знает, что говорит:

прямо у него на глазах человек умер от разрыва сердца, разметывая навоз. Того мальчика на мостовой надо заменить белой голой комнатой, что ли, или вазой, скажем, наполненной лилиями.

— Лучше бы вы мне не говорили, — сказала она. — Я такая внушаемая. Вот теперь только и вижу комнату, наполненную конским дерьмом.

На Сент-Айвза случай произвел тяжелейшее впечатление.

— Боже, боже, — сказал он. — Ну отчего так страшна наша жизнь! — И с чувством высморкался. Под рукою не было чуткой Дотти, и, помаявшись, он отправился наверх, в гардеробную, где Пру ему приготовила чашечку чая.

Вечерняя репетиция задержалась, потому что Мередит был на деловом ланче в кабинете у Розы. Явившись, протопал по сцене, без единого слова прошел кулисами в зал.

На Стеллу пьеса производила странное впечатление. Учитывая, что предназначалась она для детей, даже удивительно, как много в ней противных персонажей, хоть бы эта Чинь-Чинь, — в общем-то, скорее злая волшебница. Бэбз Осборн роль Венди шла как корове седло: такой дылде. И хотя мистера Дарлинга и капитана Крюка всегда исполняет один актер, у Сент-Айвза между ними

не получалось никакой разницы. Прыгал по детской и резвился на палубе „Веселого Роджера“. Мередит два раза ему говорил: надо подбавить свирепости, да что толку. Он чересчур хотел нравиться и был поэтому абсолютно нестрашный.

Из Мэри Дир вышел прямо какой-то зловещий Питер. Ни мальчик, ни девочка, ни старая, ни молодая. Она выходила на сцену — и все остальные растворялись, как тени. Во время ее разговора с Венди в сцене „Дома под землей“ Стеллу просто трясло.

Зачем, во-первых, столько соплей? Бэбз плела пропащим мальчикам историю про то, как мамочки вечно ждут не дождутся своих деток.

„Смотрите (показывая вверх)*, там открыто окно“. И они полетели к своим любящим родителям, и перо не в силах описать счастливую сцену, над которой мы опустим занавес скромности.* (Ее триумф испорчен стоном Питера, и она бросается к нему.) *„Питер! Что! Где?“*

На что Мэри Дир отвечает глухим голосом:

„Нет, это не та боль“, — и потом кричит с жуткой убежденностью: *„Венди, ты ошибаешься насчет матерей. Я тоже так думал про окна и много-много дней оставался вдали, а потом полетел обратно, но окна были закрыты, потому*

что моя мама забыла меня и новый маленький мальчик лежал в моей постельке“.

Бонни заметил состояние Стеллы и потрепал ее по плечу:

— Постарайся выкинуть это из головы.

Думал, что она все еще переживает тот несчастный случай.

Конец репетиции она не досмотрела: Мэри Дир загоняла с поручениями. То ей понадобилась рыбка для хозяйкиной кошки — бедное существо просто изнывает от голода, — то перегорела лампочка в настольной лампе, а потом она вспомнила, что в Манчестере у нее у кого-то премьера и в вечерних газетах обязательно будут рецензии. Может, Стелла, миленькая, не откажет, сбегает за газеткой?

Стелла просматривала газету под фонарем у служебного входа. И на третьей полосе изумленно обнаружила собственную фотографию в костюме Птолемея, сопровожденную коротеньким отзывом насчет „трогательного и многообещающего юного дарования“. Фотографию она вырвала, а газету запихала в урну.

Она спрятала вырезку в горке в реквизитной — домой понесешь, прицепится дядя Вернон, а с него станется декламировать это вслух комми-

вояжерам. Хотела сунуть в фарфоровую вазу, но кто-то из рабочих сцены там схоронил свою зажигалку, так что пришлось заткнуть свой портрет между книжками на верхней полке. Мэри Дир она сказала, что газеты распроданы.

Мэри сидела в гримерке № 3, когда Стелла объявила второй звонок перед вечерним представлением „Цезаря и Клеопатры“. Кусочек рыбки для хозяйкиной кошки начинал слегка подванивать. Выяснилось, что Мэри отдала бы полжизни за чашечку чая с двумя кусочками сахара.

— Мне не велено ходить в реквизитную, когда я в костюме, — сказала Стелла. — Еще испачкаюсь.

Грейс Берд ей подмигнула.

Когда подняли занавес для четвертого акта, Мэри Дир все сидела в гримерке — вне себя из-за того, что у нее кончились спички. И у мужчин ни у кого их нет.

— Деточка, выручи, — молила она. — Найди мне спички.

Стелла, злая, спустилась по лестнице стрельнуть коробок у швейцара. На нижней площадке еле протиснулась мимо центуриона, привалясь к стене, добиравшего чипсы из упаковки.

— Хоть бы копье подобрал, — сказала она. — Невозможно пройти.

У швейцара тоже не оказалось спичек. Она бросилась в реквизитную, пошарила на каминной полке — и там ничего. Тут она вспомнила про ту зажигалку в фарфоровой вазе. И, взбегая по лестнице, крутанула колесико на всякий случай, вдруг вышел бензин.

* * *

Мередит одиноко пил в „Устричном баре“ и думал о Хилари, когда к нему устремился человечек в бачках, с вытянутым лицом.

— Извиняюсь за беспокойство, — сказал человечек. — Но вынужден обратиться. Брэдшо моя фамилия. Вернон Брэдшо.

Мередиту это ничего не говорило. Тем не менее он тряс руку незнакомцу, как старинному другу. Он рад был развеяться, потому что получил сегодня телеграмму от Хилари, извещающую, несмотря на „по гроб жизни“ и „так никого никогда“, что поездка из Лондона на премьеру „Питера Пэна“ в последнюю минуту сорвалась. Что-то такое возникло, с работой связанное, безумно важное что-то.

— Я вас опознал по фото возле театра, — сказал человечек. — должен признать, давно хотел познакомиться.

— Отлично! — вскричал Мередит. — Что будем пить?

— Благодарен за вашу любезность, кружечку пива не откажусь.

— Бросьте, — восстал Мередит и заказал виски.

— Мне постановка понравилась. Лили тоже осталась довольна.

— Я рад, я очень рад, — сказал Мередит. Его умственному взору предносилась картинка: Хилари барахтается в зыбучих песках, а сам он стоит и смотрит.

— Мы так думаем — у нашей Стеллы неплохо выходит. То, что надо, да?

— Господи Боже, — сказал Мередит. — Значит, вы дядя Вернон.

— Понимаете ли как, — сказал Вернон. — Она молодая еще, она впечатлительная. И я просто обязан поинтересоваться, с кем она водит знакомство.

— Бесспорно, — сказал Мередит.

— Должен признать, иной раз ее понять бывает непросто. Котелок у ней варит, это я не спорю, но она не простая… сама-то. Конечно, на это есть свои причины… причины всегда есть… но только как бы она ложного шага не сделала… по брыкливости своей.

Мередит задумчиво смотрел в рюмку.

— Может, вы о ней другого мнения? — с надеждой спросил Вернон.

— Нет, — сказал Мередит. — Не уверен.

— Последнее время что-то настроение у нее упало.

— Да? — сказал Мередит. Взгляд его выразил удивление.

— А почему я такой вывод делаю, в принципе, и не расскажешь… Шут, извините за выражение, разберет… так, мелочи… фотографии на камине разглядывает. Одну-другую перевернет, понимаете ли, к стенке. А то встанет посреди ночи и сидит в темноте, в холле у телефона. Там, конечно, не то что совсем темно. Снаружи фонарь светит. Она, правда, и раньше номера откалывала. Секреты вечные… С подружками ее школьными познакомиться и думать не моги. За спиной у ней приходилось справки наводить, как говорится. Но вы ведь не будете отрицать, тут я в своем праве, по-моему…

— Разумеется, — утешил его Мередит.

— Вот Лили и подумала, может, вы нас надоумите… почему у нее состояние такое печальное… может, она с вами поделилась… ведь столько времени с вами проводит.

— Боюсь, я не особенно смогу вам помочь, — сказал Мередит. — Был тут, правда, неприглядный эпизод с одной актрисой, но не думаю, что они так уж близко дружили. Конечно, она обнаружила ее в таком виде — это могло потрясти, но Стеллу, с другой стороны, не так уж легко потрясти, согласитесь?

— Обнаружила в каком виде? — спросил Вернон, но тут ворвался с улицы молодой человек. В заморском костюме, и губы накрашены.

Крикнул: „Бежим!“ — потянул Мередита за руку, сдернул со стула и поволок к двери.

* * *

Пришлось до конца спектакля дать занавес. Другого выхода не было. Десмонд Фэрчайлд наотрез отказался подменить Сент-Айвза. Сказал — все ставки сделаны на другую лошадку, он выглядел бы просто посмешищем. С какой стати.

Кассирша уже ушла, так что Розе оставалось только вскрыть сейф, открыть кассу и самой возвращать деньги зрителям.

Подобного ужаса не случалось за все ее годы в театре. Никакие ляпы, разбитые сердца, склоки и обмороки не могли погасить огней рампы. Даже тому актеру, который, в нетрезвом состоянии

выражая посреди „Борьбы“[21] свой протест даме, кашлявшей в третьем ряду, спрыгнул со сцены и выволок бедолагу в проход, не удалось прекратить спектакля — три чашечки черного кофе, извинение перед залом — и пожалуйста.

В общем, все было ясно: придется отменить „Цезаря и Клеопатру“ и театр закрыть, пока не найдется актер на Крюка. У Сент-Айвза двойной перелом ноги. Недель шесть проваляется в гипсе. На поиски замены осталось четыре дня. Это катастрофа.

Была жаркая перепалка. На кой ляд Цезарь поперся по лестнице через три минуты после начала четвертого акта? Когда уже позвали на выход! Сент-Айвз признавал, конечно, что да, совсем сдали нервы после этого взбрыка Дон Алленби и трагической гибели мальчика, вспоровшего артерию у склада Хаггерти. Но с какой стати швейцару позволяют слушать во время действия радио? Сент-Айвз божился, что своими ушами слышал несколько тактов „Вернись в Сорренто“, огибая лестницу. И кто, спрашивается, должен отвечать за студентов университета? Почему никто им не поставит на вид? Разбрасывают

---

[21] Примечания: 21
Пьеса Дж. Голсуорси (1909).

свои копья, тут каждый споткнется!

Бонни, не в силах выносить, как он выразился, некрасивые намеки и сваливание вины на других, выскочил из кабинета Розы. И бежал в реквизитную, где Джон Харбор и Бэбз шушукались с Фредди Рейналдом у камина. Дотти с Грейс поехали на „скорой помощи“ с Сент-Айвзом, Десмонд Фэрчайлд сидел в „Устричном баре“, выпивая по случаю нежданных каникул.

Харбор как раз говорил Фредди, что на его взгляд, может быть — может быть! — даже к лучшему, что театр закроют. Кто спорит, все это кошмарно, бедный Ричард, переломы и прочее, — но зато хоть подбавится репетиций Питера Пэна. В данный момент спектакль ну совершенно сырой. Бэбз отвечала: это, конечно, мысль, но ведущий актер, между прочим, прикован к больничной койке, так что хорошего мало.

Когда вошел Бонни, разговор сразу смолк, такое у него было лицо. Он прижимал к себе кулаки, как будто ранен в живот.

— И я отдал лучшие годы своей жизни! — выдохнул он и больше не мог произнести ни слова.

Он отвернулся, чтоб отдышаться. Они смотрели сконфуженно на дергающиеся плечи. Почти тотчас за ним явился посланный Розой Мередит.

— Не пойду, — голос у Бонни прыгал. — Я подам заявление, я ухожу.

— Прекрати, что ты порешь! — И Мередит схватил его за плечо, потащил волоком по коридору.

Через пять минут Джона Харбора отрядили в „Устричный бар“ сказать Десмонду Фэрчайлду, что его вызывают к Розе.

Десмонд не стал торопиться, а когда в конце концов вошел в кабинет и ему выложили предложение, затряс головой. Он ни малейшего желания не имеет вводиться на Крюка. Тем более — за четыре дня. Ему эта роль не была, во-первых, предложена, и он исключительно доволен ролью Боцмана.

Стоял, в своем верблюжьем пальто, стучал сигаретой по ногтю большого пальца.

— Дико извиняюсь, господин хороший, но я свои возможности знаю, — и косо ухмыльнулся.

Мередит безрезультатно терзал телефонный диск. Джордж Руд на гастролях; Майкл Ламонт, по сведениям подруги, на съемках в Пайнвуде; Беренсон ушел из профессии, теперь он учитель в школе и срываться не собирается, ни за какие коврижки, спасибо большое, и Мередит, возможно, не в курсе, что сейчас полпервого ночи?

Еще один актер, постоянно обращавшийся к

Мередиту, регулярно вкладывая в письмо — как пришлось напомнить его жене — конверт со своим адресом и маркой и ни разу не дождавшийся хотя бы уведомления, что письмо дошло, — к сожалению, умер. Бонни припомнил Сирила — как же его фамилия? — который перед войной изумительно сыграл в Ватфорде в возобновленном „Шеппи“[22]. Мередит напомнил ему, что этот, как бишь его, Сирил лишился обеих ног при перестрелке в Северной Африке.

И тут, машинально переставляя фотографии у себя на бюро, Роза вспомнила про О'Хару.

— Нет! — заорал Мередит.

Овладев голосом, он предположил, что едва ли человек с таким именем, как у О'Хары, захочет тащиться в провинцию.

— Здрасьте, — сказала Роза. — Если только не занят, прискочит, как миленький. По старой-то памяти. — Она удивлялась, где у нее раньше была голова.

Бонни стоял у окна, устало смотрел на залитую огнями улицу. Некто в плаще собирался улечься спать на пороге у Джорджа Генри Ли, кругами, кругами переступая по старым газетам, как пес

---

[22] Примечания: 22
Пьеса У.С.Моэма (1933).

на каминном коврике.

Бонни нашаривал мелочь в кармане.

9

Квартирная хозяйка крикнула снизу О'Харе, что его к телефону. Междугородка.

Услышав голос Поттера, он растерялся.

— А-а, как дела? — спросил он и тут же прикусил язык, с досадой призвав себя быть посуше.

— Должен извиниться, что беспокою в столь поздний час, — сказал Поттер. Последовала знакомая задержка дыхания: он затягивался сигаретой. — Роза сочла, что нельзя ждать до утра. Твой телефон мне дал Рейналд.

Он коротко изложил, перед какой они оказались трудностью.

— Не думаю, что ты захочешь приехать… даже если свободен.

О'Хара ему напомнил, что Юнг считал Ливерпуль центром Вселенной.

— Любопытно, — сказал Поттер. — Он, надо полагать, тут не жил. Срок — шесть недель, по два утренника в неделю, начиная со вторника.

— Я, очевидно, буду его заменять в обеих ролях? — сказал О'Хара.

— Разумеется. Это традиция.

— Не обязательно, — сказал О'Хара. — Лоутон[23] играл только Крюка.

Потом он позвонил Лиззи, спросить ее мнение.

— Рождество в глуши, — сказала она. — Это на любителя. Но ты же всегда туда рвался, и, кстати, ты можешь заломить астрономическую сумму.

— Нет, ты подумай только… Уж кто-кто, а Поттер…

— Вот я и думаю, — сказала она. — Но ведь когда это было…

— Никогда точно не измеришь, как на кого подействовал, — сказал он, хоть он-то как раз все прекрасно себе представлял. — Время тут ни при чем.

— А кто там еще будет? — спросила она. — Кроме Мэри Дир?

— Может, Дотти. Я не интересовался.

— И когда ты едешь?

— Вот только уложу чемодан. Я на мотоцикле, — сказал он, и была трудная пауза, когда она ждала, чтоб он пригласил ее на Новый год в Ливерпуль.

— Ну ладно, — сказала она, не дождавшись. — Смотри открыточку прислать не забудь.

---

[23] Примечания: 23
Чарльз Лоутон (1899–1926) — англо-американский актер.

Он, хмурясь, позвонил Моне Кэйдж, но подошел муж, и он бросил трубку.

* * *

Роза сняла О'Харе номер в отеле „Адельфи“ за счет театра. Красивый жест — знала, что жить он там не станет, всегда, даже совсем еще сосунком, цеплялся за прошлое.

Он переночевал в отеле всего одну ночь и съехал, снял свою прежнюю комнату на первом этаже того дома на Перси-стрит. И, бродя по знакомым улицам, сам себе в этом не признаваясь, старался догнать призрак, за далью лет ставший реальней, чем тот человек, в которого он теперь превратился.

Комната не изменилась нисколько. Все так же дымил камин, сырость все так же розовато цвела в простенке между немытыми окнами. Даже столик, который Кили, художник, приспособил вместо палитры, был тут как тут под раковиной. Он не рискнул проверить матрас, из опасения, что и тот окажется прежним.

Когда он вытащил стол и электричество оплеснуло желтые лужи кадмия и озеро алости, ему вспомнилась девушка, которая провела его вчера утром в гримерку. Она была в рабочей спецовке,

он включил свет, и ее волосы вспыхнули под тусклой лампочкой.

— А я знаю, это ваша старая гримерка. Мне Джордж говорил.

— А-а, Джордж. Соль земли.

— Чтоб вода из крана потекла, надо стукнуть по трубам, как раньше, — сказала она.

Палисадник стоял теперь без калитки, в ящик с углем окончательно завалилась косая крыша, но, присмотревшись, он разглядел на ржавой ограде облупившуюся краску, отметину от замка, которым он когда-то запирал мотоцикл.

Кили, конечно, давно съехал. Студент-биолог, заика, занимал теперь заднюю комнату. Одинокий и нищий, он уже наведывался, взял чашку овсяных хлопьев взаймы.

В те первые вечера О'Хара не ходил в „Устричный бар“. Грейс Берд, с которой он уже раньше работал и был в чудных отношениях, чуть не все ночи просиживала в больнице, вязала в приемной, пока Дотти выхаживала беднягу Дикки Сент-Айвза, а из Мэри Дир, хоть он ценил ее как актрису — наверно, она лучший Питер Пэн после Нины Бусико, — товарищ просто никакой. Он ухватился было за Бонни, но быстро сообразил, что помреж — поттеровский дружок, и счел за

благо пока суд да дело держаться подальше. Поттер, надо отдать ему должное, против ожидания, вел себя вполне приемлемо — прохладно, но корректно.

Он легко переносил одиночество. К обществу не стремился. Никуда не тянуло из этой комнаты с превращенным в палитру столом. Лежал по ночам на узкой койке и ждал, когда хлопнет на ветру калитка, пока не вспоминал, что калитки теперь уже нет.

Дотти однажды выскочила с веревкой, чтоб удушить этот стук. Дотти прикнопила над камином фотографию Чарльза Лоутона из киношного журнала. Встать, приглядеться вблизи, и обнаружится на штукатурке рана от той канувшей в вечность кнопки.

Одна девочка из парфюмерного отдела Льюиса чернилами нацарапала на оконном переплете свое имя. Чтоб ты меня не забыл. Забыл, забыл, еще раньше гораздо, чем, морося, как Доттины слезы, имя смыл конденсат.

Дотти так часто плакала. Поедешь куда-нибудь с Фредди Рейналдом, чуть-чуть засидишься в пабе — у нее поникают плечи и вскипают слезы в глазах. Однажды хватила молотком по фарам мотоцикла. Любила — вот почему. Любви не

прикажешь. Интересно, почему это женщины до такой степени идут на поводу у собственных чувств? Так им, наверно, удобней.

Она сказала, что одолжит ему денег на ремонт мотоцикла, а когда он согласился, бухнулась на колени посреди улицы, прямо в осколки стекла, и посмотрела на него так, будто вдруг до нее дошло, что разбиты не только фары.

Он простил ее, а через неделю, когда они с Кили вернулись из клуба художников, она сидела на ступеньках у входа и ангельски улыбалась. Он, как дурак, ей открыл, а она кинулась прямо к его коллекции джаза и с размаху саданула каблучком вечерней туфельки по любимейшей его Блоссом Диери.

На сей раз, оказывается, ей чутье подсказало — он ее не любит. Приплела ту, другую историю, в которую он сдуру ее посвятил, — о пропащей девушке с золотым голосом. Немудрено, что та от него сбежала невесть куда. Он чудовище. Вот уж сколько они времени вместе, а он хоть бы раз сказал ей слова.

„Какие слова?“ — ахнул он, а она: „Вот именно. Ты как с луны свалился“. Потом, поднатасканный Кили, он выдал ей слова по всей программе, но опять не угодил — обозвала вруном, еще громче

ревела.

Он думал, что любит ее, пока она не начала цепляться, лезла с анализом, так и сяк мусолила чувства, как собака косточку. Когда она унималась, он уж и сам не знал, на каком он свете.

Но до чего же зато безмятежно он валился в постель с натурщицей, которую привел ему из художественного училища Кили.

Волосы у нее под мышками были как травяные пучки. Мужчина не оскользается в пропасть, когда с ним такая.

Он утешал Дотти, что ей не вечно страдать. Вот в один прекрасный день она взглянет на него, и его лицо ей покажется обыкновенным, скучным, но тут она взрывалась, била его в грудь кулаками, рыдала, что никогда не будет такого дня.

Конечно, они были молодые оба, сами не понимали, что мелят. Кили уверял, что вся глупость девушек от того, что они не смыслят в спорте, не обучены правилам.

На первой же репетиции „Питера Пэна“, не успел Бонни представить его труппе, Дотти похозяйски взяла его под руку и увела за кулисы. Ее присутствие было, в общем, не обязательно. Она играла миссис Дарлинг, а они с Крюком ни разу не совпадают на сцене.

Он подумал: как изменилась, почти состарилась. Элегантный синий костюм, крошечная шляпка набекрень. Шепнула: „До чего странно, опять мы вместе… сколько лет, сколько зим“. И тут он подумал: совсем не изменилась. Стала ему пенять, почему не отвечал на рождественские открытки. „Каждый год! — с укоризной. — Ни одной не пропустила. Но ты вообще не очень-то насчет прошлого, да?“

Тем не менее она не упускала случая подхлестнуть его память, особенно в перекурах, за кофе, когда могли услышать та рыжая девчушка и Десмонд Фэрчайлд.

„А помнишь, как мы ходили на танцы в „Риальто“? После второго спектакля „Ричарда“… была еще драка, да? Пивные бутылки летали, как кегли?“ Или: „А тот кошмар, когда мы пришли на утренник, а на тебя икота напала!“ И — Кисик! Как он обожал чудного Кисика… У мамочки просто сердце разрывалось, когда пришлось его усыпить, но это был самый гуманный выход… „Я тебе все написала и письме, несколько лет назад, ты ведь получил“.

— Нет, — сказал он. — Боюсь, что не получил. Я тогда, наверно, уже переехал.

— А-а, ну да, — сказала она. — А то бы ты от-

ветил. Он не спорил. Нет ничего уютней уколов мертвой любви, если оба признают ее мертвость, а у Дотти к тому же явно были шуры-муры с Фэрчайлдом. У того наблюдалось под глазом некоторое пятно, и О'Хара невольно грешил на Дотти.

Он узнал, что девчушку зовут Стелла, и постарался ее разговорить. Она зорко глянула на него и сказала, что мистер Фэрчайлд очень хороший человек, правда-правда, и мисс Бланделл тоже. Мисс Бланделл к ней особенно хорошо отнеслась.

— Хорошо, когда люди хорошие, верно? — сказал он, но она отрезала:

— Я другие слова тоже знаю, но не всем угодно их выслушивать.

Кого-то она ему напоминала, или, может, он уже встречал ее раньше.

— Едва ли, — растолковал ему Фредди Рейналд. — Ты давненько не заглядывал в эти края, а она, по всей вероятности, в жизни не заезжала дальше Блэкпула.

* * *

Первая репетиция в костюмах заняла всю субботу. Бонни предусмотрительно проработал еще в четверг полеты и осветительную часть,

и задержки были теперь только из-за строительных накладок: палуба „Веселого Роджера“ грозно раскачивалась во время битвы пиратов с пропащими мальчиками, тиканье крокодила оказалось не слышно уже из четвертого ряда. Когда Крюк наедине сам с собой бормотал: „Как тиха ночь, ничто не шелохнется… тысяча чертей, пришел мой час“, — мачта зловеще скрипнула и чуть не повалилась на задник.

Тем не менее актеры, успевавшие улизнуть между выходами в зал, возвращались в восторге. Джон Харбор провозгласил, что спектакль — абсолютное чудо. Пропущенные реплики, смазанные жесты, дурацкие курбеты девиц Тигровой Лилии — все чепуха совершеннейшая на фоне леденящей властности Крюка и этой бесподобно важной походки Питера, неземного и все же реального в исполнении Мэри Дир. О'Хара, сказал Харбор, — это именно та жуткая тень на стене, которую каждый ребенок видит сквозь слипающиеся веки, когда няня уже закрыла дверь детской. Не многим из присутствующих довелось ознакомиться лично с означенными удобствами, но все одобрили его мысль.

В пятом акте отец Дули, потягивавший ирландское виски из закамуфлированной армейской

фляги, реагировал драматически на разговор между Крюком и Венди.

(Венди выталкивают из трюма, и она с первого взгляда видит, что палубу давным-давно не скребли.)

К р ю к. Ну, моя красавица, сейчас ты полюбуешься, как твоих детей сбросят в море.

В е н д и *(с благородным спокойствием)*. Они обречены?

К р ю к. Обречены! Тихо вы все, мать произнесет последнее напутствие своим детям.

В е н д и. Вот мое последнее напутствие. Дорогие мальчики, я знаю, что сказали бы вам ваши настоящие матери, они сказали бы так: „Мы верим, что наши сыновья погибнут, как англичане“.

Вот тут-то отец Дули шатко восстал на ноги и заклеймил скрытую в этих словах идейную подоплеку. Со сцены никто ничего не разобрал. Грейс, накидывавшая петли в партере, решила, что он обращает их внимание на войну, на число убитых и раненых. Мередит пытался объяснить, что пьеса написана задолго до Первой, а тем более Второй мировой бойни. И в 1915 году мистер Барри сам писал Джорджу, своему приемному сыну, кстати, прототипу одного из пропащих мальчишек, как ему теперь чужды ратные подвиги. „Война мне

решительно омерзела“. И — в довершение всего — через несколько дней Джордж был убит пулей в голову, когда его батальон шел на Сент-Элуа.

Отец Дули возражал, что это не имеет отношения к делу, и продолжал свои манифестации. Доктор Парвин уволок его домой. Мередит, в войну наблюдавший кровопролитие исключительно из тылового обоза, объявил перерыв, спрыгнул в оркестр и сел к роялю увечить Баха.

* * *

После исполнения гимна, перед поднятием занавеса Роза толкнула речь о смешанных чувствах в связи с несчастным случаем, выпавшим на долю Ричарда Сент-Айвза. Смешанных, пояснила она, потому что театр тем самым имел возможность пригласить П.Л.О'Хару. Она привлекла внимание зала к раненному герою, который, оперев ногу на подушками устланные козлы, загромождающие центральный проход, сидел, окутанный красным пледом, в третьем ряду. Его приветствовали овациями, и внучка Рашфорта, плотная девочка в кудерьках, подбежала и поднесла ему букет. Это она потом взвизгнула так отчаянно, когда Крюк впервые явился на сцене, когтя дымный воздух над заледенелой рекой.

После последнего вызова Бонни вошел в реквизитную и пригласил Стеллу посидеть со всеми в „Коммерческом отеле“. Лицензионное время кончилось, и „Устричный бар“ закрылся.

— Пойдем, развлечешься, — сказал он и прибавил галантно: — Ты отлично справилась с факелом.

— Большое вам спасибо, — сказала она. Ей страшно хотелось пойти, но идея претила.

— И вы тоже, Джордж, — сказал Бонни.

Джордж уклонился. Если он опять припоздница, его благоверная намылит ему шею по первое число.

Стелла кинулась наверх — причепуриться в гримерке статистов. Хотела снять спецовку — поднизом была блузка Лили, — но, когда расстегнулась, глянула в зеркало, оказалось, что у нее странно торчит грудь. Хотела, чтоб поправить дело, снять бюстгальтер, но передумала — вдруг Дотти заметит и отпустит нескромное замечание личного характера насчет ее созревания.

Она просто себе не представляла, как она сунется в этот „Коммерческий отель“, если никто ее туда не введет. Бэбз и Грейс, конечно, возьмут такси. Но если сойти вниз чересчур быстро, получится, что она рассчитывает прокатиться

нашармачка, вот закавыка, а если задержаться — они уедут, и тогда вообще непонятно, как ей набраться храбрости и не сбежать.

Она пошла искать Джеффри. Швейцар сказал, что он уже ушел. Выбравшись наконец на улицу, она увидела метрах в ста спины Джона Харбора с Мередитом. Села на корточки и завязывала несуществующие шнурки, пока оба не перешли Клэйтон-сквер и не завернули за угол, к Болд-стрит.

Нет, не могу, решила она. Кому нужны эти посиделки? И повернула к дому, обходным путем, чтоб на кого-нибудь не напороться. Она сама на себя злилась, что такая ерунда ее выбивает из колеи. Будь она отпрыском пьянчужек со Скотланд-роуд или уродись, скажем, с заячьей губой, как дочка Ма Тангов, — тогда бы еще понятно. Ну неужели нельзя перебороть свою природу хотя бы на десять секунд, пока открываешь дверь и переступаешь порог этого несчастного отеля?

Она двинулась к телефону-автомату возле „Починки старых кукол“, но тут услышала рокот притормаживающего на обочине рядом с ней мотоцикла. Оглянулась и узнала О'Хару. Он был в шлеме, который облюбовал в день приезда, в защитных очках и, когда их снял, стал похож на

сову: на темном от сажи лице глаза моргают в белых обводьях.

— Прыгай! — И он похлопал по заднему сиденью.

Стелла вцепилась в хрусткую кожу его пальто, и они загрохотали вверх, в гору, взревели вдоль Хоуп-стрит, полетели мимо миссии, института, мимо обрушенного силуэта методистской церкви. Босоногого мальчишку, впряженного в деревянную телегу и втягивающего ее в проулок, сиганувшего к стене кота — обоих сразу схватили фары и отдали тьме, и мотоцикл мчался дальше, дальше, прошуршал по треугольному блеску воды между волнорезами трамвайных путей и с разлета пристал у „Коммерческого отеля“.

Хозяйка Мередита предоставила в их распоряжение заднюю гостиную. Огонь в камине, бутерброды на чайном столике. Один пират налил Стелле полстакана джина. Она залпом выпила и закашлялась.

Провозглашались тосты за Мэри Дир и О'Хару. Спектакль изумительный, идеальный, идеальный. Прелесть немыслимая. Семь раз давали занавес, и вызывали бы еще, если бы Роза, обеспокоенная грозившими рабочим сцены сверхурочными, не сигнализировала Фредди Рейналду, что

пора вытуривать публику.

А этот детский вопль во втором акте, и потом это шиканье… а взрыв рыданий, когда Чинь-Чинь выпила яд и Питер объявил, что она умрет… а этот вздох, который прошелестел, да, именно прошелестел по залу, когда Питер, один на скале в лагуне под луной, всходящей над Никоганией, слышит печальный русалочий крик…

О'Хара от имени труппы сказал несколько слов в честь Мередита. Проделана замечательная работа, в чрезвычайно трудных условиях. Превосходно решена проблема освещения.

Мередит, сидевший по-турецки на полу в своей спортивной куртке, в ответ поднял стакан.

— Очень мило, — вякнул он. — Такие хвалы, из таких уст.

Стелла спросила Джона Харбора, не видал ли он Джеффри.

— Ушел, — сказал Харбор. — Скорей всего дуется. — И стал ее просвещать, почему он считает, что сегодняшняя игра О'Хары сопоставима с великими шекспировскими ролями таких корифеев, как Ралфи и Ларри[24].

---

[24] Примечания: 24

Ралфи — по-видимому, Ралф Ричардсон, а Ларри — по-видимому, Лоуренс Оливье, в 30-е годы оба уже прославились шекспировскими ролями.

— Он абсолютно подчинил себе зал! — восклицал он. — Как они его ненавидели. Эти его выпады, позы, эта сатанинская усмешка… и учтивость, от которой мороз по коже… — Но он, кажется, вдруг сообразил, с кем говорит, оборвал себя на полуслове и бросил ее ради Мэри Дир. Сидя у ее ног, жадно заглядывая в детское, увядшее личико, он все начал по новой: „Вы абсолютно подчинили себе зал. Как они вас любили…“ О'Хару заарканила Бэбз Осборн. Читала ему отрывки из письма какого-то типа с иностранной фамилией.

— Вот, слушайте, — приставала. — „Я не могу вести себя с тобой как со случайной подружкой. Будь мои чувства менее глубоки, я бы себя не заставил с тобой расстаться“. Ну, видите, как он страдает? Ясно, правда же, что он до сих пор меня любит, да?

— Да, — говорил О'Хара. — Куда уж ясней.

Он смотрел на Стеллу. Она стояла у камина, прислонясь к креслу, на котором теперь уже хозяином праздника сидел Мередит. При рыжих волосах у нее были черные брови и пряменький носик.

— И почему он не может вести себя со мной как со случайной подружкой? И то лучше бы, чем ничего, правда? — стенала Бэбз.

Стелла совсем расхрабрилась. „Я сожгла корабли“, — подумала она и, усевшись на ручку Мередитова кресла, слушала, как один пират ему рассказывал, что, будучи в городе, показывался тому же дантисту, что и наш милый Джонни. А еще они как-то с ним выпивали в Шафтсбери — с Джонни, не с дантистом — и до чего же, честно, чудесный мальчик. Там, конечно, была еще куча народу. Не то чтоб они вдвоем.

— Разумеется, — сказал Мередит и зевнул.

Кто-то поставил фокстрот, и Десмонд Фэрчайлд закачался с Дотти в углу гостиной. Она купила ему новый котелок с крошечными синими перышками, заткнутыми за околыш. Он льнул к ней, как к матери, сонно покоя голову у нее на плече и теребя поля своей шляпы. Дотти поглядывала через всю комнату туда, где, приобняв Бэбз Осборн, стоял О'Хара.

Бонни поднес Мередиту тарелочку с бутербродами. Тот отмахнулся. Стелла сказала, что тоже не голодна.

— Я не могу есть, когда я с вами, — сказала она Мередиту. — Меня просто вырвет. Это комплимент, правда-правда.

— Приходилось выслушивать и более лестные, — сказал он. Но, кажется, был доволен.

— Ничего не хочу. Ни сырного печенья, ни тарталеток. Только хочу слушать.

— Мне, по-моему, особенно и сказать-то нечего, — сказал он и прикрыл глаза, вверх-вниз мотая ногой в такт патефону. Она смотрела, как красные, как синие огни „Золотого дракона“, прошив улицу, вспыхивают на стене.

— Я знала, что так будет, — сказала она. — Вот знала, и все.

Она даже не ему это сказала, она думала, он уснул. Он сказал:

— Это не моя комната. Моя — сзади, оттуда виден угол церкви.

— Мой дедушка там играл на органе, — сказала Стелла. — Когда пела Клара Батт[25].

Она подняла глаза и встретила взгляд О'Хары из-за ходуном ходившего плеча Бэбз Осборн.

— Опять мисс Осборн плачет, — сказала она и спросила обиженно: — Почему вы перестали со мной разговаривать? Почему больше не поручаете мне делать записи?

— Ну что ты, — сказал Мередит и открыл глаза. — Это не я, это Роза. Переполошилась из-за твоего креста, заткнутого в носок. Решила, что я

---

[25] Примечания: 25
Клара Батт (1872–1936) — английская певица, контральто.

на тебя оказываю нежелательное влияние, так как ты из методистской семьи.

Насколько было прекрасней его левое веко, дрожавшее над зеленым глазом, всего, что ей приходилось видеть, и в жизни, кажется, ничего не встречалось ей ярче этих алых, обрызгавших галстучный узел точечек. На стене за его спиной висела картина: олень преклонял рога на скалистом мысу, под пухлявыми облаками. Вдруг олень стал зыбиться и вот поплыл наискось из рамы.

— Видишь ли, — доносился до нее голос Мередита, — ты прости, если я тебя огорчил, но только я не для тебя.

— То есть это потому, что вы слишком религиозный, да? — спросила она.

— Приблизительно в таком духе, — сказал он, и она боком повалилась к нему на колени, закрыла глаза, прогоняя вздыбленную комнату, и в щеку ей спокойно, гладко и кругло ткнулся монокль у него на груди.

Она проснулась в чужой комнате, увидела туалетный столик, зеркало, и на него намотано в точности такое, как у Джеффри, кашне. На столике у постели — жестяная пепельница и фотография в рамке: два молодых человека стоят в обнимку на пляжном песке. Один из них Мередит.

Она вскочила в ужасе, что так поздно не дома.

Мередит еще был в гостиной, и Бонни. Сидели подле гаснущего камина. Бонни сказал, что проводит ее домой.

— Не надо меня провожать, — сказала она. — Мне тут рядом, сама прекрасно дойду.

Она уже шла к двери. С Мередитом не попрощалась. Была на него обижена, хоть сама не помнила за что.

Никогда еще она не ходила одна так поздно. Трамваев не было, и светили пустым улицам фонари. Она была готова к тому, что входную дверь заперли на засов.

На почтительном расстоянии за нею следовал Бонни. Он звонил дяде Вернону перед полуночью и объяснил, что Роза Липман настояла, чтобы Стелла осталась на устроенное правлением небольшое торжество.

10

За три дня до Рождества Вернон драил ступеньки у входной двери и увидел, как в конце улицы через дорогу переходит Мередит. Сунулся было в дом — был в рабочей одежде, даже рубашка без запонок, — но Мередит уже, окликнув, направлялся к нему. Пожали друг другу руки.

— Что такое, любезнейший? — сказал Мередит. — Ничего, надеюсь, не случилось?

— Да так. Радио просто, — сказал Вернон. Вынул из кармана суконку и промокнул глаза. Оба вслушались в чувствительные басовые такты поднимавшейся из подвала баллады.

— А все эти низкие ноты. Всегда меня из колеи вышибают. Я еще в армии заметил, когда музыка в обязаловку была.

Мередит сочувственно кивал. Оба задумчиво смотрели вдоль серой широкой улицы, мимо потемневших фасадов, туда, где незавершенный трансепт собора розовато пятнал высокое белое небо.

— „Над темной тихой тишиной“, — вихляющим голосом подтянул Вернон и закашлялся.

— Да, кстати, — сказал Мередит. — Ваша Стелла, случайно, не страдает бронхитом?

— Не то чтобы, — сказал Вернон. — То есть, я что хочу сказать, застойные явления наблюдаются, в общем-то, в норме, но дело обостряется из-за ее характера, понимаете меня?

— Я потому спросил, что вчера она еле удержала факел. Как раз перед тем, как выходит Питер и гаснут эти ночники. Вы ведь видели пьесу?

— Какие ночники? — спросил Вернон.

— В детской. Слава богу, кашель особой роли не играл, это сцена с Чинь-Чинь… свет как раз и должен мерцать… но несколько отвлекал звук. Бонни положил в суфлерку пилюли. Я просто подумал — вдруг что-то серьезное.

— В легких у нее ничего серьезного нет, если вы про это, — сказал Вернон. — Мы водили ее на рентген — там у ней полный порядок.

— Ну и хорошо, — сказал Мередит.

— Я вам хочу возместить ваш расход на лекарство, — твердо сказал Вернон сухим, неприязненным тоном. Кажется, не только низкие ноты радио его раздражали.

И пришлось-таки Мередиту принять в ладонь неотвратимый трехпенсовик. От потрясения он заговорил про футбольный матч, который

затевался первого января между их труппой и актерами, исполняющими на рождественских утренниках „Остров сокровищ“ в „Эмпайре“.

— Нет, это не про меня, — сказал Вернон. — Куда уж мячи гонять. Отгонялся.

Мередит объяснил, что речь идет о болельщиках, не игроках. Автобус отходит с площади Уильямсона в десять утра.

— Приходите, — улещивал он. — Мы будем так рады, если вы поедете с нами.

— Я подумаю, — сказал Вернон, тяжело протопал к дверной ручке и стал истово тереть медную голову льва.

Он обождал, пока Мередит скроется за углом, и потом только опять спустился, чтоб надеть выходной пиджак. Хотя все, кроме одного постояльца, разъехались на Рождество, ему неловко было черт-те в чем расхаживать по холлу. Потом он снова взбежал наверх — позвонить Харкорту.

— Возможно, мне не надо было настаивать на этих трех пенсах? — спросил он.

— Смотря какой у него был тон, — сказал Харкорт. — Он раздражался или искренне беспокоился?

— Вы ее не видели, верно? — разоблачал Вернон. — Так и не собрались…

— Нам же вернули деньги, — оборонялся Харкорт. — Я не виноват, по-моему, если отменили спектакль.

— Правление ею довольно, — сказал Вернон. — Ее особо отметили.

— Ну, вот видите. Значит, нечего беспокоиться.

— Так-то оно так, — сказал Вернон. — Да жизнь, подлюга, все норовит повторяться. — Он вжался плечом в стену и неотрывно смотрел на веерный верх окна. Через реку прокатился пушечный гул — ровно час дня.

Стекло занялось от красной неоновой вспышки над дверью. Он вспомнил слепящие, едкие огни, взрывавшие кромешную ночь, выдергивавшие из нее вагонетки, горбатые танки, спросонья вскинутые заслоняющиеся руки. Он сказал:

— Я вам, наверно, упоминал, я служил в Северной Африке…

— Раза два, — подтвердил Харкорт.

— Вот как-то вечером, значит, фриц вывесил осветительные ракеты. Наше местопребывание они хотели обнаружить.

— Да, помню, вы рассказывали, — сказал Харкорт.

— Со Стеллой нашей — совсем другой коленкор.

Уж очень кой-кому захотелось ее потерять.

— Я не вполне улавливаю ход вашей мысли.

Вернон молчал чуть не полминуты.

— Да, — выдавил он наконец. — Трудно это.

Тут как раз Лили снизу закричала, что кухонная плита опять чадит.

— Я на соседей грешу, — сказал Верном Харкорту. — Едят незнамо что. И может на дымоход влиять.

— А хотите, я с вами пойду? — спросил Харкорт. — На этот матч?

Вернон так и сел. Никогда еще его поставщик не предлагал ему вместе пойти в общество. Годами они отмечали разные праздники в одном ресторане, и всегда Харкорт очень даже держался своей компании. Конечно, когда они встречались глазами сквозь цветочный парад, он поднимал стакан, приветствуя Вернона, все честь-честью, и охотно беседовал с ним, если оказывался рядом в очереди к туалет или на панели у входа, но на людях дистанцию соблюдал, — нет, например, чтоб познакомить его с миссис Харкорт. Хоть она, между прочим, была так себе, ничего особенного.

— Премного благодарен за предложение, — сказал Вернон. — Только я не пойду. Шурин на праздники приезжает.

Он просто ликовал, передавая эту часть беседы Лили.

— Нет, нахальство какое! — радостно клокотал он. — Примазываться к театральному приглашению. Вот, полюбуйся, какие твои интеллигентные люди бывают настырные, когда можно чем-то попользоваться.

Стелле он про это приглашение на футбол не стал говорить. Ее тоже пригласили, на ужин с танцами в ресторане Раиса, в сочельник. Первоначально у Сент-Айвза возникла идея пойти туда двумя парами: они с Дотти и Бэбз со своим недосягаемым иностранцем. Оказавшись недееспособным и собираясь на праздники к матери в Уэстон-сьюпер-мэр, Сент-Айвз продал билеты Десмонду Фэрчайлду. А потом компания разрослась, купили еще билеты. Скинулись и заплатили за нее и за Джеффри. Такой рождественский подарок.

— Какие хорошие люди, правда? — сказала Лили. — Ты хоть их поблагодарила?

— Мы на них целыми днями ишачим, — отрезала Стелла. — Мне нечего прыгать до потолка от восторга.

— Джеффри, значит, твой кавалер? — спросила Лили. И просияла улыбкой заемной радости от

предстоящего праздника.

— Нет, — огрызнулась Стелла. Ей хотелось, чтоб Лили замолчала. Все заранее портили эти мечты и надежды.

— Ну а тогда кто ж? — сказала Лили. — Должен ведь быть кавалер.

— Совсем не обязательно. Мы не будем парами. Грейс Берд вообще в разводе, а Бэбз Осборн бросил ее Станислав. Она все не верит. Названивает ему, посылает подарки.

Лили сказала, что дура эта Бэбз. Мужики не любят, когда за ними гоняются. Пусть купит новое платье и закрутит с другим. Этот ее Станислав прибежит как миленький.

— Почему это? — спросила Стелла. — Если она ему не нужна?

— Не нужна! — взвизгнула Лили. — Он чересчур уверен, вот и не нужна. Как подумает, что она хвостом вертит, сразу запоет по-другому. Все они одинаковые. Так ей от меня и скажи.

Стелла старалась себе представить, как Лили, помоложе, дает повод для ревности дяде Вернону. Ничего не получалось. Лили сидела напротив, и перекислые, крутые, стылые волны не красили обесцвеченного лица.

— А у твоего мистера Поттера девушка есть? —

не отставала Лили. — Обязательно есть. Такой интересный молодой человек.

— Ты замолчишь или нет! — заорала Стелла. — Не каждый в подпорке нуждается! Не каждый хочет… — И осеклась, потому что веки у Лили дрогнули, удерживая обиженные слезы.

Стелла вскочила и с показушным грохотом стала ставить на поднос посуду от ужина.

Одна в своей комнате, ввинчиваясь в ледяную ночнушку, она устыдилась. Зря она так, разве не в счет те годы, когда она была еще несмышленышем и Лили колыхала ее. Все ведь хотят за любовь скидки, требуют возмещения в виде благодарности или уважения, всё равно как надеются разбогатеть на пустых лимонадных бутылках. Надо бы приласкаться к Лили.

Вместо этого она легла в постель. Подумала: у меня вся жизнь впереди. Не хватало, чтоб всякие сантименты мне подрезали крылья.

* * *

Стелла планировала на этом сочельнике сесть с Мередитом, но вклинился Джеффри. Она сама виновата. Не хотела, чтоб сзади видели ее платье — отпоролся подол, и она была без чулок, — и приотстала, когда входили в кафе. Метрдотель

подхалимски засуетился, попросил разрешения их сфотографировать в рекламных целях. Дотти Бланделл, сгибавшаяся под тяжестью сползавшего с плеч леопардового манто, тут же распрямилась, выгнула шею и улыбнулась своей фирменной улыбкой. Джон Харбор, будто глядясь в зеркало, склонился ласково к Бэбз Осборн и вперился в камеру обожающим взглядом. Стелла кашляла, когда зажглась вспышка.

В синем, сизом дыму под тряским пологом омелы и остролиста носились фокстротные пары и оглушительно наяривал потеющий под бумажными шапочками оркестр. Официанты сбивались с ног, снуя с блюдами под серебро на кухню и обратно. Было набито битком, не хватало стульев, но Джеффри протырился-таки между Стеллой и Мередитом. Сел на корточки — курносый нос на уровне стола.

— Я больше так не могу, — заорал он, перекрикивая шум. — Нам надо поговорить.

— Безусловно, — сказал Мередит. — Совершенно, абсолютно согласен.

Пригладил в глазнице монокль и принялся изучать меню.

— Он собирается уйти в бизнес, — сказала Стелла. — В угоду отцу.

Мередит не отвечал. Джеффри сидел у его ног, как верный пес. Из кладовой вынесли еще стул, и Стелле пришлось отодвинуться. Ей хотелось удушить Джеффри, который суется, куда не просят.

Бонни явился исключительно из-под палки.

— Я не извлекаю удовольствия из подобных мероприятий, — урезонивал он Мередита. — Я не танцую, ты тоже. Будем как смерть на свадьбе.

— Оставь, пожалуйста, — говорил Мередит. — Поверь, скорей всего будет забавно.

Уже в одиннадцать, через пятнадцать минут после того, как их препроводили за стол, Бонни стал грозиться, что уходит. Он не выносит индейку и ничего другого, кроме шоколадного пудинга, не предвидит в дальнейшем. Мередит попросил его не занудствовать и заказал ему на первое двойную порцию пирога.

— Больной человек, — пояснил он официанту. — Не всю шрапнель удалось извлечь.

Бонни оценил шутку. В чистой рубашке, клетчатом галстуке и мятом блейзере с недостающими пуговицами, он трясся от смеха, осыпая с себя пепел на скатерть.

Стелла выбрала рыбу и пожалела. Только и делала, что вытаскивала кости изо рта и каждый раз за этим занятием натыкалась на взгляд

О'Хары. Если бы таким образом можно было привлечь внимание Мередита, она с удовольствием подавилась бы костью, но оставался риск, что он решит, будто она просто закашлялась, и можно было погибнуть за здорово живешь. В конце концов она перестала есть и спрятала эту рыбу под брюссельской капустой. Джеффри, боком сидя на стуле над нетронутой тарелкой, орал Мередиту в ухо.

Стелла откинулась, выпрастывая волосы из-под воротника. И услышала голос Мередита:

— Милый мальчик. Ты чересчур чувствителен.

О'Хара смотрел на Стеллу, смущенный той волной нежности, которую в нем поднимали эти рыжие, струящиеся, как знамя, волосы на фоне темной стены. Он лениво участвовал в обсуждении Мэри Дир, которая сейчас летела в такси к Манчестеру — проводить Рождество в отеле „Мидленд“ в компании неназванной, близкой души, выступавшей в „Серебряной шкатулке“[26]. У Мэри под мышкой ссадины, оттого что она надевает свою летательную сбрую чуть не на голое тело. Гардеробная ей сделала ватную жилетку, но она от нее отказалась. Грейс своими глазами

---

[26] Примечания: 26
Пьеса Дж. Голсуорси.

видела волдыри.

— У меня сердце кровью обливается, — объявил Харбор. — Феноменально! Она терпит адские муки каждый раз во время полета.

— Она следит за каждым своим граммом, — сказала Грейс Берд. — И с жилеткой рассталась потому, что она якобы ее кошмарно толстит. Такой уж заскок.

— Да! Да! — вскрикнула Бэбз Осборн. — Станислав говорит, он в лагере встречал людей, которые радовались, когда начинали худеть. Станислав знал одну женщину…

— Ей-богу, эта начинка чуть-чуть того, — сказала Грейс, поддела кусочек вилкой и сунула через стол Джону Харбору, чтобы понюхал.

Стеллу, последние полчаса решавшуюся с тоски пойти в женскую уборную и не вернуться, вдруг поразила разобщенность сидящих за столом. Она ждала, обмирая от ужаса, что вот еда кончится, и все пойдут танцевать, и оставят ее одну. А теперь она увидела, что все они тут одиноки, даже те одиноки, которые так оживленно болтают между собой. Что бы ни говорила Лили, парочкой — вовсе еще не означает, что вместе. Дотти, внимательно слушая Десмонда Фэрчайлда, приобняв его за плечо, смотрела на О'Хару. Сотрясаясь от

хохота над каким-то словцом Грейс Берд, Бонни следил за Джеффри. Джон Харбор, что-то важное доверяя Бэбз Осборн, не сводил глаз с Мередита. Бэбз ничего не замечала, не слушала, смотрела в одну точку, думала про своего Станислава. Только Джеффри, дергая себя за волосы, сопя, стуча кулаком но скатерти, весь, безусловно, сосредоточился на том, кто сидел рядом с ним. Чего-то он добивался от Мередита. В общем, все было ясно. Стелла услышала „злоупотреблять своим положением“ и потом услышала совершенно отчетливо, как Джеффри сказал: „Ты губишь мою жизнь“.

Ее потрясла эта наглость. Сам еще ей говорил, что собирается уходить из театра! Она ткнула его пальцем под ребра и прошипела:

— Это хамство. Силком вымогать из него роли!

— Отвяжись! — Он к ней повернулся как бешеный. — Сама не знаешь, что мелешь!

И тут как раз О'Хара встал и пригласил Стеллу танцевать.

— Я не умею, — соврала она и, довольная, выбралась из-за стола и деревянно шагнула к нему.

О'Хара не был высокого роста. Она не знала, какого у него цвета глаза, потому что в них не заглядывала. Коренастый, широкоплечий. И густые черные брови. Она пока не особенно обращала на

него внимание и не могла сказать, он красивый или нет. На воротнике рубашки осталась желтая полоска от грима. Рука, крепко ведущая ее через зал, была холодная.

Наконец-то Мередит на нее посмотрел. Я закрутила с другим, думала она, задрав подбородок и летя через зал.

Когда они вернулись за стол, к рождественскому пудингу, Джон Харбор уже занял ее место, и ей пришлось сесть рядом с О'Харой. Подошла какая-то дамочка, сунула ему воздушный шарик под автограф, он вынул самописку, стал выводить скрипучую роспись. Шарик лопнул на последней букве. Дамочка сказала, что это не важно. И они оба на корточках стали шарить руками по полу из-за этого сморщенного клочка с его именем. Больше О'Хара не приглашал Стеллу танцевать. Слишком сосредоточился, уговаривая Бэбз Осборн, чтоб не звонила своему Станиславу.

Через полчаса Мередит объявил, что хорошенького понемножку. Лично ему и Бонни пора ко всенощной. Стелла надеялась, что он ее тоже позовет, но он даже не попрощался как следует, не то чтоб поздравить с праздником. Вот только-только сидел, был здесь, а через секунду пробирался между танцующими, оставя Джеф-

фри спать щекою на булочке, блестя мишурой в волосах.

— Хочешь, я тебя подброшу на мотоцикле? — спросил О'Хара, и Стелла сразу согласилась, чуть не бегом бросилась из ресторана, даже не помахала на прощанье остающимся, очумело кружащим в вальсе.

Десмонд Фэрчайлд, переступая через прожекторные огни, задрав брюки над волосатыми голенями, кричал ей что-то. Она притворилась, что не видит. Главное надо было догнать Мередита.

О'Хара долго возился с мотоциклом.

— Тебе куда? — спросил, когда наконец встрепенулся стартер, и она ему показала не в ту сторону, чтобы им догнать плетущуюся ко всенощной троицу.

Она выкрикивала команды, противоречившие одна другой.

„Скорей, скорей“, — приказывала, когда они потащились вверх по Браунлоу-хилл, где не оказалось Мередита. „Потише“, — кричала, когда они загрохали по Родни-стрит. Ей плевать было, что подумает О'Хара. На всё было плевать. Лишь бы Мередит увидел, как она сидит на этой роскошной белой машине. Вот тут он поймет, что может

ее потерять, и они с О'Харой скрестят злые, разящие взоры. Если бы взгляды могли убивать[27], думала она, прижимаясь к холодной коже пальто О'Хары, а ветер, заставляя жмуриться, остегивал ее волосами.

Она чуть не потеряла надежду и вдруг увидела: Мередит под ручку с Бонни и с Грейс сходят с тротуара возле Женской больницы.

— Тише, тише! — завопила она через плечо О'Хары, испугавшись, что они пролетят незамеченные.

Бонни и Грейс ее видели, это уж точно. Бонни ошалело отпрянул, потянув за собой Мередита. Грейс приветственно взмахнула сумочкой, шерстяной моток поскакал по мостовой. Стелла долго, долго, махала, махала, когда мотоцикл давно завернул за угол.

Она ему не позволила довезти ее до „Аберхаус-отеля“. Попросила остановиться на соседней улице. Не хватало, чтоб дядя Вернон выскочил из подвала и лез со своими разговорами.

— Не зайдешь на чашечку чая? — предложил О'Хара. — Я тут рядом живу.

— Если вы хотите, — согласилась Стелла. — Ин-

---

[27] Примечания: 27
Видоизмененная цитата из „Ричарда II“, акт III, сц. 2.

тересно посмотреть, как люди живут.

Посмотрев, она просто оторопела. Было, в общем-то, убрано, но ничегошеньки ценного на камине, и мебель — ну вся буквально так и просилась на свалку. Она удивилась, что он живет в такой бедности — знаменитый ведь человек.

— Не очень тут благотворно, — сказала она, озирая обшарпанные плинтусы, разводы на стенах.

— Я здесь когда-то был счастлив, — сказал он ей. Сесть было негде, кроме узкой койки возле камина.

— Чем-то пахнет, — сказала Стелла. — У меня очень развитый нюх.

Он извинился за сырость, но она покачала головой.

— Нет, тот запах я знаю, он сладкий. Тут другое. — И сморщила нос, определяя, чем пахнет.

— Скипидар! — крикнула она наконец. — Скипидар и еще льняное масло.

Потрясенный, он стал рассказывать ей про Кили, вспоминать зажигательные истории, когда Кили что-то или кого-то поджег. Она поощрительно улыбалась, так что даже ей скулы свело. Да, веселая была жизнь, заключил он.

— А где он теперь? — спросила она, подозревая, что за решеткой.

— Я потерял его из виду, когда он призвался в авиацию. Не вполне уверен, что он остался жив. У меня дома есть одна его картина — эта вот комната и я — в дверях стою. Мне страшно нравится.

— Мистер Поттер разбирается в живописи. Он меня водил в галерею Уокера[28]. Кому больше нравится религиозная живопись.

— Уж конечно, — сказал О'Хара.

Чем-то, она ясно видела, он был озабочен. Не совсем ловко с ней себя чувствовал. Все присматривался, будто ждал, что вот она выкинет номер, вылетит, например, в дымоход.

Вдруг он ее поцеловал. Она послушно приоткрыла губы и не шелохнулась. Когда он ее отпустил, она вытерла рот рукавом.

Он сказал:

— Надо бы тебя домой отвезти.

Голос звучал сердито.

— Если вам все равно, я могу остаться, — сказала она.

Так и так этого не миновать, а сегодня ли, завтра — какая разница. Пора было с этим покончить.

Это оказалось странно, необычно — уж точно. Она испытала легкий трепет, грусть, и было

---

[28] Примечания: 28
Знаменитая картинная галерея Ливерпуля.

трудновато и дико неловко: последнее в связи с раздеванием. „Египет милый мой, я умираю“[29], — стукнуло у нее в голове, когда бюстгальтер Дотти Вланделл падал на пыльный пол. Она и не представляла себе, чтоб к этой сборке деталей могла подметаться поэзия.

„Я могу подумать — что смерть, костлявый аспид, по любви — тебя живьем в объятья залучила[30], — цитировала она про себя, когда О'Хара лег на нее и сгреб под голой, грубой лампой. Хотя О'Хара был не костлявый, да и не аспид. „Стелла Марис“, — пробормотал он ей в волосы и отскочил, как скачет по берегу рыба.

Когда это, очевидно, кончилось — он уже не так тяжело дышал и лежал рядом с закрытыми глазами, — она спросила, кто это Стелла Марис.

— Я это сказал? — спросил он, сел и начал причесываться. — Я знал одну девушку с таким именем — давным-давно. В переводе значит — Звезда Морей.

— Стелла Марис, — повторила она. — Красиво.

— Это не ее настоящее имя. Просто сама выдумала.

---

[29] Примечания: 29
„Антоний и Клеопатра“, акт IV, сц. 13.

[30] Примечания: 30
„Ромео и Джульетта“, акт V, сц. 3

Она как-то презрительно осматривала его плотные плечи.

Он надел рубашку и предложил ей ополоснуться под умывальником.

Она отказалась: купалась только вчера.

— Ты не бойся, — сказал он. — Я был очень осторожен. Я не безответственный человек.

Она решила, что он думает про детей. Она и не беспокоилась. Если то, что она совершила, — грех, значит, ей и положено наказание.

— Теперь-то чего уж, — сказала она.

Если б она только на секунду дала слабину, выговорила единое нежное слово прощения, дружбы, она б разревелась. В зачаточной победной улыбочке, в выражении глаз уже явно сквозило мученичество.

— Тебе было хорошо? — спросил он, отводя взгляд.

— Так себе, — призналась она. — Тут, наверно, нужна сноровка. Это очень личное, правда?

Он настоял на том, чтоб ее проводить, но на углу она от него убежала. Он был недоволен собой. Спазм пережитой радости, как ни был остр, позабылся. К тому же его не на шутку шокировала легкость, с какой она приняла случившееся. Не плакала, не прижималась к нему, не выпытыва-

ла, как он к ней относится, и не думала плести наивной, очаровательной чуши про любовь до гроба, ожидаемой от только что лишенной невинности юной девушки. Он нисколько не сомневался, что она понятия не имела о том, как нежен он был, как заботлив. Одним словом — сплошное не то.

* * *

Стелла не пошла домой, верней, пошла не сразу. Она самым быстрым шагом прошла к реке, мимо утлых домишек за церковью. Ветер тянул в гору такую вонь от сырого зерна, что она просто задыхалась.

Телефонную будку около миссии занял какой-то мужчина. Она скрючилась в тени у входа и разглядывала отуманенные елочные огни, мигающие во втором этаже дома напротив. Маленькая девочка не то куклу, не то ребенка взад-вперед носила за окнами.

На улице было холодно. Над черными цилиндрами заводских труб створаживались химические облака. От доков несся ровный уличный гул, и бился в горячей тьме пульс рафинадной фабрики. Наконец мужчина вышел, пошатываясь, в сосисочном ожерелье.

Она нажала кнопку, услышала мамин голос. И застеснялась. Она собиралась сказать, что вот теперь она тоже совращенная женщина. Но когда дошло до дела, не находила подобающих слов. Поэзия вся улетучилась. Она поздравила маму с праздником, не отрывая глаз от той девочки через дорогу и силуэта мистера Панча, который, вдруг показалось, ей грозил кулаком.

Мама ответила как всегда.

11

На утреннике в первый день Святок О'Хара, проволочив за ошейник упиравшуюся Нэну, ушел со сцены в качестве мистера Дарлинга и побежал наверх преображаться в капитана Крюка. Джеффри полагалось ждать его за кулисами, чтоб помочь влезать в пиратский костюм — из-за вделанного в рукав крюка это было муторное дело. Джеффри на месте не оказалось. Мальчику, игравшему Болтуна, пришлось встать на стул и выручать О'Хару. Это было нарушение дисциплины — отсутствие Джеффри.

Во втором антракте Джеффри извинялся, ссылался на то, что у одного из деревьев на дупле отстала дверка и Бонни в последний момент велел ее закрепить. Но на вечернем спектакле он снова куда-то запропастился.

На сей раз влезать в камзол О'Харе помогала Стелла. Он спросил: „Как провела Рождество?“ — и, не глядя на него, она ответила, что, спасибо, было тихо, но приятно.

Это была ее воспитанность. Дядя Вернон, вдохновясь присутствием коммивояжера с пе-

ресаженной кожей, испортил весь ужин своими рассказами о французском походе, о том, как в полуразрушенном хуторе где-то под Лиллем он повстречал тридцатилетнюю женщину, всю седую, которая младенцем на себе испытала ужасы Первой мировой войны. Немецкие офицеры — интендантская мелкая сотка — искали у них еду, им сказали, что ничего нет, и тогда они вырвали ее из рук матери и сунули в кипящий котел на плите, грозясь сварить и съесть.

У Лили после этой истории разболелась голова, и она ушла спать, а всю грязную посуду оставила на Стеллу. Вытирал коммивояжер. Слезы катились у него по щекам, но это потому, что он не умел мигать. Дядя Вернон, в бумажной короне, клевал носом в своем кресле под церковные хоралы по третьей программе.

Стелла была в суфлерке, с факелом в руке, когда второй раз вышел со сцены О'Хара. Он толокся в кулисах, хотя раньше сидел у себя в гримерной, пока занавес не поднимется над Русалочьей Лагуной. Он увидел у нее на шее дешевенький жемчуг. На сцене первый близнец заприметил белую птицу, декламировал: „Смотрите, вот она — Венди“, а Болтун, указывая на сочащиеся сквозь рисованные деревья призрачные лучи, восклицал: „Чинь

хочет обидеть Венди!“ Из зала взлетело робкое, тоненькое предостережение. Стелла, повинуясь сигналу Бонни, тряхнула колокольцем.

— Кто-то сорил деньгами у Вулворта, — О'Хара тыкал в ее жемчуг своим крюком. С этими накрашенными губами, с черным крестом на щеке лицо у него в темноте было жуткое.

— Тише, пожалуйста, — шикнул Бонни.

О'Хара, морщась, тихо двинулся к боковой двери и на цыпочках прошел в реквизитную. Было ужасно противно, что его поймали с поличным.

Джордж ему скрутил папироску.

— Мой вам намек, — сказал он. — Насчет Джеффри. За мальчишкой нужен глаз да глаз.

— Он меня сегодня дважды подвел, — сказал О'Хара. — Что это с ним?

— Вы уж не обижайтесь, капитан, — сказал Джордж. — А только сами смекайте.

После занавеса О'Хара спросил Стеллу, не подбросить ли ее домой на мотоцикле.

— Как хочешь, — сказала она.

И протомила его у подъезда, а когда наконец вышла, его подцепил Фредди Рейналд. Она прошла мимо них не глядя.

— Как насчет по рюмочке? — предложил Фредди.

О'Хара сказал, что не в состоянии видеть Поттера.

— Но не обязательно же в „Устричный бар“.

— В другой раз, старик. Прости, замотался.

— Вижу, — сказал Фредди, и оба проводили глазами плетущуюся к углу девочку.

О'Хара нагнал Стеллу у начала подъема. Она сказала, чтоб он проезжал, она не сядет.

— Почему? — спросил он.

— Так. Дяде не понравится.

Он решил, что она идет прямо домой, и с мрачной улыбкой уехал.

Он удивился, когда она постучала в окно. Вошла, стала кружить по комнате со злым, враждебным лицом. Он зажег газ, усадил ее на коленках у огня, чтоб согрелась.

— Я не останусь, — сказала она, стуча зубами.

— Ты одевалась бы потеплей, — увещевал он. — Ведь зима. Ты чудовищно кашляешь.

Она заявила, что лучше умрет от холода, чем наденет пальто, которое ей купила Лили. Оно ей велико и вдобавок с меховым воротником.

— Но это же великолепно, — сказал О'Хара.

— Еще неизвестно, — отрезала она. — Хлопот не оберешься. Когда на тебе меха, надо краситься. Меха привлекают внимание.

Он был, неожиданно для себя, вовлечен в дискуссию о том, действительно ли серебряная обертка лишь подчеркивает убожество подарка. Дешевку, сказала она, надо в оберточную бумагу и заворачивать. Он смутился, решив, что она раскаивается, что так легко ему отдалась. И, услышав собственный голос, утверждающий, что главное — это внимание, сам был потрясен полезшей из него пошлятиной. У нее лицо горело от пламени, она сидела на корточках на линолеуме, теребила свои грошовые бусы.

Он спросил, кто их ей подарил, и она сказала — подарок от мамы. Он извинился за свое предположение, будто они куплены у Вулворта. Она посмотрела на него не мигая и сказала — скорей всего так и есть. Потому мама и не стала их запаковывать, а оставила прямо на подушке, обвив вокруг розы.

— Как это мило, — сказал он и, ужаснувшись собственному покровительственному тону, тут же сказал, что у нее, наверно, уши горели на Рождество. Они, кое-кто из труппы, посидели в отеле „Адельфи“, и Дотти Бланделл неустанно ей пела хвалу, Дотти считает, что ее роль Птолемея просто потрясающая для такой неопытной актрисы.

— Я безумно много потерял, что не видел. Ну а

самой тебе понравилось играть?

— Мистер Поттер тоже был с вами? — спросила она.

— Они с Бонни отправилась в Хойлейк навестить какую-то тетушку. Тебе бы Клеопатру сыграть, знаешь? И возраст у тебя подходящий. Бэбз ни при какой погоде не годится на роль.

— Разве у Бонни есть тетя в Хойлейке?

— Бонни с юга, — сказал он. — Это Поттер — из местных.

Она смотрела на него недоверчиво, как будто подозревала в лести.

— Нет, правда, ты бы ее очень даже сыграла, — старался он. — Не одна Дотти тебя считает талантливой. „Тебе бы только чуть-чуть за собой следить, чуть-чуть заняться своей внешностью.

— Но мистер же Поттер не из Ливерпуля.

— Ну почему, — сказал он. — Его мать училась с Розой в одном классе.

Она смотрела на него, стискивая руками коленки.

— Профессия актера, — продолжал он, — еще и физический труд. Она требует человека всего. Мало уметь произносить текст. Тут и дыхание, выдержка, пластика. И очень важно выработать осанку, следить за глазами, за кожей. Даже сто-

имость Рубенса может возрасти от правильно подобранной рамы.

— Дотти тебе рассказала про мой нарыв?

Выведенный из себя, он обнял ее и заставил умолкнуть. Она была настолько с ним одно, что он зажмурился.

Потом она сделалась милостивей. Он поставил на патефон пластинку, она сидела у него на коленях, закутанная в одеяло, ласково привалясь к его плечу. Сказала, что, кажется, уже почти раскусила, что к чему. Это все равно как учиться играть на рояле или на гавайской гитаре. Просто практика нужна.

Он ее баюкал в такт музыке, сонно перебирал жемчужинки. Как признание в любви, она шепнула ему в ухо:

— Ты не очень обращай внимание на мои слова. Я мелю иногда, что в голову стукнет. Вот почему дядя Вернон и хотел, чтоб я на сцену пошла.

— Какая связь, не улавливаю? — спросил он, не слишком вникая.

— Я ломаю комедию. Это я всегда. Придумываю, например, что кто-то у меня умер. Хожу на похороны, землю бросаю. Долго иногда придумываю, кого буду хоронить. Люблю репетировать грустное всякое, чтоб потом знать, как себя вести,

когда до дела дойдет.

— Дуреха, — пробормотал он нежно, почти не слушая.

— Это из-за моей судьбы, — сказала она и передернулась.

Он предложил купить ей пальто. Пусть она сама выберет — деньги не имеют значения. Она соскочила с его колен, стала судорожно одеваться. Второпях сунула бюстгальтер Дотти Бланделл в карман спецовки.

— Господи Боже, — крикнул он. — Ну что я такого сказал!

Она не пожелала с ним разговаривать, вылетела за дверь. Он хотел за ней побежать, но одумался: стар уже для таких штук. Сам не свой, запутавшись в брюках, он рухнул на свою раскладушку.

* * *

Вернон поехал на этот футбол на трамвае. Решил не показываться на глаза Стелле, пока не доедет до места. Авось — либо пронесет, и она вообще его не увидит. Была неприятная минутка за завтраком, когда она спросила, с чего это он вырядился.

— Не твое дело. — сказал он и стиснул зубы,

удержался, не стал ей указывать на то, сама в каком виде ходит.

— И она еще будет меня стыдиться! — обрушился он на Лили, когда Стелла наконец-то ушла. — Удивляюсь, как ее за водопроводчика не принимают. Моя бы воля — спалил бы эту спецовку к чертям собачьим.

— Возраст у нее такой, — успокаивала Лили. — Прикрыться старается.

О'Хара ждал Стеллу возле театра. Пираты из „Острова сокровищ“ с гиканьем погружали в автобус распираемые пивными бутылками картонные ящики.

Бонни, небритый, стоял на краю тротуара с помрежем „Эмпайра“. Он беспокоился:

— Вы приглядите, надеюсь, за этой публикой. Хотелось бы обойтись без увечий.

— Да вы что? — возмутился помреж. — Это же все наши примерные мальчики.

Прославленный комик, игравший длинного Джона Сильвера, мелькнул в автомобиле рядом с шофером.

— Я поехал, братишки, — крикнул он, опустив окно и высунув печальную физиономию. Он жевал бутерброд с ветчиной и, когда автомобиль тронулся, пустил по ветру корки.

Стелла вышла на улицу с Джеффри, быстро прошла мимо О'Хары. И вцепилась в пальто Джеффри, когда тот влезал в автобус. Тут как раз из-за угла подоспела Дотти с Десмондом Фэрчайлдом под ручку. Остановилась, ткнула зонтиком в мотоцикл О'Хары: „Ах, и ты тут, паршивец“, хотя прекрасно же знала, что это совершенно другая машина.

О'Хара, не отвечая, метался по тротуару, размахивал руками, старался привлечь внимание Стеллы. Он готов был голову отдать на отсечение, что она его видела. Оскорбленный, он вернулся к мотоциклу, вспрыгивая на сиденье, бешено лягнул носком ботинка стартер. И умчал в облаке выхлопных газов.

Всю дорогу до футбольного поля он думал о ней. Каждый вечер с начала Святок она приходила к нему и позволяла себя любить.

— Ты совсем уверена, что тебе это нравится, да? — допытывался он в темноте. — Я не вынуждаю тебя делать что-то, что тебе не хочется?

— Никто никогда не вынудит меня делать, что мне не хочется, — заверила она его.

Но когда на другой день он пытался с ней заговорить, она просила оставить ее в покое и убежала в реквизитную.

Она призналась, что любит другого, но он не верил. Не влюблена же она в этого Джеффри, нет, быть не может, каждый раз при упоминании его имени голос у нее дрожит от презрения. Он не постигал, почему она так боится, что кто-то узнает о его отношении. Все женщины, которых он знал, всегда норовили похвастаться своей властью над ним, пусть эфемерной.

Он проговорился, что женат. Начал рассказывать забавный эпизод, как он обкатывал какую-то роль в Брайтоне и чуть не опоздал к звонку, потому что сдуру защелкнулся в номере, и если бы не жена… Поняв свой ляп, он осекся и спросил — ее не смущает, что он женат?

— С чего бы? — отвечала Стелла. — В твоем возрасте люди всегда женаты.

Он тогда смеялся, но обиделся почему-то. Вскоре не удержался, спросил — а она его хоть немножечко любит?

— Я же сказала, — ответила она. — Я люблю другого.

— Но ты с ним не делаешь вот этого, этого? — И он распластал ее на валкой раскладушке, вонзаясь в нее.

— При чем тут… — И она в сосредоточенности замкнула лицо.

Уж на что человек бывалый, он запутался. Боялся, что развращает ее. Не успевал он заикнуться, чтоб она чуть-чуть приподняла бедра или выгнула спину, как уже она с готовностью подчинялась. Предлагала и кой-какие собственные нововведения. На третью их ночь велела ему тесней сомкнуть ноги и нашла способ тереться об его колено, одновременно всасываясь ему в шею, заставивший его содрогнуться.

На следующий день он принес букетик фиалок и бросил ей на колени, когда она сидела в суфлерской. Она повернулась, прошипела, что Бонни смотрит. А когда он шел со сцены, фиалки валялись в кулисах, растоптанные чернокожими Тигровой Лилии.

Нет, он ее не понимал, да и себя, в общем, тоже. То, что началось с легкого, скорей постыдного, совращения, саднило теперь не на шутку. Он потерял сердце и мог, того гляди, потерять голову.

Футбольное поле располагалось за пригородным кладбищем. Ветхое здание клуба, с проваленной крышей, жалкая трибуна, дрожавшая на ветру. С полсотни зрителей, в основном старики и подростки, уже выстроились вдоль поля, притоптывая, чтоб согреться.

Скоро, сопровождая лимузин Длинного Джона

Сильвера, тремя легковушками прикатили девицы. Ссыпались на дорогу, побежали к полю. Иней посверкивал на пегой траве, над кладбищенской оградой дрогло голое белое солнце. Легко одетые девицы, щебеча, как цыплята, побегали по морозцу и кинулись обратно к машинам. Комик незыблемо ждал, прикладываясь к фляжке.

Подкатил автобус, потом какое-то время ушло на суетню. Бонни оглядел здание клуба и объявил его ненадежным. Прогнили деревянные ступени крыльца.

— Назад, назад, — кричал Бонни бежавшим на него пиратам.

— Берегите лодыжки, мальчики, — орал помреж „Эмпайра“, сгоняя их со своего поля.

Кое-как выманили из легковушек девиц, рассадили в первом ряду, забросали пальто, куртками, шарфами, просили не прыгать. Трибуна опасно скрипела, девицы визжали.

Вернон сперва даже растерялся. Игроки одеты были не разбери поймешь как — некоторые не удосужились переодеться в трусы. У вратаря „Эмпайра“ вместо наколенников были приляпаны к тренировочным брюкам крикетные щитки. Изо рта знаменитого комика торчала сигара. Рядом крутился шофер, сверкала на студеном свету

фляжка. В общем, ясно было, что ждать серьезной игры не приходится.

Вернон пожалел, что отшил Харкорта: вместе бы посмеялись. Он никого тут не знал, кроме Стеллы и Поттера. Стелла стояла посреди поля и разговаривала с единственным малым, одетым по-людски: в трусах и фуфайке. Он ее удерживал за плечо и, как видно, о чем-то просил. О чем неизвестно, но она была непреклонна. Вернону стыдно было за нее. В каком-то длиннющем пальто; мела подолом землю, когда гордо уплывала прочь: нет чтоб чуть подобрать.

Перед самым свистком Вернону показалось, что она его увидела. Вроде глянула в его сторону. Он было поднял руку, помахать, да передумал. Не к спеху. Сама еще подойдет. Если себя повести с умом, может, разрешит поехать с ней вместе в автобусе.

Мередит был судьей. Стелла жалела, что он не выбрал себе более видную роль. Она не очень понимала в футболе, но даже ей сразу стало ясно, что на поле заправляют Джеффри с О'Харой. В автобусе Джеффри мрачно смотрел в окно. А сейчас остервенело носился по флангу, как ненормальный. В первую же минуту забил гол, через четверть часа — второй. Вся команда его хлопала

по спине, зрители аплодировали, но он все равно, кажется, не особенно радовался.

Игра велась в основном в середине поля или перед воротами „Острова сокровищ“. Мередит почти все время стоял к Стелле спиной: она перебралась к кладбищу, когда засекла дядю Вернона перед клубом.

Скоро ей все это надоело, и она по тропе побрела к дороге. Возле церкви стоял погребальный автомобиль, и человек в черном цилиндре желтой тряпкой начищал кузов.

— Уже начали, — сказал он, и она, кивнув, покорно ускорила шаг.

Дверь взвизгнула жутко, когда Стелла ее открывала. Гроб стоял на подмостях перед алтарем, и в белом стихаре, спиною к скамьям, пастор. Окно за алтарем заменили фанерой с хромой надписью черной краской: „Не кантовать“. Голая одинокая лампочка горела над престолом и обращала всю сцену в спектакль с неумелым осветителем. Стелла бы выскользнула и убежала, но скорбящие уже оглянулись на дверной скрип и смотрели на нее. Их было трое, две женщины и один мужчина, все старые, седые, у каждою по пастушьему посоху с крюком, опертому на переднюю скамью. И больше — ни души, кроме невидимого органиста, как

раз громыхнувшего разлаженным гимном.

Служба была короткая. Слова пастора, раскатившись по просторной пустой церкви, пробежали во тьму. Одна из старушек высморкалась, взрывом грянуло эхо и потухало потом, как собачий лай.

Стелла стала воображать, будто в гробу лежит дядя Вернон.

Сосредоточилась, но ничего не почувствовала. Смерть для дяди Вернона не такое уж грандиозное приключение[31] — он такой старый. Она заменила его Мередитом. Грусть все равно не особенно выходила. В общем, она на него скорей обижалась за то, что так коварно от нее ускользал. Представила, что это она сама лежит бездыханная. Дядя Вернон и Мередит рыдают. К ней уже подступала неподдельная скорбь, но тут она вспомнила, что Мередита, католика, сюда б не пустили.

У нее за спиной скрипнула и отворилась дверь. Она оглянулась, увидела того, в цилиндре. Он смотрел мимо нее и кого-то подманивал пальцем. Четверо служителей скользнули из сумрака ризницы, взялись за гроб и понесли по нефу. Пастор с требником ступал следом, и сквозняк вздымал и

---

[31] Примечания: 31

П и т е р Ну что же, смерть — это самое грандиозное приключение („Питер Пэн“ акт III)

опускал его волосы. Стелла убежала бы, но сочла, что это кощунство — бежать впереди покойника. Она зажмурилась и вслушивалась в мерный шелест шагов.

Когда она снова открыла глаза, с ней поравнялась одна из траурных старушек. Палка у нее оскользалась на плитках, она еле переступала, шаталась. Стелла ее подхватила под локоть. Вместе кое-как выползли за дверь. На паперти их окатил глухой рокот футбольного поля.

— Спасибо вам, что пришли, — сказала старушка. — Ему было бы приятно.

Когда гроб опустили в яму и были произнесены соответственные слова, пастор нащупал ее руку в глубине рукава О'Хары.

— Вы близко знали усопшего? — спросил он.

— Ну, в общем… — сказала она.

— Уповайте на воскресение, — сказал он ей и поспешил прочь с багровым от ветра лицом.

Стелла прошла к тополям, глянула через ограду на поле. Увидела: кто-то лежит на земле, О'Хара заламывает Джеффри за спину руки. Кругом орали.

* * *

О'Хара и Фредди Рейналд выволокли Джеффри с поля и увели с глаз долой, за клуб. Уговаривая поглубже дышать, водили взад-вперед вдоль проволочной ограды. Он весь трясся и так взмок от пота, что волосы мазками черной краски лежали на лбу. Он дышал отчаянно, всхлипывал яростно.

Зрители расходились. Помреж „Эмпайра“, силком заставив своих футболистов надеть пальто и шарфы, гнал их к автобусу. Дотти случайно слышала, как один пират из хозяев поля сказал, что все это яйца выеденного не стоит. Она свирепо ткнула его зонтиком пониже спины и сказала, что так нечестно.

— Кулаки распускать в любом случае нельзя, — крикнула она. — Позорная выходка!

Пират, кажется, не раскаивался. Десмонд Фэрчайлд заговорщически ему подмигнул.

Мередит сидел на траве, задрав подбородок к небу, как будто загорал. Бонни отмахивался от комика, совавшегося к Мередиту со своей фляжкой.

— Нет, это может скорей навредить, — объяснял он, в ужасе глядя на кровь, хлеставшую но

лицу Мередита.

— О Господи, — выдавил Мередит. — У меня же кровь носом, а не рана в живот.

— Он тебя нокаутировал, — не сдавался Бонни.

— Я потерял сознание, — уточнил Мередит. — От невыносимой боли.

— Придется тебе расстаться с милым Джеффри, — орал, весь красный, Джон Харбор. — Нечего ему спускать это свинство. Скажи Розе, пусть его гонит взашей.

— Блистательная идея, — сказал Мередит. — Ну прямо-таки находка.

Он поднялся на ноги, презрительно отстранив Харбора.

— Куртка! — повернулся к Бонни. — Где моя куртка?

Харбор, кинув взглядом по полю в поисках Джеффри — очевидно, представляя себе, как на него налетит и накостыляет ему сзади, — побежал делиться впечатлениями с Дотти и прочими.

Мередит выпутывал из окровавленной ленточки свой монокль, когда подошел Вернон. Вместе побрели к тропе.

— Люблю утречком такую погоду, — сказал Вернон. — Чуть подмораживает, солнышко светит.

— Да, в самом деле, — согласился Мередит. —

Погода бодрящая.

Вернон кивал одобрительно и тут оступился. В первую секунду, услышав треск, решил, что наступил на сучок. И — упал, ослепнув от боли.

— Стелла, — крикнул он. — Где наша Стелла? Стелла увидела из-за тополей, как лимузин комика запрыгал по тропе к тому месту, где лежал Вернон. Хотела перелезть через забор, кинуться к нему, успокоить. Он был совсем близко. Штанина задралась, выказывая круглую резинку на пятнисто-ромбовой икре. „Стелла!“— крикнул он снова, будто взывая к единственной родной душе. Шляпа слетела, покатилась от ветра. Стелла зажмурилась, заткнула пальцами уши. И стала напевать про себя песенку.

В ответ на записку Десмонда Фэрчайлда, вечером, перед вторым звонком, О'Хара зашел в гримерку Грейс Берд. Туг же были Бэбз и Дотти.

— Вот что, господин хороший, — сказал Десмонд. — Мы тут пораскинули мозгами. Не поговорить ли вам с Поттером.

— Поведение Джеффри непростительно, — сказала Грейс. — Но похоже на крик о помощи. И он такие жуткие вещи говорил Джорджу. Эта реквизитная просто рассадник интриг.

— Главное, — рассуждал Десмонд, — лучше,

чтоб исходило от вас. Вы отыграли свое — и айда. А нам еще тут вкалывать до конца сезона. И вдобавок у вас, как я понимаю, что-то такое уже намечалось с Поттером.

— Да, — согласился О'Хара.

— Только при Джоне — ни звука, — предупредила Дотти.

О'Хара постучался к Мередиту в первом антракте. Лицо у Мередита, в общем, не пострадало, только распухла губа. С ним была Роза.

— В другой раз, — сказал О'Хара. — Ничего срочного.

Мередит зашел к нему, когда он переодевался в костюм мистера Дарлинга для финальной сцены.

— Ну вот и спасибо, очень мило, — сказал О'Хара. — Дело, собственно, терпит.

Ему сделалось не по себе. Вот настал, наконец, момент, а у него не хватает пороху. Намазывая лицо, стирая злодейские брови Крюка, он выговаривал то, что должен был сказать. Несколько раз извинялся, что, может быть, не совсем удачно выразился.

— Я не разделяю мещанских предрассудков, — кончил он. — При всем при том. Видит Бог, сам не святой.

Мередит всё выслушивал молча. Тут он сказал:

— Блажен муж, признающий свои грехи, — и усмехнулся. И открыл дверь, чтоб уйти. — Прежде чем ты спустишься в детскую, — сказал он, — смею тебе заметить, что вступать в связь с несовершеннолетними есть уголовное преступление.

После вызовов О'Хара ждал в оркестре, пока Фредди Рейналд своей игрой спроваживал публику. Фредди плеснул в юбилейную кружку немножко виски.

— Тут тебе нечем крыть, — сказал он, когда О'Хара ему пересказал разговор. — Она несовершеннолетняя.

— Никто ничего не докажет, — взревел О'Хара. — Она же первая станет все отрицать.

— Вас засекли, — сказал Фредди. — Джордж говорит, Бонни видел, как она от тебя выходила. Тут не надо гадать, стоял ли Поттер на коленках, заглядывая в окно.

— Бонни приличный человек. Не будет он что-то рассказывать, чтоб мне навредить.

О'Хара задел крюком за край кружки. Она перевернулась, оплеснула содержимым его собственную фотографию верхом на мотоцикле. Он вытер ее рукавом, сказал:

— У меня дома есть снимок: мне десять лет, итонский воротник. Ну она и она.

— Совсем помешался, — сказал Фредди. Он хотел затащить О'Хару в художественный клуб, напоить, чтобы он мог поспать. О'Хара отказался. Оба знали почему.

— Ничего не могу с собой поделать, — объяснял О'Хара, — просто она моя какая-то часть.

Он писал письмо, когда в окно постучала Стелла. Он, в общем, даже не сразу обрадовался. Слегка устал ее умасливать, чтоб была подружелюбней. Прорубаться сквозь чащу — с ней разговаривать.

— Как отец? — спросил он. — Это перелом или вывих?

— Я дома не была, — сказала она. — И он мне не отец.

Она обливала ядом Джеффри. Непонятно, как у него совести хватает людям показываться после того, что он сделал мистеру Поттеру. Еще хвалится в реквизитной. После занавеса поднимался в гримерку статистов, наткнулся на мистера Поттера — она не с чужого голоса говорит, сама была на лестнице, видела — так нет чтоб показать свое раскаяние, нет, стоит и смотрит, будто вот сейчас его снова боднет. Мистер Поттер отпрянул, у него выскочил из глаза монокль.

— У Джеффри есть свои причины, — сказал О'Хара. — Ты же не знаешь.

— Он неуравновешенный, — объявила Стелла. — Его из Сандхерста вышибли за то, что в кого-то пальнул.

— Зачем говорить глупости.

Она взвилась, завопила, что Джеффри из привилегированного класса. Им все можно. А мистера Поттера обидели, он жертва.

— Ты не знаешь, что мелешь, — сказал он. — Поттер все последние пятнадцать лет потратил на то, чтоб губить таких, как Джеффри. Хилари было восемнадцать, когда Мередит подцепил его на Би-би-си.

— Его?.. — Она на него смотрела совершенно пустым взглядом.

— Никогда удержаться не мог. Еще много кого было. Почему, как ты думаешь, его выгнали из Виндзора?

— Просто ты ревнуешь.

Он расхохотался.

Она сказала, что уходит и больше не вернется. Никогда. „Спасибо, было очень приятно“, — сказала такую нелепость. В глазах стояли слезы.

— Господи, да что же это такое! — крикнул он, выведенный из себя, и, когда за ней стукну-

ла дверь, почувствовал облегчение. Надо было дописать это письмо. Но через десять минут он решил, что нехорошо с нею обошелся, надо было ее догнать. Может, завтра, до утренника, сводить ее в кинохронику, сьесть бутербродик. Она любит туда ходить. Он откроет ей свое сердце, объяснит, что она для него значит. „Только вот беда, не пойдет она, надо как-то ее залучить. Пойти, например, к ней домой, как бы навестить мистера Брэдшо и прямо, в присутствии матери, ее пригласить. Куда она денется. Ей придется пойти, иначе это будет выглядеть странно.

Он ходил взад-вперед по комнате, обдумывая, что он ей скажет, но тут постучался студент-биолог, попросил взаймы шиллинг на газовый счетчик. Он был такой робкий, затрушеный, что пришлось предложить ему чашечку кофе. Потом О'Хара спал плохо, его распирало, его накрывало кошмаром. Он тонул в той лагуне, шел ко дну, и над ним тикало крокодилово брюхо.

В полдень он отправился в „Аберхаус-отель“, позвонил. Снизу откуда-то появилась женщина со щеткой и тряпкой. Спросила, что он продает.

— Моя фамилия О'Хара, — сказал он. — Я из театра. Вот, хотел бы справиться о здоровье мистера Брэдшо.

Он был уже на ступеньках, Лили не успела его задержать. И, конфузясь, впустила его.

Вернон сидел в своем кресле у камина, оперев пострадавшую ногу на телефонную книгу. Небритый и вообще в непрезентабельном виде.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Двигайте стульчик к огню. — И поскорей вставил челюсть.

— Но это у вас не перелом? — спросил О'Хара, оглядывая распухшую голень.

— Просто вывих, — сказал Вернон. — Заживет как на собаке.

Он повернулся — сказать Лили, чтоб чайник поставила, но она убежала на кухню наводить красоту.

О'Хара оглядывал комнату, старался найти отпечаток Стеллы. На каком она стуле сидит, где ее место. Фотографии в рамках на каминной полке были почему-то повернуты к стене. Потом он увидел знакомые туфли, заляпанные грязью, тесно поставленные на газету у камина, и у него покатилось сердце.

— Я сам, понимаете ли, виноват, — рассказывал Вернон. — Не смотрел, куда ногу ставлю. Кого жалко, так это мистера Поттера. Малый этот, который его боднул, Стелла говорит, из богатой

семьи.

— Да, кажется, — сказал О'Хара.

— Она считает, что его гнать надо, но мистер Поттер ни в какую. Сегодня утром мне сказал, что мальчишка переутомился.

— Поттер здесь был?

— Да вы только-только с ним разминулись, — сказал Вернон. — Тоже вот, вроде вас, травмой моей интересовался. Такой человек, да? Истинный джентльмен. Проявил исключительное внимание к нам с Лили, успокаивал в отношении Стеллы. Она ведь скрытная, знаете ли. Всегда такая была, мы с Лили всегда беспокоимся, что у нее на уме. Вы как-нибудь так не поймите… девочка она хорошая, с душой, когда ее узнаешь поближе. Вы, конечно, с ней не близко знакомы, только приехали.

— Конечно, — сказал О'Хара. — Я тут недавно. Я ввелся на роль Ричарда Сент-Айвза, вам Стелла, наверно, говорила.

— Не говорила она. Мистер Поттер сказал. Стелла нам ничего не рассказывает, да и никому. Так вроде больше на людях, но все в себе, все в себе — под замком. Вот я про театр и мечтал… замок этот легче ей чтоб отомкнуть.

— Но я-то думал, она очень близка со своей

матерью, — сказал О'Хара. — Вечно ей звонит, не успеет выйти из дому.

— Это она вам голову дурит, — сказал Вернон. Он как-то даже обиженно смотрел на О'Хару. — Не может она матери звонить.

О'Хара молчал. Странно — ему показалось, что весь дом затих, прислушиваясь.

— Лили, — крикнул Вернон. — Лили, поди-ка сюда. — Он попытался встать, крякнул от боли, снова упал в кресло.

— Да? Что? — спросила Лили.

Она напудрила нос, мазнула по губам помадой. Ее это старило.

— Стелла названивает кому-то, — сказал Вернон. — По нескольку раз на дню.

— Ну, не то что, — сказал О'Хара.

— Ему вот сказала, будто матери своей звонит.

— Не может она ей звонить, — сказала, пряча глаза, Лили.

Она стала прибирать комнату, взяла с газеты туфли, сунула под стол.

— Так кому же она названивает, к чертям собачьим? — заорал Вернон.

Он вспомнил вдруг те разы, когда заставал посреди ночи на лестнице Стеллу, не отрывавшую глаз от телефона, стукнул кулаком по ручке крес-

ла. Спросил О'Хару:

— А еще что она вам про свою мать говорила?

— Только про ту розу на подушке, на Рождество… с жемчугом.

Вернон переглянулся с Лили. Ему, в общем, даже полегчало.

— Я очень буду вам благодарен, мистер О'Хара, — сказал он. — Если вы у нее поразведаете, поосторожней, конечно, к кому эти ее звонки. Я не просто так интересуюсь. Не из праздного любопытства. Я личную ее жизнь уважаю, как и каждого человека.

— Не может она звонить своей матери, — сказала Лили. — Она даже не знает, где она. Мы никто не знаем. Только что в Америке она где-то.

Вернон несколько раз приступался, но не знал, с чего начать. Ему и хотелось открыться О'Харе, чтоб тот понял его и Лили, но как будешь первого встречного посвящать в это дело. Нет, не очень все это кого-то красило, не такая история. При других бы обстоятельствах он лучше бы кой-чего не касался, этой незаконнорожденности хотя бы. Не очень хорошо их характеризовало с Лили, что прогнали тогда Рене.

— Мы из кожи вон лезли, если уж на то пошло, — рассказывал он. — Приняли ее, когда с поджатым

хвостом вернулась из Лондона, накормили, обогрели, да что! Вечно причепурится и шляется где-то. Не один раз бывало — и ночевать не являлась.

— Молодая была, — сказала Лили. — Пожить хотелось.

Это она объясняла Вернону, не О'Харе.

— Как ребенок родился, снова вернулась и несколько месяцев была шелковая, это я не отрицаю. Потом начала разную чушь придумывать с домом с этим. Шут ее поймет, во что его хотела преобразить. В итоге — сняла себе комнату за углом, с художниками разными вместе. Непристойщину развели, соседи жаловались постоянно.

— Она работу нашла, телефонисткой на почтамте, — сказала Лили. — Прилично зарабатывала.

— Она и конкурс этот выиграла, — сказал Вернон. — Тысячи были охотниц.

Лили расстелила газету на столе, поставила туфли, стала соскабливать грязь. Сказала:

— Я Рене просила Стеллу нам отдать.

— Какое там, это нет, это она протестует, — сказал Вернон. — Потом слышим: уволилась, взялась за старое, танцы и прочее.

— Но разве же мы думали, что она девчонку

бросит одну? — крикнула Лили. — Не могли мы такое подумать.

— Нет, — поддержал Вернон. — Не могли мы такое подумать.

Так что тут было с чего с ума сходить, когда прибежали соседи, сказали Лили, что ребенок заливается, дверь никто не открывает и в доме во всем темно. Пришлось ему вышибать окно внизу, чтоб залезть. Воняло парафином, скипидаром, засохшим калом. Он повертел носом, будто запах тот у него навечно застрял в ноздрях. Она лежала в кроватке, в задней комнате, а по всему полу ночнички. И роза на подушке — только этого не хватало. Вялая, конечно.

О'Хара встал, подошел к камину. Время от времени он вежливо кивал. Теперь стал барабанить пальцами по краю полки. Он как будто скучал.

— Как еще пожара не было, — сказала Лили.

Она подошла к камину, обеспокоенная, что О'Хара испачкает руки. Стала переворачивать фотографии, стегать полку пыльной тряпкой.

Когда О'Хара ушел, Вернон проковылял наверх, позвонить Харкорту.

— Все заявились, — сказал он, сообщив Харкорту о своем вывихе. — Директор этот, кое-кто из артистов… из главных.

— Вы же, по-моему, не собирались на этот матч?

— А-а, ну да, — сказал Вернон. — Стелла настояла. Не хотелось ее подводить. Так расстраивалась, когда я упал. Голову мне, знаете ли, придерживала.

— Что ж, хорошо, — сказал Харкорт.

— Я сегодня рассказал этому О'Харе насчет ее матери. Пришлось. Кое-что возникло. Пусть на всякий случай знает.

— Надеюсь, ничего серьезного.

— Ничего, справимся, нам с Лили не привыкать. Опять она за свое вранье принялась.

— Яблочко от яблони… — некстати сказал Харкорт.

— Не такая уж была плохая Рене, — вскинулся Вернон. — С искоркой. Конкурс этот выиграла — говорящие часы по всей Англии.

— „Девушка с золотым голосом“, — как бы извиняясь, сказал Харкорт.

Вернон ему рассказал, как его везли домой на машине с шофером. Там пахло как в баре.

* * *

О'Хара погнал мотоцикл к пирсу, припарковал у гранитного кнехта при входе в Альберт-док.

Выждал, пока полицейский скроется в проходной, поднырнул под перила и быстро зашагал прочь, через гигантские дурацкие плиты к разбомбленным складам. Мысль была — затаиться в развалинах до самого начала спектакля. И выть, как собака, и слышать со всех сторон свое эхо.

Переходя разводной мост, он поскользнулся на черном подтеке нефти. Грохнулся затылком о край моста. Лежал и мотал, мотал головой, прогонял из нее ту девушку Стеллу Марис, с младенцем на руках.

* * *

Длинная детская очередь обвила чуть не всю площадь. Джордж сказал Стелле, что это сиротки из приюта Святого Алоисия. За билеты заплатил муниципалитет. Такой ежегодный жест.

Она болтала с Пру в гардеробной — объявлять полчаса до начала была очередь Джеффри, — когда по лестнице взбежал Бонни. Спросить, не видела ли она О'Хару.

— Я-то при чем? — сказала Стелла.

— Хватит дурочку валять! — заорал он. — О'Хары нет в гримуборной.

За четверть часа до начала, не дождавшись О'Хары, Роза вызвала такси и отправила Бонни

на Перси-стрит. Дверь открыл студент-биолог. Он с утра не видел О'Хару, проспал.

— Мотоцикла нет, — сказал он услужливо, он уже сбегал на улицу, глянул.

Кровать О'Хары была застелена, посуда вымыта. Бонни прочитал неоконченное письмо на столе.

„Ты полагаешь, кажется, что связь с известным лицом лишает меня возможности действовать в пользу Джеффри. Ты заблуждаешься, если так. Меня, как и в *прежнем* случае, заботит судьба молодого человека, которую ты можешь загубить своим вниманием. В свое время ко мне обратились с просьбой, это повторилось и сейчас.

Если существующее положение не изменится, у меня не останется иного выхода, кроме как ознакомить с фактами Розу Липман. Это…“

Бонни сжег письмо в раковине и смыл пепел под краном.

* * *

С началом пришлось подождать, пока Мередит преобразится в мистера Дарлинга. Одежда ему вся не годилась. Он был выше О'Хары и худей. Роза выступила перед занавесом, прося снисхожденья у публики.

Полиция прибыла в начале четвертого акта, разворачивающегося в „Доме под землей“. Храбрецы Тигровой Лилии откричали „уф-уф-уф-хо-хо“, и Венди, напомнив Питеру, что надо переодеться, и оставив в развилке дерева пузырек, улетела домой. Выйдя в коридор, Бэбз увидела, как Бонни сидит на нижней ступеньке и служитель закона утешает его. Стелла узнала про О'Хару от мальчика, игравшего Стирку, названного так потому, что, когда его бросила мама, на нем была курточка с надписью „В стирку“.

— Капитан Крюк в речке утопился, — пролепетал он.

Чинь-Чинь как раз выпила предназначенное для Питера снадобье. Волнующий миг. *„Как, Чинь,* — крикнул Питер, — *это яд, и ты его выпила, чтоб спасти мне жизнь! Чинь, милая Чинь, ты умираешь?“*

Руки, державшие факел, дрожали. Мэри Дир роняла:

„Свет ее слабеет, и если совсем загаснет, значит, она умерла. Голос ее так тих, я почти не слышу, что она говорит. Она говорит… она говорит, что, наверное, выздоровеет, если дети поверят в фей. Скорее скажите, что верите. Если верите, хлопните в ладошки“.

Факел упал, покатился по кулисам, когда дети сомкнули ладошки, спасая Чинь-Чинь. Со свистом занялся задник. Сперва хлопки еще длились, крепли, потом дробно рассыпались, сменились отчаянным плачем.

0

Мужчина на площади дал ей пять пенсов и фартинг. Она набрала знакомый номер.

— Ужасно, — сказала она. — С тем человеком, который меня соблазнил.

— Точное время, — пропела мама, — шесть часов, сорок пять минут, сорок секунд.

— Я не виновата! — крикнула Стелла. — В следующий раз буду знать, как себя вести. Я же только учусь. Просто наклоняюсь и завязываю шнурки. А все ждут за углом.

— Точное время, — сказала мамочка, — шесть часов, сорок семь минут, двадцать секунд.